

сх

ISSN 0131-2596 ✓

охота

и охотничье хозяйство

12

2007

Проблемы развития охотничьего хозяйства

Г. СУХОМИРОВ, ст. научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, кандидат сельскохозяйственных наук;
Н. БАЛАГАНСКИЙ, начальник отдела охотнадзора УФС Россельхознадзора по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области;
Е. ХЛЬНОВ, начальник отдела охотничьего хозяйства Министерства природных ресурсов Хабаровского края;
А. ДАРЕНСКИЙ, директор Дальневосточного филиала ВНИИОЗ;
О. ГУНИН, директор Службы по охране животного мира и ООПТ Хабаровского края;
А. ЧИТАЙКО, председатель Хабаровского краевого общества охотников и рыболовов;
Ю. КОЛПАК, председатель Союза охотников Хабаровского края и Еврейской автономной области

С большим удовлетворением мы прочитали статью В.В. Мельникова и В.К. Мельникова «Что такое охотничье хозяйство?» в нашем журнале (2007, №8, с. 1-3) и всецело поддерживаем ее содержание. Эта статья не только вскрывает коренные причины современного неудовлетворительного состояния охотничьего хозяйства страны, но и содержит конкретные аргументированные пути выхода отрасли из кризиса.

В самом деле, в каком состоянии в настоящее время находится охотничье хозяйство России? В тяжелейшем! Охотничье хозяйство как отрасль потеряло юридическую самостоятельность, управление им на уровне Федерации распределено среди двух ведомств (Сельское хозяйство и Природные ресурсы) и нескольких агентств и департаментов, которые далеки от интересов развития охотничьего дела. За годы перестройки масштабы бюрократии в отрасли дошли до небывалых размеров, что и является одним из тормозов ее развития.

Огромные площади охотничьих угодий в настоящее время относятся к категории «общего пользования», т.е. у них нет хозяина, а без него не может быть рационального ведения охотничьего хозяйства. Здесь отсутствует должная охрана угодий, не проводится учет ресурсов охотничьих животных и по существу ведется нерегулируемая их добыча. За последние 15 лет в результате некачественного проведения реформ площадь охотугодий общего пользования в стране значительно увеличилась — и это одна из причин сокращения ресурсов охотничьих животных и снижения уровня всего охотхозяй-

ственного производства. В регионах, где не было допущено резкого увеличения угодий общего пользования, уровень ведения охотничьего хозяйства значительно выше и объем заготовок пушнины изменился в меньшей степени. Так, в Хабаровском крае среднегодовой объем заготовок пушнины в 2001-2005 гг. уменьшился по сравнению с 1981-1990 гг. (тогда он был максимальным за последние 60 лет) всего на 8% (в сравнимых ценах).

Чтобы свести к минимуму площадь охотугодий общего пользования необходимо запретить охоту на их территории. Они могут временно выполнять функцию воспроизводственных участков, до их передачи в пользование конкретным охотпользователям. Этим самым будут ликвидированы попытки некоторых чиновников получать (от использования этих охотугодий) какую-либо ведомственную или личную выгоду, во вред охотничьему хозяйству.

В последние 15 лет резко ухудшилось положение с охраной охотничьих угодий и животных, особенно копытных зверей, численность которых почти повсеместно сократилась. Основная причина этого — широко развитое браконьерство, которому способствуют два обстоятельства. Во-первых, увеличилась площадь охотугодий общего пользования, которые стали бесхозными, а во-вторых, охотпользователи лишились прав составлять протоколы на лиц, нарушивших правила охоты и другие законодательные и нормативные акты по охране природы, т.е. лишились прав эффективно охранять свои угодья. Кроме того, очень многие (есть даже специалисты) рассматривают ресурсы охотничьих животных только как продукты природы, хотя на самом деле они являются одновременно и продуктами труда, о чем справедливо пишут авторы упомянутой статьи. А если это так, то и меры наказания за незаконную добычу охотничьих животных должны быть значительно суровее, чем в настоящее время.

Современное кризисное состояние охотничьего хозяйства в стране в значительной степени объясняется тем,

что эту отрасль часто рассматривают только с позиции охоты и управления ресурсами охотничьих животных, а не с позиции как отрасли материального производства с ее социально-экономическими проблемами. А ведь непосредственно охота, хотя и важнейший, но только один из производственных процессов современного охотничьего хозяйства. Ее можно сравнить с забоем домашнего скота или сбором урожая сельскохозяйственных культур. Но ведь, прежде чем собрать урожай, надо его вырастить. Так и в охотничьем хозяйстве: прежде чем добыть животное, надо его вырастить и сохранить. Конечно, в воспроизводстве ресурсов охотничьих животных доля экономического воспроизводства значительно ниже, чем в животноводстве и растениеводстве, однако она тоже весьма существенна, особенно в интенсивных любительских охотничьих хозяйствах.

Управление ресурсами охотничьих животных — важное мероприятие, но это лишь составная часть управления охотничьим хозяйством как отраслью материального производства. Однако уже более 10 лет в правовых актах, призванных регулировать отношения в охотничьем хозяйстве, доминантом является управление ресурсами животных, в отрыве от охотничьего хозяйства как такового, что законодательно тормозит его развитие. Это, как правильно указывают В.В. и В.К. Мельниковы, создает юридическую видимость отсутствия охотничьего хозяйства и его социально-экономических проблем. Но ведь практически невозможно управлять ресурсами охотничьих животных вне рамок конкретных охотопользователей, территорий их охотугодий.

В настоящее время в качестве разрешения на пользование ресурсами охотничьих животных служит долгосрочная лицензия, выдаваемая территориальными органами Федеральной службы ветеринарного и фитосанитарного Надзора Минсельхоза РФ, а объем добычи основных видов по субъектам Федерации на каждый год определяется в централизованном порядке на ос-

охота

и охотничье хозяйство 12 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ
• Основан в октябре 1955 г.

новании материалов ЗМУ и федеральной экологической экспертизы. Внутри субъектов РФ указанные территориальные органы делят лимиты среди охотпользователей и отдельных охотников, выдавая разовые лицензии.

Государственные органы субъектов Федерации дублируют лицензирование при заключении договоров, пытаются детально регулировать использование любого вида в каждом охотпредприятии, управлять каждым охотпользователем с вмешательством в хозяйственную деятельность на основе произвольных параметров.

Чтобы избежать данного дублирования, единственным разрешительным документом на пользование охотугодьями может быть только договор на пользование ими, заключенный органами государственной власти субъектов РФ с охотпользователем. Мы согласны с авторами вышеуказанной статьи, что «Охотничьи животные — такой «ресурс», который нельзя «закрепить», сдать в пользование. На них можно предоставить только право охоты, что и делается в международной законодательной практике. Поэтому выдача долгосрочной (краткосрочной тоже) лицензии на право пользования животным миром или его частью, охотничьими животными, — юридический казус». Определение ежегодных объемов добычи целесообразно передать охотпользователям, которые будут руководствоваться зональными видовыми нормами добычи, проходящими федеральную экологическую экспертизу. При этом, роль органов государственной власти будет заключаться в разработке законодательно-нормативных документов и проведению контрольно-регулирующих функций по отношению к охотпользователям, не допуская вмешательства в их хозяйственную деятельность.

В основу расчета платы за пользование охотничьими угодьями целесообразно брать их качество и местоположение, а не число охотничьих животных, которое можно добыть (хуже — планируемых, а еще хуже — добытых) в данный сезон охоты. Необходимо чтобы платежи за природные ресурсы отвечали следующим требованиям: извлекали ренту собственника природных ресурсов в его доход; стимулировали рациональное использование ресурсов охотничьих животных; не были непосильным бременем для охотпользователей. Плата за ресурсы не должна превышать 4-6 % потенциальной продуктивности угодий, рассчитанной по сложившимся оптовым ценам на охотничью продукцию (по видам животных, имеющих товарное/трофейное значение).

Охотничье хозяйство России и в дальнейшем будет развиваться в двух направлениях: коммерческое и любительское. Если для коммерческих предприятий основной целью деятельности является производство товарной продукции и получение прибыли, то для любительских хозяйств — оказания максимума специфических услуг охотникам-любителям. При этом для охотников-

профессионалов занятие охотой является основным или одним из основных видов профессиональной деятельности, и оно должно быть прибыльным, так как от этого зависит материальное состояние самого охотника и его семьи. Для охотника-любителя занятие охотой — явление преимущественно рекреационное, его основной целью является активный отдых на природе, удовлетворение эстетических, культурных и психологических потребностей. За получение данных видов услуг охотник-любитель должен платить, поэтому для него занятие охотой, как правило, убыточно.

Исходя из этих принципиальных отличий коммерческих охотничьих хозяйств от любительских, охотников-профессионалов от любителей, требуются различные подходы к развитию и технологии ведения различных типов хозяйств. В частности, если в коммерческих предприятиях охраной охотничьих животных и их учетом обязаны заниматься охотники-профессионалы, то в любительских эти функции возлагаются на егерьей. Проведение многих биотехнических мероприятий возможно в угодьях любительских хозяйств и в хозяйствах, в которых развивается охотничий туризм, но они, как правило, не целесообразны из-за убыточности в других коммерческих предприятиях.

Для успешного развития охотничьего хозяйства необходимо, чтобы в центре внимания, как руководителей отрасли, так и властных структур всех уровней, были охотники с их потребностями и интересами, а не только ресурсы охотничьих животных, как это часто наблюдается в настоящее время. Охотник-профессионал, если сделать его настоящим хозяином охотничьих угодий и животных, больше, чем кто-либо другой заинтересован в сохранении и увеличении сырьевых ресурсов отрасли. Поэтому он будет стремиться охранять, учитывать и наиболее рационально использовать каждое отдельное животное. Вести постоянную работу по оборудованию и благоустройству своего охотничьего участка. Это подтверждается многовековым опытом хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, русских старожилов и передовых охотников нашего времени.

В настоящее время нужно сосредоточить управление отраслью в Департаменте по охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства и в кратчайшие сроки принять Федеральный закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве». Следует признать ошибочность разделения охотничьих животных на собственность (объекты ведения) федеральных органов государственной власти и собственности (объекты ведения) органов государственной власти субъектов РФ. Целесообразно их оставить в совместном ведении или же полностью передать органам государственной власти субъектов Федерации. Это позволит отрасли более оперативно и эффективно выполнять свои три основные функции — экономическую, социальную и экологическую.

В. СЕДАЛИЦЕВ,
Институт биологических проблем
криолитозоны СО РАН, г. Якутск

В результате охранных и реакклиматизационных мероприятий численность соболя в республике позволила в 50-х годах прошлого века приступить к его плановому освоению.

В настоящее время соболем заселено около 90% лесопокрытой площади Якутии, и он стал одним из главных объектов пушного промысла. Экономическое значение соболя особенно велико для колымских, северо-восточных, северо-западных и западных (вилюйских) районов, где охота на него — основная статья дохода, так как другие отрасли производства в этих регионах не имеют широкого распространения. На долю этих регионов за период с 1971 по 2005 гг. приходилось от 41,5 до 57,5% всех заготовок соболиных шкурок (табл. 1).

Историю промысла соболя в Якутии можно разделить на четыре периода:

1 — освоение и постепенное сокращение запасов соболя на большей части ареала (с XVII в. по 1935 г.); 2 — выпуск с целью реакклиматизации (с 1948 по 1956 гг.) и восстановления численности; 3 — период относительной стабилизации численности и освоения ареала (с 1960 по 1990 гг.); 4 — усиленный пресс (с 1990 г.).

За период с 1960 по 1990 гг. заготовки соболя в Якутии увеличились в 8 раз с 6,2 тыс. шкурок в 1960 г. до 50,1 тыс. в 1990 г. Максимальное количество соболиных шкурок было заготовлено в 1988 и 1989 гг. — 56,7 и 56,8 тыс. соответственно. С 1991 г. заготовки соболя снижаются, в 1992 г. они были минимальными (11,5 тыс.) и находились на уровне 1970 г. Уменьшение поступлений соболиных шкурок отмечалось во всех регионах республики.

До 2000 г. уровень заготовок не превышал 27 тыс. шкурок (табл. 2). В 2004 г. по сравнению с 2000 г. рост заготовок шкурок соболя наблюдался во всех районах республики, кроме колымо-индигирских и северо-западных районов. С учётом того, что у населения может осесть до 40% шкурок, то за период с 2001 по 2006 гг. должно было заготавливаться около 48-50 тыс. шкурок.

Предпромысловая численность соболя в Якутии по данным Департамента биологических ресурсов МОП РС (Я) в 2005 г. оценивалась в 160 тыс. голов. Наблюдается увеличение численности популяции этого вида в Северо-западной, Западной (вилюйской), Центральной и Юго-западной Якутии.

Для определения половозрастной структуры, воспроизводства и прироста

Ресурсы соболя в Якутии

Состояние и использование

та популяций соболя сотрудниками лаборатории «биология охотничье-промысловых животных» ИБПК СО РАН в 2003-2005 гг. было обследовано 1188 тушек соболя, собранных в основных промысловых районах. Во всех биопробах выявлен высокий процент молодняка текущего года рождения (2003-2004 гг. — 58,5—85,6%; 2004-2005 гг. — 47,4—81,7%), свидетельствующий о нормальном воспроизводстве.

Среди молодняка численно преобладали самки (в среднем 75,6—84,3%). Преобладание в популяции соболя сеголеток указывает на хорошее репродуктивное состояние маточного поголовья.

Исходя из имеющихся данных и учитывая образование большого количества дополнительных резерватов для воспроизводства и расселения соболя (в связи с недоосвоением глубинных угодий вследствие удорожания авиационного транспорта), считаем возможным установить норму опромышления популяций вида в Якутии в сезон 2007/2008 гг. в 25% от предпромыслового запаса — 35 тыс. особей. В 2006 г. на долю соболя пришлось 76,9% от стоимости всей промысловой пушнины. Остальные виды: ондатра — 14,1%; белка — 5,6 % и песец — 1,2% соответственно. В 2006 г. ГУП ФАПК «Сахабулт» в среднем платил охотникам за одну шкурку соболя 1841,9 рубля.

Фото Е. Деряжипова

Квота в 35 тыс. голов при жёстком контроле не приведёт к перепромыслу соболя.

Назрела необходимость проведения единого республиканского послепромыслового учёта численности соболя. В местах, где численность соболя не превышает 0,4 особи на 1000 га, его добычу вести не рекомендуется.

Таблица 2
ЗАГОТОВКИ ШКУРОК СОБОЛЯ ПО ЯКУТИИ
ЗА ПЕРИОД С 1996 ПО 2006 ГГ. (штук)

Годы	Кол-во	Годы	Кол-во
1996	19655	2001	38741
1997	20074	2002	30312
1998	27011	2003	36485
1999	27805	2004	38780
2000	32000	2005	43065
		2006	42647

Таблица 1

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ЗАГОТОВКИ СОБОЛИНЫХ ШКУРОК ПО РЕГИОНАМ ЯКУТИИ (тыс. шт.)

Регионы	1971—1975		1976—1980		1981—1985		1986—1990		1991—1995		1996—2000		2001—2005	
	Тыс. шт.	%												
Северо-восточный	1,3	7,7	1,7	6,1	1,9	5,0	2,8	5,3	0,9	4,4	1,3	5,2	2,6	7,0
Колымо-Инди́гирский	2,3	13,6	5,0	18,1	9,7	25,7	11,0	21,1	6,4	31,2	5,1	20,5	6,5	17,5
Северо-западный	4,9	29,1	5,9	21,5	4,9	13,0	5,7	10,9	1,9	9,2	1,6	6,4	2,0	5,4
Западный (Вилюйский)	1,2	7,1	2,3	8,4	3,1	8,2	6,0	11,5	2,1	10,3	2,8	11,2	4,3	11,6
Юго-западный (Приленский)	2,7	16,1	5,3	19,2	8,4	22,3	9,1	17,4	3,6	17,5	4,3	17,3	7,2	19,4
Южный (Алданский)	3,4	20,8	5,6	20,2	6,2	16,4	11,7	22,4	3,5	17,1	6,8	27,3	9,0	24,2
Центральный	0,7	4,1	1,4	5,1	2,8	7,4	5,1	9,8	2,1	10,3	3,0	12,1	4,5	12,2
Тундровый	0,3	1,5	0,4	1,4	0,7	2,0	0,8	1,6	—	—	—	—	1,0	2,7
По республике	16,8	100,0	27,6	100,0	37,7	100,0	52,2	100,0	20,5	100,0	24,9	100,0	37,1	100,0

Тропарёвский

Н. ВЕХОВ,
кандидат биологических наук,
Институт Наследия
Фото автора

Зима. Это, пожалуй, самое загадочное время года. В застывшей природе кроется какая-то тайна. Таинственность усиливается укрытые снегом леса и луга, скованные морозом реки и озера. В окутавшей их тишине и безжизненности будто прячется что-то особенное. Но, нередко, выдаются несколько дней, когда вдруг в безветрии обрушившийся снегопад часами украшает деревья и кустарники в лесу, засохшую прошлогоднюю траву и высокие «зонтики», торчащие над сугробами. А солнце, этот вечный труженик, словно специально показавшись после снегопада, довершает украшение природы. Под его лучами часть снега на стволах и ветвях подтаивает и снежные комки слегка расплываются.

Оказавшемуся в это время в лесу наблюдателю вдруг предстает незабываемая картина зимней сказки. То ствол березы или дуба обхватил лапами «снежный медвежонок», то на дугой согнувшейся молодянке осины или липы повисли снежные гирлянды и ленты. А пеньки, словно головы лесных гномов, украшены округлыми снежными шапками-сугробами.

Нередко эта таинственная тишина нарушается шуршанием

**ФОТОКОНКУРС
«Охота и природа»**

стремительно убегающей по стволу белки или веселым писком синиц. Нередко, сделав десяток-сотню шагов в глубь зимнего леса, можно наблюдать и другую фантастическую картину, будто нарочно разыгранную после обильного снегопада. По отклонившейся от ствола ветке или по изогнутому деревцу молодой липы осторожно «ползет», «крадется», снежная «змея», охотящаяся на какого-то небольшого древесного зверька.

Вот уже более 30 лет я ежегодно люблюсь подобными красками зимнего леса на месте старого урочища Тропарево. Перехожу через улицу, на которой живу, и через пять минут оказываюсь среди прямоствольных светлых берез и темного липняка, изредка перемежающихся небольшой куртиной дубов. Когда-то тут была одноименная деревня и несколько небольших поселочков-хуторов, а теперь со всех сторон окружают жилые кварталы на юго-западе Москвы. Тропаревский лес — это чудом сохранившийся участок первичных лесов центра Русской равнины, крайнее западное ответвление знаменитого Битцевского лесопарка. Сейчас Тропаревский лес входит в состав ландшафтного заказника «Теплый Стан» — составной части системы особо охраняемых природных территорий Москвы.

Как я перевозил норок

Первая моя публикация, тогда только начинающего биолога-охотоведа, появилась в журнале «Охота и охотничье хозяйство» в таком далеком теперь 1958 г. Называлась она «Норка в Красноярском крае» — речь шла об американской норке, акклиматизация которой проводилась тогда по всей Сибири. Статья была, отчасти, спровоцирована близким и довольно «плотным» моим знакомством с этим зверьком, состоявшимся несколько раньше, в самом начале моей карьеры, как специалиста охотничьего хозяйства. Летом 1953 г., после восьми лет срочной службы в армии (ВВС, укладчик парашютов), имея за плечами всего три курса (из шести, заочно) звероводно-охотоведческого факультета Московского Пушмеха, я был принят на работу охотоведом в Красноярское крайохотуправление. Первые курсы института давали тогда знания в основном по химии, физике, марксизму, политэкономии и т.п. Что касается зверей, то я тогда еще мало в чем разбирался.

Однако уже в первые месяцы работы, осенью того же 1953 г., я получил задание привезти с Алтая партию норок — для выпуска в крае. Надо так надо, собираюсь ехать на Алтай. Мне выдали довольно приличную по тем временам сумму денег, разрешили нанять по договору двух рабочих — кормить норок, ухаживать за ними. Я пригласил знакомого деда — звали его Ефим, отчества уже не помню; он нашел еще одного пожилого человека, своего соседа — Луку. Оба были флегматичные, неторопливые, спокойные люди — в такой компании мы и выехали поездом до г. Бийска.

Норок надо было получать в одном из райцентров Горно-Алтайской автономной области, километров за 200 от Бийска. Автобусного сообщения в те годы не было, добираться куда-либо приходилось на попутных грузовиках, чаще всего в кузове. Я решил дедов в дальнюю, трудную дорогу с собой не тащить, в надежде очень быстро, дня через два, вернуться с норками назад. Деды должны были ожидать меня на вокзале Бийска.

На перекладных, то в кузове, то в кабине, я за день добрался до нужного райцентра. Там работал представитель Иркутской зообазы, который заканчивал прием зверьков от охотников и подготовку партии для Красноярска. В это время еще не все норки прошли карантин (при отлове некоторые из них получают травмы, и надо выдерживать их какое-то время, чтобы удостовериться

в том, что они здоровы). В итоге мне пришлось задержаться на четыре дня. Наконец партия из 105 зверьков была готова. Их пересадили в небольшие транспортные клетки, во двор въехали два бортовых ЗИСа, и мы погрузили норок. Со сборами, погрузкой провозились долго, поэтому выехали только ближе к вечеру. Из-за этого пришлось заночевать в пути. Естественно, покормить норок ни вечером, ни утром не было возможности (кормили их свежей телятиной).

Погода стояла прохладная, ночью прошел небольшой дождь, а укрыть клетки было нечем. На следующий день (а это был уже 6-ой день, как я уехал из Бийска, где оставил моих стариков) мы подъехали к воинской погрузочной платформе, или площадке. Надо сказать, что станция Бийск — конечная. Сюда прибывает много грузов для обширной округи, в том числе и на экспорт, для Монголии, поэтому на станции много длинных запасных путей, на которых всегда собирается множество вагонов.

Мы подъехали. Помощников моих не видно, что, конечно, и не мудрено — столько времени меня не было. Шоферы требуют быстрее освободить машины. Я помчался на вокзал, а это не меньше километра — дедов нет. Спрашиваю у служащих — не видели таких? Бывают здесь, говорят, но где они сейчас — никто не знает. Бегу назад. Шоферы уже разгружают клетки, а тут дождик начал моросить. Рядом, на той же платформе, большой просторный дощатый навес; только в дальнем углу десятка два мешков с картофелем, около которых несколько солдат с молодым лейтенантом во главе. Я к нему, уверенный — свои ведь люди, военные, сразу найдем общий язык. Пустого места под навесом полно, какие могут быть проблемы? Тем более что за долгие годы службы, на регулярных политзанятиях, нам, срочной службе, крепко внушили, какие хорошие и добрые все наши советские люди. Обращаюсь по уставу: «Товарищ лейтенант! Разрешите поставить клетки с норками под навес!» Лейтенант, без всяких причин, отказал.

Водители, теперь уже и с моей помощью, сгрузили клетки и прочее наше имущество на землю, под дождичек, и укатили. Я один; голодные со вчерашнего утра зверьки начинают подавать голос. Представляю, сколько времени мне, одному, надо, чтобы нарезать мясо и накормить 105 зверушек. А еще налить воду, которую надо где-то найти, в поилки, срочно сменить сено в гнез-

довых отделениях — оно подмокло от дождя. И уйти ведь теперь от них никак нельзя. Стою на краю этой, недоброй для меня, погрузочной платформы в полной растерянности и глубоком отчаянии. Где и как искать дедов? Куда их унесло? А если вообще вернулись домой, меня не дождавшись? Не помню, сколько так простоял, скорбя и предаваясь самым горьким мыслям.

И вдруг ниже меня, по путям, совсем рядом, куда-то неторопливо идут оба моих деда! Я радостно приветствую их: «Здравствуйте!» Они оба мельком взглянули на меня, кивнули в ответ, и спокойно идут себе мимо. В недоумении спрашиваю: «Вы что, сами по себе теперь?» Кто-то из них буркнул: «Ага», и идут дальше. Тут я чуть не задохнулся от избытка самых разных чувств. Однако быстро собрался и в следующие несколько минут выдал, насколько мог громко, на их головы и уши весь запас матерщины, который накопился у меня за все годы жизни в казарме! Во время моей длинной тирады деды молча смотрели на меня, разинув рты. В быту я не употребляю мат, но в данном случае избыток эмоций надо было как-то выплеснуть, и матерщина оказалась для этого подходящим способом. Когда я, наконец, выдохся, выяснилось, что они меня просто не узнали — смотрели снизу вверх, под непривычным ракурсом.

Норки к тому времени окончательно проголодались и дружно подняли визг. Орут эти голодные зверьки примерно так же, как кошка, когда наступаешь ей на хвост. Отличие только в том, что кошка «мявкнет» или взвизгнет и замолчит, а эти орут безостановочно. Когда такую музыку производит сотня зверьков, это впечатляет. Тут уж мы дружно взялись за дело — один дед резал мясо, другой ставил его в клетки, я сбегал за водой, сменил сено.

В общем, до вечера скучать нам не пришлось; но мы успешно справились — к темноте сделали все необходимое; сытые норки наконец угомонились. Я отпустил дедов ночевать (они, оказывается, сняли где-то поблизости квартиру), сам наладил небольшой костерок из собранных на путях щепок и около него, рядом с норками, кое-как скоротал ночь.

Деды пришли на рассвете, мы снова принялись кормить норок и тут выяснилось, что примерно десятка три зверьков не притронулись вчера к пище. Вывод мог быть только один — заболели, скорее всего, простуда. Зверьки от дождя промокли, двигаются, согреваясь в тесных клетках возможности у них

не было, вот и результат. Я снова в панике — что делать? Куда обратиться в незнакомом городе?

Кое-какие, самые минимальные, познания в биологии у меня все-таки были, и я помчался на рынок, благо он был поблизости от станции. Только один рыбак продавал там свежих мелких щук; я купил у него всех (килограммов 20) вместе с мешком. В ближайшей аптеке приобрел две пол-литровых бутылки тогда еще настоящего рыбьего жира. Щучек мы мелко резали, поливали рыбьим жиром и ставили норкам вместо мяса. Некоторые, учуяв привлекательный запах, сами вылезали из гнезда, начинали лизать жир, затем есть рыбу. Слава Богу — эти будут жить! Другим приходилось совать рыбу под нос, или даже тыкать ею в нос — только тогда они принимались, неохотно, есть. Все-таки несколько зверьков отказались и от этой пищи, и уже на следующий день пять норок у нас пало.

Оставив норок на попечение дедов, я пошел (не пошел — побежал, молодой был, да и далеко там всё, пешком ходить слишком долго) на станцию к диспетчеру — нам для перевозки живого груза полагался двухосный товарный вагон, их раньше называли теплушками. При приезде в Бийск я уже говорил с диспетчером по этому поводу, и он меня заверил, что проблем не будет. Ехать нам предстояло до станции Канск, это восточнее Красноярска, в общей сложности больше 1,5 тыс. км. Диспетчер — мужчина средних лет, пояснил мне, что на восток можно отправиться только в вагоне, оборудованном автосцепкой, и что этот вагон я должен искать сам среди этой мешанины путей и составов. Часа за два я обегал их все, нашел такой вагон (с ручной сцепкой их было много, а с автосцепкой — редчайшие единицы). Записал номер, место, где он стоял, прибежал, уже мокрый, к диспетчеру, докладывая. В ответ он хладнокровно заявляет, что этот вагон не годится, надо искать другой... Снова долго бегаю, нахожу таки еще один, опять к диспетчеру. Тот сообщает, что этот вагон нуждается в пропарке — какой-то в нем был нехороший груз. Только тут до меня начинает доходить, что он все знает о вагонном парке на станции.

Интересуюсь, что мне делать дальше? Диспетчер объясняет, что на путях работает маневровый паровоз, надо идти к машинисту; когда он освободится, то пропарит вагон и притащит, куда надо. Поход к машинисту я начинаю со станционного магазинчика, где беру две четвертинки водки. Догоняю на путях маневровый паровоз — он неторопливо толкает перед собой десяток вагонов. Немолодой машинист с полусонным видом сидит у окошка, сцепщик в замасленной спецовке пристроился на подножке, курит самокрутку. Увидев меня, бегущего за ними, машинист останавливает свою пыхтящую и сопящую технику, кричит: «Чего тебе?» Я в ответ: «Вагон надо пропарить, притащить на воинскую!» Машинист: «Подождешь!», и

паровоз трогается с места. Тогда я обеими руками вытаскиваю из карманов и показываю две четвертинки беленькой. Машинист тут же снова останавливает паровоз и кричит сцепщику: «Отцепляй!», и мне — «Лезь сюда! Где вагон?»

Уже через полчаса вагон, хорошо пропаренный паром из того же паровоза, стоял около наших клеток, и мы занялись погрузкой. Через час со всем нашим хозяйством мы были под крышей и меньше теперь зависели от непогоды. Большое дело удалось повернуть всего часа за четыре.

Но я уже знал, что, согласно железнодорожным правилам, после 1 октября, при перевозке людей в товарном вагоне, им полагается специальная вагонная железная печь. Октябрь уже наступил. Я опять на вокзал, выясняю настчет печи. Объяснили — там, за путями, есть небольшой домик, контора, где выдают печки. Прибежал в контору, там сидят, курят два мужика и женщина. Объясняю суть дела. В ответ слышу — печек нет! А как быть? Как хочешь, нет печек! В растерянности выхожу, следом идет один из мужиков. Короткий диалог: «Тебе нужна печь?» «Нужна!» «У меня есть своя, купи!» Тут же, рядом с конторой сарайчик, он открывает замок — там несколько печек, трубы. Выдает мне печь. Спрашиваю — сколько? 150 рублей! Отсчитываю деньги, забираю печь, трубы, тащу в вагон. С дедами быстро ее установили, собрали немного щепок, угля, затопили. В вагоне тепло, норки сытые, молчат. Наладили какой-то, уже не помню, светильник, где-то достали несколько досок, устроили нары поближе к печке. Была с собой кое-какая теплая одежка, постелили. Поужинали, написали чюка, улеглись — благодать, жить можно!

Так началось наше железнодорожное путешествие с американскими норка-

ми. Топливом мы запасались на станциях; на печке варили еду — в основном картошку и телятину, кипятили чай. Зверьков кормили утром и вечером. Некоторым из них иногда удавалось удирать из клеток; тогда они бегали между стенками вагона и клетками — пока мы им это позволяли. Тут же, правда случайно, выяснилось, что если норка отказывается от пищи, а такие случаи были и в дальнейшем, надо было выпустить ее из клетки — пусть побегаёт. Побыв какое-то время на воле, вне клетки, норка снова начинала есть. Благодаря рыбе, рыбьему жиру и возможности предоставлять норкам такие вот небольшие прогулки в вагоне, у нас после первых пяти пала только одна зверушка. Мой коллега, кстати, опытный охотвед, который вез такую же партию за две недели до меня, потерял за время перевозки 35 норок! К счастью для нас, осенью 1953 года людей за такие потери уже не отправляли в лагерь, не расстреливали — «за вредительство»; было и такое в истории отечественного охотоведения.

Перед отправкой из Бийска нас долго таскал по путям, вперед-назад, тот же маневровый паровозик. Наконец, поехали. Позже выяснилось, что наш вагон прицепили к «сборному» составу, а я еще не знал, что это такое. Почти на каждой станции наш состав «разбирали», переформировывали (какие-то вагоны отцепляли, какие-то прицепляли) и эта процедура длилась долгими часами, а то и сутками. Больше трех суток тащились мы только до узловой станции Инской, что близ Новосибирска, и проехали при этом всего-то немногим больше 300 км.

Мне было известно, что по железнодорожным правилам такой груз, как наш, то есть живой, обязаны перевозить с максимально возможной скоростью.

А мы между тем ползем, как черепаха. В Инской, где нас продержали почти двое суток, я «насел» на диспетчеров. Несколько раз за день приходил в диспетчерскую, а это был небольшой красивый дом среди путей, и поднимался на второй этаж, где находилось 6 или 7 диспетчеров. Сидели они в просторной, с большими окнами, светлой комнате; люди все чистые, нарядно одетые. Я устраивался в уголке и часами ныл: «Нас положено везти быстро, у нас кончается мясо, нечем кормить норку, я буду жаловаться». Мне объясняли, что нет пока никакой возможности. Понятно было, что вариант с водкой тут не пройдет.

Не последнюю роль в удачной отправке нас дальше сыграли сами норки. У этих зверюшек около хвоста есть специальная железа, выделяющая очень скверно пахнущую жидкость — средство защиты от врагов. Применяли зверьки это средство и против нас, если были чем-то раздражены, обозлены. И хотя на руки или одежду эта жидкость попадала редко, мы все-таки постепенно набирались этого крепкого «аромата». Мы привыкли, перестали его замечать, но другие-то люди слишком хорошо его ощущали.

Вспоминаю один эпизод на той же Инской. Мы с Лукой зашли в аптеку — надо было запастись йодом, бинтами — норки иногда цапали нас своими острыми и длинными зубами во время кормежки, и пальцы у всех нас были порядочно покусаны. Рядом с аптекой — рабочая столовая; решили культурно пообедать. Столики — на 4 человека, почти все полностью заняты, да и весь зал, можно сказать, забит народом — время обеденное. Кое-как приткнулись на краешке одного из столиков. Официантка принесла нам обед (в те времена даже в таких, самых дешевых столовых, еду подавали официантки), мы быстро поели. Когда поднялись, удивились — нас теперь окружал как бы вакуум — все столики вокруг были пустыми. Народ, нанюхавшись излучаемых нами норочьих ароматов, быстро расселся.

Я, пропитанный этими ароматами, часами выживал в чистой диспетчерской (выгонять меня, они, видимо, почему-то стеснялись), и на исходе вторых суток, глубокой ночью, нас прицепили к нефтеналивному составу. Дальше, до самого Канска, мы — одна теплушка среди цистерн с какими-то ГСМ — неслись, с грохотом вагонных колес на стыках рельсов и свистом ветра, наверное, со скоростью курьерского поезда. Редкие короткие остановки были только на больших станциях, для смены локомотивных бригад, и поезд снова летел на восток.

В Канске меня встречал сотрудник нашего Управления с двумя грузовиками — норку надо было везти дальше, в один из таежных районов края. На станции наш вагон для разгрузки затолкали в «товарный двор» — он огорожен, охраняется ВОХРой. При попытке погрузить купленную мной в Бийске печь в машину, вохровец потребовал оставить

ее в вагоне: «Наше, железнодорожное имущество!» Уговоры ни к чему не привели — охранник, а он с оружием, стоял на своем: «Не выпущу машины!»

Буквально взбешенный, мчусь к начальнику станции, прорываюсь мимо секретарши в его кабинет. Тот — серьезный, спокойный мужчина средних лет в форме, сидит за столом, что-то пишет. Молча выслушал мой бурный монолог, снял трубку телефона: «Пропустить этих, с норками!»

Нас выпустили. Сначала мы завезли дедов на местный рынок. Ефим и Лука, люди пожилые, прошедшие хорошую жизненную школу, оказались людьми смекалистыми и предприимчивыми. В поездку они основательно запаслись деньгами. Благодаря такой предусмотрительности в Бийске они смогли приобрести, каждый, по два добрых мешка подсолнечных семечек. В Канске, где семечки тогда были раза в два дороже, собирались продавать. Им я оставил для продажи и ту скандальную печку. (Позже они отдали мне 50 руб. — якобы продали за эту сумму. Может быть — не проверишь. Была потом проблема отчитаться перед бухгалтерией за эти 100 рублей!)

На двух грузовиках мы завезли наших норку, по хорошо известному в крае Енисейскому тракту, за 200 км в один из таежных районов. Под вечер, около реки разнесли клетки по лесу, открыли, рядом побросали куски оставшегося мяса. День был холодный, ветреный, с пролетающим снегом, и многие норки не хотели вылезать из обжитых теплых гнезд.

Помню одного крупного самца, которого мы хорошо знали — у него был сломан один клык и он был совсем ручной. Мы могли брать его на руки, давать лакомые кусочки мяса или рыбы, гладить. Остальные, как я уже писал, при любом удобном случае яростно кусались. Этот самец вышел из клетки, постоял минуту — другую снаружи, вроде как с безразличным видом, подошел ко мне явно с желанием забраться на руки, в тепло. Но брать зверька было уже нельзя — им полагалось теперь привыкать жить без помощи людей и он, подумав еще немного, забрался обратно в клетку. Мы же переночевали в ближайшем селе и на следующий день добрались до Красноярска.

Позже я регулярно наводил справки о норках на новом месте. В числе первых было несколько сообщений о нападениях на курятники в окрестных селах, отловленных, задавленных собаками незнакомых многим людям зверьков (информация в местных СМИ о выпуске норки до всех селян не дошла). Как бы то ни было, американские норки успешно прижились на новом месте, о чем пять лет спустя я смог опубликовать упомянутую свою статью.

По всей Сибири американская норка ныне — один из самых обычных пушных промысловых зверей; большая их часть в 50—60 гг. была завезена с Алтая.

Рисунки Б. Игнатьева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Панкратов В. В. **Охота в европейской живописи** / В. В. Панкратов. — М.: Вече, 2007. — 392 с., ил.

В книге-альбоме В. В. Панкратова рассказывается о живописцах и графиках двадцати двух стран Европы, выбравших для своих работ охотничью тематику.

Автор знакомит с историей создания живописных и графических произведений, запечатлевших сцены различных видов охоты, на протяжении последних двадцати столетий. Книга содержит интересные сведения о жизненном и творческом пути всемирно известных и малоизвестных европейских художников. Изложение материала ведется в форме популярных очерков, рассчитанных на широкий круг читателей.

Обращаться по телефону: **923-82-85. По почте не высылается.**

Линейцев С. Н. **Очерки сибирской охоты**. Трилогия. Часть третья. Смутное время. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2006. — 210 с.

В этой части трилогии кандидат сельскохозяйственных наук охотовед Сергей Линейцев рассказывает о природе южных районов Енисейской Сибири, охотничьих животных и охоте на них. Показана работа охотничьих инспекторов, охотоведов и промысловых охотников.

Охота выступает как способ познания природы, единения с природой, как способ познания прекрасного. Картины природы и охоты дополнены размышлениями автора о будущем охоты.

Заказ на книги направляйте по адресу: **662713 Красноярский край, Шушенское, Светлая, 74. Линейцеву С.Н.**

Смирнов М. Н. **Благородный олень в Южной Сибири**: монография. Ч. 2. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т; Ин-т естественных и гуманитарных наук, 2007. — 260 с.

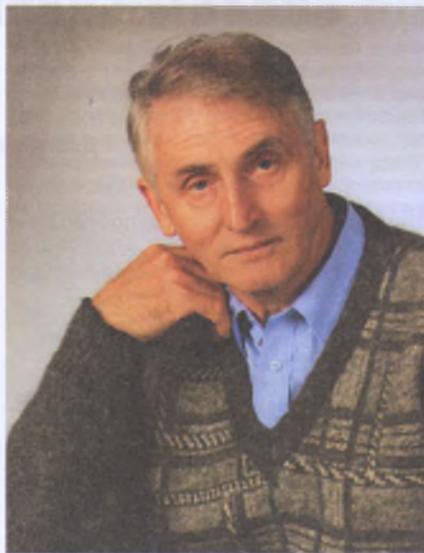
В части настоящей монографии излагаются материалы, касающиеся размножения, роста и развития, смертности, численности, хозяйственного использования и охраны благородных оленей в Южной Сибири и на примыкающих к ней территориях.

Книга предназначена для зоологов, экологов, охотоведов, преподавателей, аспирантов и студентов биологических, природоохранных и ресурсоисследовательских специальностей.

Владимир Михайлович ГЛУШКОВ

ГЛУШКОВУ Владимиру Михайловичу, доктору биологических наук, заслуженному работнику охотничьего хозяйства России исполнилось 70 лет

Владимир Михайлович Глушков родился в г. Кирове 8 ноября 1937 г. в семье служащих. Постоянная, с детских лет влекущая страсть к природе, рыбалке и охоте, привела молодого человека в 1964 г. на заочное отделение факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, и одновременно он перешел работать во ВНИИЖП (ныне ВНИИОЗ). Работу в Институте начинал в должности техника-лаборанта отдела экологии. По заданию И. В. Александровой занимался животловом кротов, в чем достиг заметного успеха: с помощью изобретенной им ловушки отлов живых кротов перестал быть проблемой. Это изобретение и сейчас активно используется специалистами не только в России, но и в ближнем зарубежье. В 1965 г. перешел в только что организованную лабораторию по изучению диче-мясных ресурсов под начало известного уже в то время специалиста по боровой дичи А. Н. Романова, который помог Глушкову в постижении методов экологических исследований тетеревиных птиц и их отлова, навыков ведения полевых работ в таежных условиях. Яркой вехой в жизни начинающего оховеда стало знакомство с директором института В. Ф. Гавриным, известным ученым, пользовавшимся большой популярностью в охотоведческих кругах страны. Появление в Институте в 1967 г. еще одного корифея — Ю. П. Язана определило всю дальнейшую научную деятельность В. М. Глушкова. Совпали не только интересы к объектам изучения (дикими копытным животным, к лосю в первую очередь), но и понимание важности проблемы рационального использования охотничьих ресурсов — научного направления, которое в дальнейших исследованиях юбиляра переросло в концепцию управления популяциями. Коллекция зубов лосей разного возраста, полученная от Ю. П. Язана, назначенного научным руководителем темы и кандидатской диссертации Владимира Михайловича, стала основой методики определения возраста добытых животных. Завершение высшего охотоведческого образования произошло уже в стенах Кировского сельхозинститута. С дипломом биолога-оховеда в январе 1970 г. Глушков был переведен на должность младшего научного сотрудника лаборатории диче-мясных ресурсов, где дослужился до заведующего (1986 г.). После реорганизации структуры ВНИИОЗ работал ведущим научным сотрудником от-

дела экологии и охотничьих ресурсов вплоть до 2004 г. Период жизни с 1976 по 1990 гг. был насыщен важными и неотложными делами. Организация массового сбора биоматериала, авиа- и наземные учеты лося, руководство исполнителями тематики в периферийных подразделениях института, изучение научной литературы, повышение квалификации, подготовка публикаций и участие в научных конференциях — вот неполный перечень дел нынешнего юбиляра в тот период. Немалую трудность в работе представлял сам объект исследований — лось. Лицензионный порядок добычи лосей в определенный период года ограничивал возможности получения массового биоматериала, особенно в закрытый для охоты период. Требовались иные методы наблюдений, компенсирующие этот недостаток. Немало труда было сложено в освоение и применение в исследованиях метода автоматического мечения лосей самозастегивающимся ошейником, апробированным ранее А. Н. Романовым на боровой дичи. Много внимания уделялось изучению суточного ритма животных методом тропления. Новый метод учета животных и их следов на одноминутных отрезках авиамаршрутов помог изучить характер сезонных миграций лосей, а «фирменный» метод наземного учета «по расстоянию до встречи первого следа» позволил понять закономерности пространственной структуры популяции, определить реально занимаемую животными площадь, плотность популяции и ее численность, не занимаясь подсчетом животных. Много времени и сил было затрачено на изучение питания лосей и кормовых свойств угодий.

Завершающим этапом всех исследований стала книга «Лось. Экология и управление популяциями» (2001 г.), получившая признание специалистов и отмеченная дипломом. Популярной у охотников стала книга «Гон лосей и охота на вабу», выдержавшая два издания (1991, 2004). Достоверность полученных юбилеем научных фактов, глубина исследования и корректность выводов нашли заслуженную оценку специалистов охотничьего хозяйства России. За 40 лет работы во ВНИИОЗ Глушковым опубликовано более 100 научных работ, большая часть которых посвящена экологии диких копытных животных, рациональному использованию ресурсов и управлению популяциями. Он — автор и разработчик программ: «Управление популяциями диких копытных животных» (1994 г.), «Проект улучшения воспроизводства, охраны и рационального использования ресурсов лося и кабана в Кировской области» (1997 г.). За серию работ по экологии лося в 1983 г. награжден бронзовой медалью ВДНХ. Имеет авторское свидетельство на изобретение «Способ определения доли молодняка в популяциях лося» (1987 г.).

В. М. Глушков — участник многих международных, всесоюзных и республиканских конференций. Член редакционной коллегии журнала «Вестник охотоведения». Долгое время был членом Совета КООиР, областной методической и межведомственной комиссий по срокам охоты, председателем областной экспертной комиссии по квотам. Активно пропагандирует концепцию управления популяциями охотничьих животных. Опубликовал более 20 статей в областных и центральных газетах. Член общества охотников и рыболовов с 1953 г. Почетный член Кировского ООиР. Всю жизнь увлекается охотой на водоплавающую дичь и зайца, а также спортивной рыбалкой со спиннингом и поплавочной удочкой. В молодости любил охоту с собаками, а его лайки пользовались известностью в кругу охотников того периода. Увлекался стендовой стрельбой, выступал за сборную области в ряде матчевых и зональных соревнований. Сейчас Владимир Михайлович на пенсии, но научную работу не прекращает: пишет статьи и доклады, выступает по телевидению, консультирует специалистов охотничьих хозяйств.

Коллеги и друзья желают юбиляру подольше не стареть, заниматься наукой, передавать свой уникальный опыт молодым и продолжать рыбачить и охотиться!

В. САФОНОВ, член-корреспондент РАСХН,
А. САВЕЛЬЕВ, доктор биологических наук
ВНИИОЗ РАСХН

Рис. 1. «Группа лыжников» из Залавруги, Карелия

Как неизвестен тот, кто первым запалил костер от зажженного молнией дерева или смастерил первую тачку или тележку, так навсегда останется неизвестным имя того, кто первым привязал к ступням примитивное подобие снегоступов и пошел по глубокому снегу, почти не проваливаясь. Вот то-то было, наверно, радости!

Без лыж немислима жизнь любой северной народности. От Скандинавии до Чукотки, от Ямала до Алтая и Саян зимой не выйдешь без лыж за пределы своего двора. Разве что только по дорогам.

В Карелии, по берегам Онежского озера открыты археологами выбитые на поверхности прибрежных валунов сцены из жизни первобытного человека, так называемые «бесовы следки». Возраст этих рисунков около 3,5 тысяч лет. Среди них есть сцены охоты загоном на лосей, охоты на морского зверя, очень часто встречаются фигурки охотников (мужчины!) на лыжах (рис. 1). Возможно, фигурки эти стоят на снегоступах. Однако сравнительно большая длина и загнутые концы убеждают, что на ногах у них именно лыжи.

Охотничьи лыжи разделяются на две группы — голицы и камусные. Плюс еще одна — снегоступы, хотя лыжами их называть трудно. На лыжах можно и шагать и катиться, а на снегоступах только шагать.

Что такое голицы, ясно из самого названия — голое дерево со всех сторон. О камусных лыжах вроде бы и слышали и знают все, кто читает охотничью литературу, но далеко не каждый охотник стоял на них.

Камусные лыжи называют так потому, что с нижней стороны они подбиты или подклеены камусом, шкуркой, снятой с ног (с голени) северного оленя, лося или лошади. В Горном Алтае, например, применяют только конский камус. Ширины его как раз хватает, чтобы покрыть ширину в общем-то не очень широких горных алтайских лыж. На Крайнем Севере и в Сибири в районах оленеводства — олений, а в местах с достаточной численностью лося (Европейская часть России, Западная Сибирь, Дальний Восток) — лосиный. Он, кстати, очень прочен и носок, не такой тяжелый как лошадиный. Олений камус еще легче лосиного, однако истирается быстрее. Надо сказать, что чем больше ходишь на камусных лыжах, тем лучше

Советы бывалых охотников По снегам-сугробам

Дмитрий ЖИТЕНЁВ

становится сам камус. Он постепенно выравнивается, и даже небольшие огрехи в наклейке его на лыжу постепенно исправляются (рис. 2).

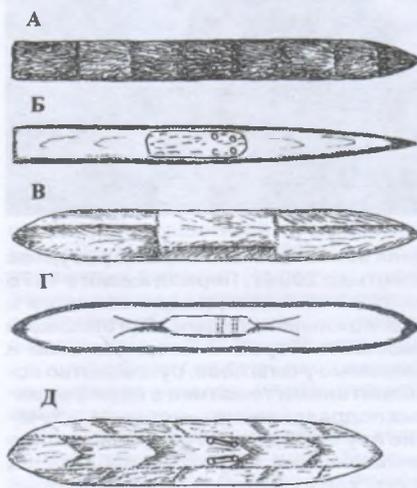

Рис. 2. Форма камусных лыж: а — алтайские зимние с конским камусом; б — алтайские весенние (вид сверху); в — верхнепечорские с лосиным камусом; г — верхнепечорские (вид сверху, виден падлас); д — восточносибирские (наиболее правильный раскрой камуса)

В горах Алтая или Саян лыжи не очень широкие, около 13 см, а длина — в свой рост. Они довольно сильно тонут в глубоком и рыхлом снегу, когда он еще не слежался, но катиться с горы и при этом управлять много удобнее, чем на более широких.

В равнинных местах Западной и Восточной Сибири ширина лыж 18—20 см, и чем дальше на восток, тем они шире. У коренных жителей Камчатки встречаются лыжи шириной до 35 см при длине 125 см. Это уже почти снегоступы. Чтобы ходить на них, надо обладать особой сноровкой.

Чем лыжа шире, тем она короче. При этом удельное давление лыжника на снег остается практически всегда неизменным — 25-35 г/см², если считать, что вес лыжника в походном снаряжении равен 90—100 кг. У всех охотников в одной местности ширина лыж должна

быть одинакова. Ходить одной лыжней на лыжах разной ширины невозможно.

Лыжи, понятно, делают из дерева и в разных районах из разных пород. Голицы, как правило, везде из березы. Она достаточно легка и вязка. Однако я видел кустарно сработанные лыжи из дуба, стройные и на удивление легкие.

Для камусных рекомендуют ель. Эвенки, например, выстругивают еловые заготовки почти до прозрачности, однако перед наклеиванием камуса еще «армируют» их, обклеивая тяжами из спинных сухожилий лося или оленя, что значительно укрепляет лыжу. Камус несёт на себе большую часть нагрузки, а поэтому сама лыжа, деревянная заготовка, может быть и тоньше, чем у голицы.

В Горном Алтае на лыжи идет черемуха, хотя это довольно плотное и тяжелое дерево, и к тому же трудно найти ствол подходящей толщины. Мне говорили тамошние охотники, что дерево надо рубить весной, во время начала сокодвижения, тогда после сушки древесина его будет легче, чем у того, что срублено осенью или зимой.

На Верхней Печоре, где мне пришлось прожить довольно долго, лучшим материалом для лыж считается осина. Заготовку выкалывают из колоннообразного прямослойного дерева, срубленного поздней осенью, и сушат не меньше года. Древесина получается, как там говорят, что твоя кость. Светлая, плотная, хотя и не очень гибкая.

В каждой местности есть свои секреты, тонкости, которые позволяют мастеру довести свое изделие до той степени совершенства, когда лыжа, сработанная им, на ноге совершенно не чувствуется. Она словно продолжение твоего тела. Охотничьи лыжи могут быть сделаны не только под определенного человека, под его вес, комплекцию, но и для определенного сезона года. Например, у северных алтайцев, тубаларов, две формы лыж. Одна с одинаковой шириной от носкового загиба до пятки — для зимы и пушистого снега. Другая для весны, когда снег становится более плотным, подтаивает на солнце, и вытянуть ногу из осевшей лыжи бывает трудно. Для того, чтобы облегчить ходьбу по весеннему снегу, переднюю часть «весенних» лыж делают более узкой. Она почти от самого крепления начинает сужаться, словно наконечник стрелы. При ходьбе задняя

Островок в море называется «Скала Лев»

На Курильских островах

Сивучи

1

Уважаемая редакция любимого журнала! Я постоянный ваш подписчик с 1983 года, сохранил все номера, перечитываю их на досуге. Во время работы научным сотрудником Камчатского отделения ВНИИОЗ, не раз «отметился» на страницах «Охоты и охотничьего хозяйства». И вот вновь решил попробовать: отправляю свои снимки для участия в фотоконкурсе «Охота и природа», или же для иллюстрирования журнала.

В последние годы неоднократно участвовал в работе экспедиции по изучению сивуча на лежбищах Курильских островов. Мне довелось заниматься этим на острове Брат Чирпоев. Приблизительно в средней части Курильской гряды есть два небольших острова, называемые Черными Братьями. На карте Курилы они обозначены как две точки. Один из этой пары, остров Чирпой, представляет собой действующий вулкан. В двух милях от него — остров Брат Чирпоев. Это тоже вулкан, но давно потухший. В сохранившемся кратере его (диаметром около 50 м и глубиной

40 м) даже на дне пробивается трава. Площадь острова составляет почти шесть квадратных миль.

Испокон веков на Брате Чирпоеве существует лежбище сивучей. В настоящее время, при повсеместном сильном сокращении численности сивуча, это лежбище тоже стало намного меньше, чем, скажем, полвека назад. Тем не менее и теперь на нем собирается до 700 и более зверей старше года, а в мае-июне рождается 300 с лишним детенышей. Шум лежбища слышен за несколько километров.

Склоны острова от кратера и до прибрежных скал, кроме осыпей, покрыты тундрово-луговым разнотравьем, кустарниками шикши, брусники и рододендрона, стелющимися по земле шиповником, ивой и рябиной. Встречаются небольшие куртинки кедрового стланика.

В прибойной полосе моря, на рифах и скалах, кроме сивучей, единично встречаются морские котики, каланы, а также тюлени-антуры. А при осмотре окружающей акватории, при хорошей видимости, почти всегда нетруд-

но обнаружить представителей китообразных — дельфинов, кашалотов, северных плавунов, но чаще всего видишь касаток. Однажды была отмечена касатка-альбинос. Из птиц обычны чайка, баклан, кайра, глупыш, белоплечий орлан, ворон. Гнездятся здесь и мелкие воробьиные, особенно часто попадает на глаза трясогузка. В 2004 году зарегистрирован залет цапли. Удивляет обилие шмелей, очень активных в нечастую тут тихую погоду.

Неожиданностью было обнаружить на острове лисиц. К лежбищу нередко наведывалась обычная красная лисица, но все другие особи имеют окраску, которую пушники-товароведы относят к «крестовке» и «чернобурке».

В одном из распадков, рядом с птичьим базаром (гнездятся кайры и глупыши) я наткнулся на лисий «городок» — больше десятка нор, имеющих сообщение между собой. К норам натоптаны тропки, около выходов много остатков птиц. Как-то здесь удалось увидеть одновременно трех взрослых зверей и лисенка (он был почти черной окраски). В норах, возможно, прятались еще лисята. Кстати, кормовая база для лисиц на острове довольно скудная, так как отсутствует такой важный корм, как мышевидные грызуны. По-видимому, звери существуют в основном за счет птиц, их яиц (нередко видел их с яйцом в зубах), выбросов моря, а также павших сивучей и их щенков. Вероятно, каким-то подспорьем служат и растительные корма, прежде всего плоды рябины и шиповника.

В. ДЬЯЧКОВ

Фото автора

Архангельская обл.

1. Вид основной вершины (потухшего вулкана) острова Брат Чирпоев
2. Склоны острова покрыты тундрово-луговым разнотравьем
3. Лисица крестовка
4. Касатка
5. Морской котик

2

3

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

4

5

ОХОТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Из путешествий Н.М. Пржевальского

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, Институт Наследия

Уже в начале второй экспедиции в Центральную Азию (1876—1878 гг.) Н. М. Пржевальский и его спутники столкнулись с интереснейшей фауной Северного Тянь-Шаня. Тут в изобилии водились медведи (два вида), архары — горные бараны, среди которых выделялся красавец белогрудый баран, тэкэ (горные козлы), косули и, что особенно показательно, при отсутствии леса — маралы. А кроме этих экзотов животного мира область славились множеством кабанов, волков, лисиц, различных грызунов. Три недели, проведенные в беспрепятственной охоте, дополнили коллекцию десятком прекрасных экземпляров крупных животных, среди которых оказался и белогрудый горный баран. Многочисленные стада горных козлов, забирающихся на самые дикие скалы, и маралы, держащиеся среди кустарников, стали излюбленными объектами охоты русских путешественников.

Пржевальскому удалось добыть тут несколько прекрасных экземпляров, среди которых особенно ценным оказалась темно-бурая шкура старого медведя, обитающего в местных горах и отличающегося от всем хорошо знакомого обитателя лесной области России обычного «топтыгина» длинными белыми когтями на передних лапах.

Дикий верблюд Центральной Азии

Главным местом жительства дикого верблюда были пески Кумтаг, лежащие к востоку от озера Лобнор. Заходил он

и в пески нижнего Тарима, и в горы Куркутаг, но лишь изредка, и уж совсем редким гостем бывал в песках по реке Черчендарье. Еще двенадцатью годами раньше пребывания Н. М. Пржевальского вблизи Лобнора и в предгорьях Алтынтага дикие верблюды были весьма обычны, а проводник русской экспедиции уверял, что ему удавалось видеть их целые стада, по несколько десятков, а однажды даже более сотни голов. Туземцы охотились на зверя только на Лобноре, но проникать в центр ареала дикого верблюда, в бесплодные пески Кумтага, никто из них не отваживался. Из его рассказов Пржевальскому стало понятно, почему верблюд «удалился» в пески — лишь бы стать недоступным, подалее от человека. Летом, когда сильная жара раскаляла песок почти до 80—100 °С, вечные пустынные странники покидали их и направлялись в высокогорные долины хребта Алтынтага, умудряясь даже перевалить и на южную сторону хребта. Обильные водопои и сочные травы обеспечивали хорошую летовку, а к зиме верблюды возвращались обратно в свои чертоги, в пески.

По описаниям Н. М. Пржевальского, дикий верблюд отличался от домашнего и своим поведением, но особенно сметливостью. Зрением он обладал острым, а слухом тонким. Обоняние же у этого азиатского туземца было доведено до удивительного совершенства. Он слышал малейший шорох шагов, издавляя на фоне пепельно-серо-

го или желтого песка, среди серо-зеленых зарослей тростника различал крадущегося и старающегося быть незаметным охотника; запах же его чуял за сотни метров. И заметив опасность, дикий верблюд пускался наутек, быстрым бегом уходил от человека. Во время странствий по пескам Лобнора Николаю Михайловичу посчастливилось наткнуться на «дикаря». Им оказался раненный зверь, несмотря на рану, спасшийся быстрым бегом от своих преследователей. Преодолев без особых трудностей 20 км, он скрылся в горном ущелье, лежащем в стороне от маршрута движения экспедиции. Другой замечательной особенностью дикого верблюда была его «страсть к горновосхождению». Подобно горным козлам он обладал удивительной способностью отлично лазить по горам. «Мы видели не один десяток раз верблюжьи следы и помет в самых тесных ущельях и на таких крутых склонах, по которым очень трудно взобраться даже и охотнику. Здесь верблюжьи следы мешаются со следами куку-яманов и архаров. До того странно подобное явление, что как-то не верится собственным глазам».

Дикий верблюд, как и подобает козлабю пустыни, отличался отличными беговыми качествами: он быстро бегал рысью, а на больших расстояниях без труда обгонял хорошую скаковую лошадь. Николай Михайлович писал, что по всей вероятности «сыпучие пески к востоку от Лобнора составляют с не-

Наш караван в пустыне

запамятных времен коренное местожительство диких верблюдов. Конечно, в древности район их распространения мог быть гораздо шире, но теперь за описываемыми животными остался лишь самый недоступный уголок среднеазиатской пустыни».

Самому Пржевальскому не посчастливилось добыть ни одного дикого верблюда, и он за большие деньги нанял местных жителей, чтобы они нашли зверя, отстреляли его и доставили ему шкуру. Охотники добыли самца и самку. Отлично отпрепарированные шкуры и черепа животных были доставлены Николаем Михайловичем в Петербург, в Зоологический музей Академии наук, и стали самой ценной частью коллекции, привезенной из второй экспедиции по Центральной Азии. Это были первые экземпляры добытого дикого верблюда со времен Марко Поло, о котором европейцы говорили, а видеть — не видели. В декабре экспедиция Пржевальского вышла из Курля и, следуя нижним течением Тарима, достигла поселения Чархадыка, по пути открыв неизвестную ранее и не нанесенную на карту реку Черчендарью, впадающую в озеро Карабуран. Отдохнув тут с неделю и оставив с тремя казаками большую часть багажа, Н. М. Пржевальский и Ф. Л. Экслон налегке отправились на охоту за диким верблюдом на юг от Лобнора, в горы Алтынтаг.

Охота на водоплавающих

«С началом валового прилета уток начались и наши каждодневные охоты за ними. В этих охотах принимали горячее участие и казаки, стрелявшие дробью-самоделкой. Впрочем, вскоре весь запас свинца вышел, и наши сподвижники должны были прекратить стрельбу дробовиками; из винтовок же разрешено было мною стрелять только крупных птиц — гусей, лебедей, орлов и т. п. Охота собственно на уток постоянно была баснословно удачной. Обыкновенно десятками считали число убитых, да и то еще ограничивали свою стрельбу, имея не слишком большой запас дрови... Уток требовалось ежедневно для еды по три штуки на брата, так что в нашем котле, для завтрака, обеда и ужина, каждодневно варилось 24 утки. Таким был аппетит у путешественников, для которых при жизни на открытом воздухе и постоянном моционе, чужды всякие расстройства желудка, равно как и бессонница.

На охоту отправлялись мы обыкновенно в полдень или немного ранее, когда солнце уже достаточно обогрето, а утки начнут свою жировку по солончакам. В это время, занятые едой, птицы гораздо не пугливее. Притом, бродя постоянно по льду озер, начавшему с половины февраля сильно та-

ять, часто случалось проваливаться иногда до пояса. Подобное купанье весьма чувствительно и в теплый день; в морозное же утро, вымочившись, пришлось бы возвращаться домой.

Охота начиналась с самой нашей юрты. Оглядевшись вокруг, почти всегда можно было заметить несколько стад, то на грязи по берегам озер, то на льду. На последний особенно любят садиться шилохвости, тогда как красноноски и полухи [серухи] (серые утки. — Н. Вехов) предпочитают открытую воду. Сидя плотной кучей, стая всегда глухо бормочет; на подкормке слышится издали щекотанье клювов и шлепанье по грязи. Сообразив, к какой стае удобнее подкрасться, отправляешься к ней, сначала обыкновенной ходьбой, потом согнувшись и, наконец, ползком. Из-за тростника подкрадешься шагов на сотню или еще ближе, выглядишь украдкой, — и сердце замрет от охотничьей ажитации. Перед вами, словно жидкая грязь, копошится масса уток; только торчат головы, да белеют шеи в этой безобразной массе. Переведа дух, приложишься; один выстрел грянул в сидящих, другой в лёт, — и целый десяток, иногда даже более, убитых или подстреленных, валится на лед или на землю.

С шумом бури поднимаются после выстрелов ближайšie стаи, но, окружившись немного, опять усядутся, иногда на тех же самых местах. Тем временем подберешь убитых, наловишь подстреленных, сложишь все это в кучу где-нибудь в тростнике, чтобы взять на обратном пути, и отправляешься к другой стае.

... Мы с товарищем отправлялись на стойки, стрелять в лёт одиночных. Подобным образом скорее можно было добыть и экземпляр для коллекции, тогда как в стаях убивались почти исключительно шилохвости. Места для стоек выбирались обыкновенно в тростнике, чтобы лучше укрыться. Стрелялось только по выбору; иначе не успевал бы ружье заряжать, столько проносилось уток через самую голову; изредка вылетали гуси, цапли, чайки, луни и попадали под выстрел. Как обыкновенно весной, довольно было промахов... но все-таки, простояв часа два, три, можно было настрелять не мало».

Белогрудый аргали, самец
Рис. К. Кронвальда

Марал
Рис. В. Роборовского

Дикий верблюд
Рис. В. Роборовского

Горный гусь

Собаки на загонной охоте

В. ЛИТВЕНКО. Фото А. Дигилевича

Многие коллективы используют в загонной охоте на копытных своих четвероногих помощников. Обычно для этих целей применяют гончих и лаек. Основное условие для всех — собаки должны быть, как принято говорить, «рабочими». Работать они должны именно по копытным, а не по зайцу, лисе или пушнине. Нередко лайка — «пушнинница», взятая в загон, найдет белку или куницу, загонит ее на дерево и длительное время облаивает. Это вводит в заблуждение и загонщиков и стрелков. Неопытные загонщики, думая, что лайка «держит» на месте лося, кидаются со всех ног в центр событий, желая лично добыть сохатого. В результате выясняется, что никакого лося там нет, и весь загон идет насмарку. Охотники, стоящие на номерах, услышав собаку, начинают сосредотачивать свое внимание в сторону лая, при этом оставляют «без присмотра» другие сектора леса. Аналогична ситуация с гончей, которая преследует в загоне зайца или лису. Некоторые номера даже снимаются со своего места, чтобы подрезать гон и перехватить неизвестного зверя, который в итоге оказывается не тем, кем хотелось. В этом случае гончую даже не снимешь с гона, т.к. по зайцу и лисе на номерах стрелять нельзя. Собака, преследуя зверька, перескакивает линию номеров и часами его гоняет, при этом забегает в другие кварталы, распугивая все живое.

Гончая же, работающая только по лосю или кабану, будет не бесполезной в загонной охоте. Стоять на номере одно удовольствие, когда слышишь, что собаки преследуют серьезного зверя. По смещению лая все (и номера, и загонщики) слышат направление движения лося и могут скорректировать свои действия. Номер, на который идет гон, уже заранее готов к выстрелу. Крайний же стрелок, если услышит, что зверь уходит немного в сторону от линии номеров, может быстро, но тихо постараться перерезать ход зверя. Но это только в том случае, если до загона распорядитель охоты дал на это разрешение.

Если лось прошел вдоль номеров или между загонщиками, то гончие, как правило, уходят вслед за ним. Не очень вязкие собаки через час-два возвращаются. Вязкие же собаки уходят надолго, а иногда, к сожалению, навсегда. Их подбieraют жители соседних деревень, нередко гончие становятся добычей волков или попадают под колеса автотранспорта, железнодорожных локомотивов.

Неплохо работает смычок: гончая и лайка. Обычно пока лось идет, голос дает гончая. Как только зверь остановился — начинает работать лайка. Хозяева собак, зная их голоса, могут безошибочно сказать: «Работает моя — значит зверь стоит», «теперь моя — лось пошел».

Нельзя брать в загон, да вообще на

любую охоту, суку с течкой. Она обязательно соберет всех кобелей в кучу, им будет не до охоты. Не рекомендуется брать также очень злобных собак. Даже если их поставить по краям загона, они все равно найдут друг друга в лесу, чтобы подраться и выяснить, кто — главный. При этом они могут серьезно покалечить друг друга. До загона наиболее сварливых собак нужно держать подальше друг от друга и вне поля видимости, иначе они могут устроить такой лай, что «подымут на ноги» всю округу.

Идея на загон, необходимо держать собак на поводке, т.к. наткнувшись на след или уловив запах зверя, они могут раньше времени начать охоту и все испортить. Отпускать собак нужно только после сигнала о начале загона.

Ни в коем случае нельзя брать собак на обход кварталов, т.е. в «разведку». Известно много случаев, когда обходчик берет с собой свою любимицу, — дескать, «пусть побегает, она еще молодая; по лосиному следу, если таковой повстречается, не пойдет». Но выходит как раз наоборот. Почуввав во время обхода свежий, возбуждающий запах лося (или кабана), до этого не работающая лайка вдруг бросается по следу, натывается в загон на лосей, поднимает их и угоняет в неизвестном направлении. Охота испорчена. Собака может найти во время обхода и какого-нибудь пушного зверька и устроить «концерт», создав никому не нужный шум.

Если хозяин собаки остался на номере, а ее передал одному из загонщиков, то это также чревато негативными последствиями. Как показывает практика, собака убегает от загонщика, но не в загон, а возвращается по своим следам и находит тропу номеров. Затем бегаёт по линии номеров в поисках хозяина, при этом облаивает другие номера и хозяина, видимо от счастья, что их разыскала. Более глупой ситуации не бывает. Поэтому, отдавая свою собаку загонщику, считая его воплощением угрозы своему хозяину. Из-за такой прихоти охота сорвалась.

Был и такой «оригинал» из числа «новых русских», который брал комнатную собачку на охоту, но не отдавал ее загонщикам, а оставлял с собой на номере. Она якобы идеал спокойствия, мухи не обидит, пусть подышит свежим воздухом, сидя рядом с хозяином. При малейшем шуме (стук дятла, пролет любой птицы) комнатная шавка лаяла, что есть мочи, а услышав вдалеке треск от шагов загонщика, ринулась в лес и продолжала лаять там, накидываясь на загонщика, считая его воплощением угрозы своему хозяину. Из-за такой прихоти охота сорвалась.

Номера должны хорошо знать — какие собаки в загоне, их внешний вид, чтобы не перепутать со зверем и случайно не застрелить. Рыжую лайку неопытный охотник может перепутать с лисой, серую — с волком, а однажды взятый нами в загон дратхаар, мокрый и грязный, в зарослях кустарника очень напоминал небольшого кабанчика. При стрельбе по стаду кабанов необходимо также быть предельно внимательным, т.к. некоторые злобные, отчаянные собаки буквально висят на холке у зверя.

Собаки, участвующие в загоне, должны быть хорошо дрессированы и беспрекословно выполнять команды хозяина. Бывало, что охотник больше часа не мог «уговорить» своего пса подойти к нему. Тот прыгал, резвился, бегал кругами вокруг машины, а подходить наотрез отказывался. Весь коллектив пытался поймать упряма, но безуспешно. Пришлось оставить хозяина и собаку на месте и, потеряв массу времени, всем переезжать в другой участок леса, на следующий загон.

Были и трагические случаи непослушания собак. Так однажды русская гончая, не слушая команду хозяина — «нельзя», бросилась на другого охотника, пытавшегося начать разделять лося. Видимо, не желая отдавать «свою» (как он считал) добычу, пес мертвой хваткой вцепился в лицо человека и ужасно его изуродовал. Поэтому разделять зверя нужно только после того, как все собаки взяты на поводок и привязаны поодаль к деревьям. Так они не будут мешать разделке, не будут воровать мясо и драться между собой.

Для того, чтобы натаскать собак на копытных, их нужно систематически брать на загонную охоту, а не от случая к случаю. Если зверь тяжело ранен и находится на месте, то лучше подождать, когда собаки выйдут из загона.

Четвероногие же помощники с большим удовольствием и азартом, выскочив из леса, потреплют неподвижного зверя, «постригут» с него шерсть, а затем получат по куску парного мяса. Все это, особенно для молодых собак, будет хорошим уроком на всю охотничью «собачью» жизнь.

Мне повезло с первой в охотничьей биографии собакой. Щенок западносибирской лайки был с отличной родословной. Его дед — знаменитый Загря председателем Новгородского областного общества охотников Шиловского Н.С. был хорошо известен своими отменными рабочими качествами. Умному щенку хватило буквально трех охот, чтобы он понял свое предназначенье, хотя на первой охоте он, по правде говоря, попросту растерялся: постоянные выстрелы и крики загонщиков — собака не понимала, что же ей делать. На второй охоте мой помощник освоился и стал прочесывать лес до соседних загонщиков слева и справа. В конце вышел на линию номеров, сел и стал ждать меня. На третьей охоте он, в ходе поиска, наткнулся на след лося, догнал его и погнался за лаем. Вскоре на номерах раздался успешные выстрелы. Фактически кобель быстро научился всему сам, потом только совершенствовал свои навыки. Так, однажды он прогонял лосей всю ночь. Нашел я его только утром, слегка подавленного, т.к. до этого он в лесу не ночевал. Пес сделал «правильные» выводы и в последующем уже преследовал лосей не более 1,5—2-х часов. Если на номерах в течение этого времени не было выстрелов — собака бросала преследование зверя и возвращалась. К сожалению, мой напарник трагически погиб «на боевом посту» в возрасте 5 лет под колесами автомобиля, когда выскочил на оживленную трассу вслед за лосем...

Если стало известно, что в загон зашли волки, собаку лучше оставить в машине. Слишком много набирается «героев» предстоящего «спектакля»: и охотники, и лоси, и собаки, и волки. Такой загон небезопасен для собак. Они могут пострадать и от волков, и от неопытных номеров. Некоторые охотники для защиты своих питомцев от волков применяют разные ухищрения. Кто-то вешает на собаку ошейник с острыми шипами наружу, кто-то — красные ленточки, обмакнутые в машинное масло, стреляные гильзы с запахом пороха, звучные колокольчики и пр. Но целесообразнее все-таки с волками не шутить, слишком серьезный и коварный противник.

Часто собаки по различным причинам по окончании загона остаются в лесу. Каждый владелец должен приучить своего питомца к тому, на какой звук он обязан возвращаться к хозяину и выходить из леса. То ли это будет ружейный выстрел, то ли звук рожка и т.п. В противном случае придется долго искать собаку, вплоть до ночевки в лесу. Если там есть волки, то это чревато для ее безопасности.

В промежутках между охотами молодую собаку, предназначенную для загонной добычи копытных, можно тренировать в «домашних» условиях. Не лишним будет поиграть с ней кусочком шкуры лося, кабана, оставшимся с прошлых охот. Можно попросить своего товарища протащить на веревке по снегу тот же кусочек шкуры или копыто, создав своеобразный тренировочный след для собаки. Как вариант — дополнительно сделать его и кровавым (предварительно запастись при очередной охоте и разделке туши баночкой крови добытого зверя). Некоторые даже изготавливают «натуральный» тренировочный след лося, делая отпечатки на снегу трофейным копытом. Фантазии тут безграничны, но любые подобные тренировки с поощрением своего питомца не пройдут даром. Много, конечно, дает и непосредственная встреча со зверем в «боевых условиях». Так, однажды, получив от раненого лося копытом по зубам, умная собака в будущем всегда будет подходить к нему только со стороны спины.

Хорошо в загон брать собак, которые давно знают друг друга и работают много охот вместе. Может справиться с задачей и одна опытная собака, которая прочесывает весь загон челноком, как легавая.

Много споров среди охотников, может ли та или иная собака удержать взрослого зверя (крупного секача, лося) на месте или гнать его в желаемом направлении. Как свидетельствует опыт многочисленных охот, мелких кабанчиков некоторые крупные и злобные собаки не только способны остановить, но и дают их на смерть. Матеро же зверя собака вряд ли остановит, скорее всего, она просто преследует его. Направление движения зверя выбирает сам. Во время кратковременных остановок, когда зверь слушает окружающую обстановку, собака настаивает его и облаивает. Рассказы «бывалых» охотников о том, что их собаки останавливают лося, крутят его на месте, причем некоторые псы висят мертвой хваткой на холке зверя и на морде, мне кажется, из разряда баек или свидетельствуют о неопытности зверя, который растерялся и не знает, куда бежать. В общем, вопрос остается спорным. Полагаю, что, если и есть собаки, которые могут закрутить лося или секача на месте на долгое время (пока не подойдет охотник), то их — единицы.

Некоторые «опытные» охотники советуют молодым — не брать в загон собаку, чтобы якобы не испортить ее. По их мнению, с лайкой нужно обязательно охотиться одному и обязательно почему-то только на пушину, а с гончей — обязательно только на зайца или лису. Но если я люблю загонную зверовую охоту, и мне не нужны белки, норки и куницы, то почему я должен «беречь» свою собаку от лосей и кабанов. Я считаю, что собака должна служить своему хозяину и любить именно те виды охоты, которые предпочитает он.

В. Попов после удачной охоты по первой пороше

Последняя песня Бушуя

**В. ПОПОВ, эксперт
Всероссийской категории**

Он родился в апреле 2001 года. Мы нарекли его Бушум II, а чтобы не путать по кличке с привезенным с Алтая дедом тоже Бушум добавили к кличке слово вятский и стал он Бушуй II Вятский. Рос он, как и все щенки, резвым и озорным: обрывал обои в доме, грыз тапочки и туфли независимо от их цены. Первую охотничью страсть проявил во дворе к подсадным уткам, за что был наказан и больше ими не интересовался. В первую в его жизни осень не нюхал зайца: он мало времени бывал в лесу, но врожденная, унаследованная от предков охотничья страсть взяла свое и однажды весной следующего года во время мартовских настов, отпущенные на прогулку со своим отцом одиннадцатилетним Гаем, они одни ушли в лес и не вернулись ни в тот день, ни на второй, ни на третий. Гай пришел на четвертый день, а Бушуй на пятый. Чем они занимались в лесу столько дней осталось тайной. И с той поры пошло. Как отпустишь на прогулку вместе они уходят в лес на сутки и более. Так прошло лето, а осенью, когда открылась охота с гончими, мы убедились, что не напрасно отец с сыном проводили время в лесу: научил отец сына зайцев гонять, и не только длинноухих — не проходил Бушуй и мимо лисьего следа. Всю вторую в своей жизни осень Бушуй ра-

довал нас своей умной работой на охоте.

Третьей осенью случилось непоправимое. То октябрьское утро было пасмурным, предвещающая обычный, осеннего предзимья день. С неба сыпал мелкий сухой снежок, подгоняемые легким ветром снежинки засыпали и выравнивали ямки старых следов в еще неглубокой белой тропе. Словом погода для охоты с гончими была самой благоприятной. Компания охотников моего сына

Михаила подъехала к месту, где когда-то стояла д. Барановы, с ними была одна гончая — мой Бушуй II. В этих местах ребята охотились и прежде, т.е. места были знакомы и охотникам и собаке. Не успели они и ружья сложить, как Бушуй заголосил по зрячему, подняв зайца в поле, но зверек повел себя как-то странно. Он не стал кружить, а пошел почти по прямой, и песня гона стала стремительно удаляться. Михаил бросился вдогонку.

Места эти уже лет 30 как стали пустынными. Там, где когда-то стояли деревни, остались лишь одиночные тополя, березы, липы. Последние годы поля здесь не пахутся и не засеваются, зарастают лесом, бурьяном.

Гон уходил все дальше и дальше, временами песня гона слышалась на пределах слуха. Когда Михаил выбежал на край большого поля, гон слышался за полем, и вдруг выжлец взревел как по зрячему и все смолкло. Сын решил: Бушуй словил зверька, — но, когда пришел по следу на место, увидел мертвого Бушуя, лежащего на окровавленном снегу в паутине волчьих следов. Стало понятно: последний вскрик выжльца был прощальным аккордом его песни, а прозвучал в момент, когда волчьи зубы впились в его бок. Свершилась трагическая судьба, заяц, пройдя, если мерить по прямой, около 4-х километров, привел Бушуя точнехонько к волкам, отдохавшим на лежке.

Гибель Бушуя в семье переживали очень тяжело, но, убив его, волки причинили боль не только нам, этим они нанесли ощутимый урон племенному делу в разведении русских гончих на вятской земле. Погиб не просто выжлец, погиб племенной не выставочный, а полевой выжлец, представитель интересной, но пока мало распространенной в Европейской части России, кровной линии Зажигая Горьковского питомника ЗКС, представители которой разводятся последние десятилетия в основном в Алтайском крае. В Кировской области разведение этих собак было начато лишь в 1986 году, когда из Барнаула были завезены два щенка.

Фото автора

После охоты с Бушумом-II Вятским

Еще раз об испытаниях норных собак

Л. МАНСУРОВА, эксперт Всероссийской категории по норным собакам

Прекрасно написана статья Е. Горбуновой, опубликованная в № 10, и все было бы хорошо, если бы... она не возвращала нашу работу с норными собаками более, чем на полстолетия назад. Умиляют автора 32 диплома I степени, полученные 51 собакой, меня же это насторожило. Зная работу норной собаки, прекрасно понимаю, что все заключается в легкости, с которой получены эти дипломы, да и судейская комиссия далека от забот, волнующих охотников.

Еще в дореволюционное время в журналах, посвященных охоте описывалось как «милые дамы», держа на цепочке таксу или фокстерьера, устремлялись в манеж, что на Охотном Ряду. А там в определенное время устраивалась деревянная прямая или изогнутая под углом тупиковая нора и в ней сидели лиса или барсук. Зрители и владельцы с восторгом наблюдали, как «милые, смешные собаки» лихо облаивают или берут и тащат зверя. Происходили на такой норе и состязания. Но это было начало XX века, и в России только зарождалась работа с норными собаками.

И после революции эти люди сохраняли таких собак, даже не имея возможности охотиться с ними, просто понимая, чем ценны эти собаки. И великое им спасибо!

А потом мы в России стали жить лучше и охотиться побольше, но искусственная нора для притравки и испытаний была та же, примитивно-тупиковая.

Но вот закончилась Великая Отечественная война, много норных собак разных пород было привезено из Европы. Норная охота год от года становилась все популярнее и во многих местах была достаточно выгодна. Но наша охота и наши уголья отличны от европейских и своими просторами, и

разнообразием. Норная собака должна была находить зверя и в заброшенных военных коммуникациях, и в «барсучьих городках», и в узких расщелинах скал на Кавказе, и в карстовых промоинах на границе Белгородской области и Белоруссии и т.д.

В 50-х гг. появилась настоятельная потребность в правилах, более точно определяющих охотничью ценность норных собак. Для этого надо было проводить испытания на другой, более сложной норе, где перемещающуюся лисицу надо не только со злобой «брать», но еще и найти. Вот тогда и появилась идея создать нору «восьмерку», наиболее приближенную к естественным условиям. Работа в норе такого типа стала помогать в отборе производителей в породах норных собак, приспособленных к охоте. Правила испытания собак на этой норе создавались охотниками-экспертами, которые к тому времени уже не одно десятилетие охотились с норными собаками. Это были: эксперт Всесоюзной категории Н.И. Попонов, эксперт Республиканской категории И.И. Пугачёв, эксперт I кат. Р.А. Гуров. Были привлечены и молодые эксперты не только из Москвы, но и из Украины, Ставропольского края, Свердловской области — из всех центров разведения норных собак.

Обсуждению правил было посвящено Второе Всесоюзное совещание, по замечаниям с мест вносились изменения. Например, охотники средней полосы России, Сибири считали, что на д. I ст. нужна «хватка по месту», охотники Украины и юга России считали, что 7 азменов — это тоже д. I ст. В результате правила были скорректированы. И еще дважды в том и этом веке в правила вносили изменения. Это говорит о серьезности и глубине проработки требований к работе нор-

ной собаки.

Задача норной собаки, испытывающейся в норе «восьмерке» — найти лису во что бы то ни стало, а затем взять ее или выгнать. Это формирует собак настойчивых, вязких, выносливых и злобных, т.к. в разгоряченной собаке злоба проявляется ярче, и с ней охота становится добычливой. Разбегавшаяся подсадная лисица в тупике ведет себя более естественно, чем быстро загнанная в угол П-образной норы.

И не бывает в норе «восьмерке» 32-х д. I ст. из 51 сработавшей собаки. Такие цифры вообще настораживают.

Почему-то, побеждая на таких состязаниях, например, ж/ш фокстерьеры, разбросанные по разным клубам, не могут выступать на состязаниях по «Национальным правилам» на 8-ке. Как только мощным потоком потекли собаки из-за рубежа, их опрометью бросились испытывать по устаревшим для России правилам, по так называемым правилам FCI, в П-образной норе, так как по «Национальным правилам» в норе 8-ке эти собаки отказывались работать, у них просто не хватало вязкости, они не могли искать, они были крупные и бегать по норе им было трудно. В то же время наши собаки, выезжая за рубеж, достойно работали по правилам FCI.

Давно пора Национальные правила испытаний на норе 8-ке поставить во главу угла работы с охотничьими норными собаками. На всех охотничьих выставках бонитировать только по дипломам, полученным на норе 8-ке. А тем, кому хочется ходить на выставки РКФ и Крафта предоставить свободу работы по любым «правилам», какие им нравятся. Очень печально, что такие игрища существуют и выдаются за истинное выявление полевых и племенных качеств собак.

ООО «СНЕЖНЫЙ БАРС»

Закупает пушно-меховое сырье
Кунница, белка, соболь, горностаи, колонок, рысь,
росомаха, ондатра, шкуры морских зверей
Изготавливаем и продаем шубы, пальто,
головные уборы. Салон «Интермех»

М. Электрозаводская, Барабанный пер., д. 4.

Т. 8 (495)963-51-31, факс. 964-25-83,

с. 8(495)784-40-53

Р. КОЖИЧЕВ, фото автора

На ТИГРИНОМ ЛОГОВЕ

Таежные массивы Приморья — места обитания редкого, таинственного и удивительно красивого животного — амурского тигра. Он — самый крупный представитель семейства кошачьих нашей фауны, его жизнь в бесснежный период долгое время оставалась загадкой, исследователи могли узнать о нем лишь благодаря троплению его следов по снегу.

Вот уже более 12 лет на территории Сихотэ-Алинского государственного биосферного заповедника и в его окрестностях проводится совместный российско-американский научно-исследовательский проект по изучению экологии и сохранению амурского тигра, который осуществляется усилиями заповедника и Обществом сохранения диких животных.

Благодаря методу радиотелеметрии наблюдать за образом жизни меченных радиоошейниками тигров стало возможно круглый год. В спектре научных интересов сотрудников проекта такие вопросы, как: размеры индивидуальных участков хищников, годовая потребность тигра в добыче и ее видовой состав, репродуктивный потенциал самок в течение жизни, причины смертности и многое другое.

Проводя наблюдения за молодой тигрицей на побережье Японского моря в окрестностях заповедника, мы — сотрудники проекта «Амурский тигр» Александр Рыбин и я, даже не ожидали, какую редкую и интересную встречу предоставит нам случай. Вот уже как четвертые сутки тигрица оставалась на одном месте. Это было определено по телеметрическим локациям сигнала ее радиоошейника. Вечером четвертого дня она переместилась. Мы решили проверить это место, возможно, ей сопутствовала удача и все эти дни она находилась на своей жертве — «давленке». Поднялись на склон сопки и стали прочесывать место. Совершенно неожиданно на хорошо примятой листве под кустом орешника я увидел четырех маленьких тигрят. Остолбенев от удивления, еще не веря в реальность увиденного, я не своим голосом начал звать Сашу. Увидев тигрят, он, не менее удивленный, проверил сигнал радиоошейника. Тот усиливался с каждой секундой — тигрица возвращалась. Трясущимися от волнения руками делаю несколько кадров, и мы спешно покидаем логово.

Отделяющие нас от берега 600 м продельваем с небывалой прежде скоростью. Проверяем сигнал ошейника — тигрица уже на месте...

Фотоконкурс «Охота и природа»

Пороховой заряд из «СУНАРА 35» в патроне 12 калибра

Ю. АЛЕКСЕЕВ

Как известно, порохом называются многокомпонентные взрывчатые системы, применяющиеся как источник энергии для метания снарядов. В зависимости от химического состава, плотности, размеров и формы пороховых зерен пороха способны гореть закономерно с определенной скоростью, обеспечивая заданное выделение газов. Следовательно, если надо изменить калибр оружия, массу снаряда, его вид — дробь, картечь или пуля, нужно изменить и характер горения пороха, оптимизируя его под конкретные условия. Особенность российского рынка охотничьих боеприпасов заключается в том, что в России в течение почти всего двадцатого столетия доминировал один вид бездымного пороха — «Сокол», которым должны были обходиться и охотники, стреляющие из ружей разных калибров — от 4 до 36, и спортсмены, использующие дробовые снаряды весом и 36 и 24 грамма. Даже мощные снаряжающие заводы вынуждены были «приспосабливаться» к «Соколу» вместо снаряжения высококлассных патронов. И приспособлялись к этому пороку кто как мог, вплоть до изготовления гильз с шероховатой внутренней поверхностью для увеличения давления форсирования.

Порох — «Сунар», оптимизированный в первом варианте для дробового патрона 12 калибра, с трудом завоевывает признание даже у обладателей ружей 12 калибра, хотя преимущества его перед «Соколом» в этом патроне очевидны. И основная причина такого «консерватизма» — отсутствие подробного наставления по снаряжению патронов с новым порохом. Многие любители «крепких» зарядов не учитывают, что это — быстрогорящий порох и попортили себе ружья «усиленными» зарядами, которые допускались при использовании «Сокола». Подлили масла в огонь и производители «Сунара» — на протяжении нескольких лет баллистические характеристики (БХ) пороха эпизодически изменялись. В связи с «перестройкой» производства навеска пороха возросла с 1,7 до 2,3 г в стандартном патроне 12 калибра. Сейчас эта черхарда, будем надеяться, закончилась, навеска стабилизировалась на уровне 1,8—1,9 г и вновь можно говорить о том, как снаряжать дробовые патроны с порохом «Сунар». Стоит или не стоит самому снаряжать патроны, спор, я считаю, не уместен, поскольку для России с ее огромным диапазоном колебания сезонных температур и множеством климатических зон невозможно сделать стандартный патрон, одинаково хорошо

работающий зимой и летом, в сырость и в засуху. К тому же для истинных охотников снаряжение патронов является творческим процессом и неотъемлемой частью охоты.

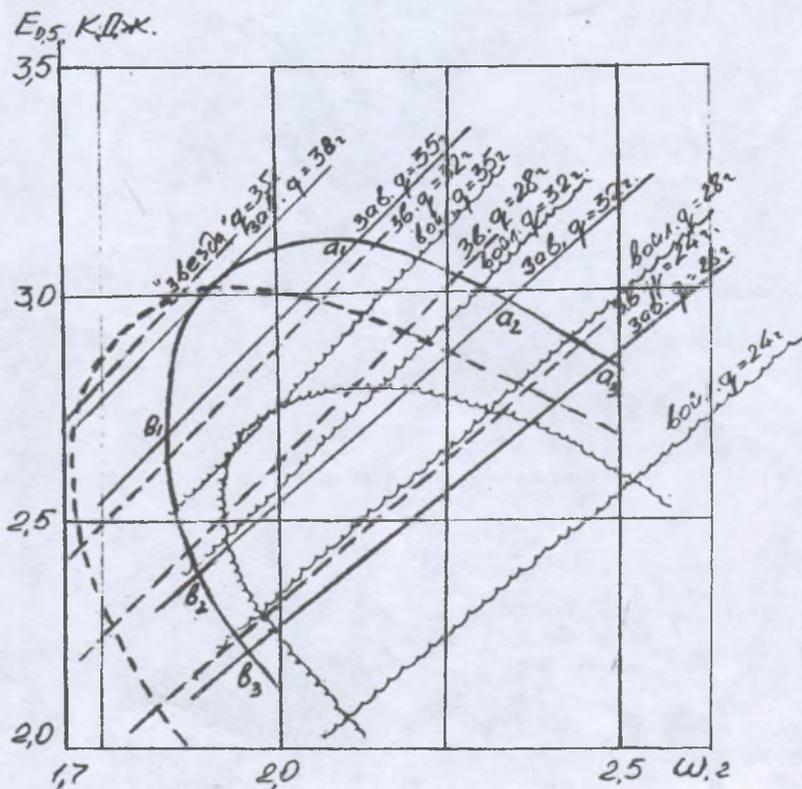
Вошло в практику характеризовать порох одной точкой, задаваемой приемом-сдаточными испытаниями на заводе — изготовителе пороха. На этикетке указываются массы порохового заряда, дробового снаряда и тип пыжа, при которых достигнута регламентированная действующей нормативно-технической документацией (ГОСТ или ТУ) скорость вылета дроби и не превышено допустимое максимальное давление пороховых газов в патроннике ружья. Было бы неплохо указывать сами величины скорости и особенно давления, чтобы охотник знал, имеется или нет запас по навеске пороха, или же указана ее предельная величина. За рубежом ведущие производители порохов издают для любителей самостоятельного снаряжения патронов обширные альбомы с таблицами, где указываются гарантированные БХ патронов всех калибров, в которых целесообразно использовать тот или иной порох с различными навесками пороха и дроби и имеющейся в

продаже комплектацией. Охотник там руководствуется при снаряжении патронов официальным наставлением производителя пороха, для российского охотника снаряжение нестандартных патронов — это искусство с элементами алхимии.

О том, как влияют различные комплекты на баллистические характеристики (БХ) патронов, снаряженных порохом «Сунар», довольно обстоятельно написано в статье «Сунар» в 12 калибре», опубликованной в №11 и 12 журнала «Охота и охотничье хозяйство» в 1997 году. Но с той поры изменились и порох и основные компоненты патрона — появился новый капсюль-воспламенитель КВ-209, появилась определенная стабильность характеристик пороха, что закреплено в обозначении марок пороха — «Сунар 32», «Сунар 35». Они предназначены для снаряжения патронов 12 калибра с 32 и 35 граммами дроби соответственно, а раньше эти различия скрывались под одной маркой — «Сунар» и находить разницу между партиями методом проб и ошибок должен был охотник.

В данной статье мне хотелось бы показать, как меняются БХ патронов при изменении в широких интервалах навесок пороха и дроби и как влияет на БХ замена комплектов или условия сборки патрона.

Наиболее типичной формой представления баллистических характеристик порохов в составе дробовых патронов являются зависимости скорости вылета дроби и давления пороховых газов в камере патронника от массы порохового заряда при постоянной мас-

се дробового снаряда. Более наглядно поведение порохового заряда отражают, на мой взгляд, зависимости кинетической энергии дробового снаряда на вылете из ствола от масс порохового заряда и дробового снаряда. Именно кинетическая энергия дробового снаряда включает в себя и скорость вылета и массу снаряда и является, в конечном счете, основным критерием оценки эффективности работы порохового заряда и патрона в целом. С целью установления этих зависимостей были проведены стрельбовые испытания.

В ходе испытаний использовали полиэтиленовые гильзы производства завода «ПОЗИС», капсюлированные КВ-209, полиэтиленовые пыжи-контейнеры производства Кировского завода охотничьего и рыболовного снаряжения, свинцовую дробь № 6 производства НПФ «Азот». Дульце гильзы закрывалось «завальцовкой» с применением картонного пыжа. Исследовался порох «Сунар 35», изготовленный казанским пороховым заводом в 2005 г. Следует отметить, что пыжи-контейнеры Кировского завода охотничьего и рыболовного снаряжения наилучшим образом подходят к современным порохам и, благодаря заложенной в их конструкцию возможности регулировать высоту амортизатора, предпочтительны для любителей снаряжения патронов.

Исследование проводилось следующим образом. При заданной массе дробового снаряда изменяли массу порохового заряда и определяли, как изменяются при этом основные внутрибаллистические характеристики — скорость вылета дроби (определялась на расстоянии 0,5 м от дульного среза) и максимальное давление пороховых газов в камере патронника. По скорости вылета рассчитывалась кинетическая энергия дробового снаряда $E_{0,5} = qV_{0,5}^2/2$, где q — масса дробового снаряда, $V_{0,5}$ — его скорость. В координатах $E_{0,5}$ (ω — масса порохового заряда) строили зависимости кинетической энергии дробового снаряда от массы порохового заряда для разных масс дробового снаряда (см. график). В исследованных интервалах навесок пороха и дроби — это прямые, смещающиеся при уменьшении массы дроби вправо, в область высоких навесок пороха. Для каждой массы дробового снаряда экспериментально определяли граничные массы порохового заряда — наибольшая, при которой среднее значение максимального давления пороховых газов в камере патронника достигает максимально допустимой величины — 70 МПа и наименьшая, при которой скорость вылета дроби становится минимально допустимой. Эти точки отмечены на каждой прямой как «а₁, а₂...» и «в₁, в₂...» соответственно. Соединив точки «а», получили верхнюю границу навесок пороха и дроби, обеспечивающих нормальное функционирование патрона данной конструкции. Линия, соединяющая точки «в», определяет границу наименьших навесок пороха, обеспечивающих минимально-допустимую скорость вылета

дроби, регламентированную действующей нормативно-технической документацией на патрон. Граница минимальных навесок пороха весьма условна, поскольку можно снаряжать патроны, например, для стрельбы накоротке, со значительно меньшими скоростями вылета дроби, но при снижении навески пороха более чем на 10—15 % от оптимальной, выстрел становится неустойчивым, сопровождается громким звуком, дульным пламенем, порох в канале ствола не догорает.

В левой части графика линии «верхней» и «нижней» границ сходятся в точке, соответствующей навеске порохового заряда при максимально возможной для данной конструкции патрона массе дробового снаряда. Правая часть графика — область «неоптимальных» навесок дроби и пороха. Как видно из графика, с порохом «Сунар 35» можно собирать патроны данной конструкции с навесками дроби 32, 28 и даже 24 г. При массе дроби 35 г навеску пороха можно изменять в пределах 1,90...2,1 г, при массе 32 г — от 1,90 до 2,30 г, для 28-граммового дробового снаряда массу заряда можно менять в пределах 1,95...2,45 г. Скорость вылета 28-граммового снаряда дроби при максимальной навеске пороха составит 470 м/с. Можно собрать патрон и с 24 г дроби, но пороховой заряд будет относительно нормально функционировать при массе 2,0...2,6 г, и при этом возможны такие негативные явления, как оглушительный грохот, дульное пламя, недогоревший порох в канале ствола.

С изменением конструкции патрона основные БХ также будут изменяться. Изменяться и границы области нормальной работы порохового заряда. Так, если закрывать дульце патрона «звездой» без применения дробового пыжа, высоту амортизатора пыжа необходимо уменьшить на 5...7 мм и конструкция патрона станет более «жесткой». Возрастет и усилие раскрытия патрона, и при одинаковых навесках «звезда» даст более высокое давление пороховых газов, чем «завальцовка». Соответственно, снизится на 4...5 % максимально достижимая кинетическая энергия дробового снаряда, предельная навеска дроби уменьшится на 2 г. Вся область нормальной работы порохового заряда сместится на графике влево вниз, в зону меньших навесок пороха. На графике зависимости для патронов, закрытых «звездой», показаны пунктирными линиями. Такое изменение конструкции патрона целесообразно при использовании меньших навесок дроби.

Замена пыжа-контейнера войлочными пыжами делает конструкцию патрона более «жесткой». Даже для закрытого «завальцовкой» патрона максимально достижимая кинетическая энергия дробового снаряда снизится еще на 6 %, до 35 г уменьшится наибольшая навеска дроби. Из-за худшей обтюрации пороховых газов возрастет навеска пороха. Но, как отмечалось ранее, патроны, снаряженные войлочными пыжами, меньше теряют свои характеристики

при отрицательных температурах, чем патроны, снаряженные полиэтиленовыми пыжами-контейнерами. Зависимости для патронов с войлочными пыжами на графике изображены волнистыми линиями.

Совмещение графиков для трех вариантов конструкции патрона на одном рисунке несколько затрудняет восприятие этих графиков и выделение каждой конкретной зависимости, но такое совмещение очень наглядно показывает характер изменения БХ патрона при изменении его конструкции.

Если применить другой тип капсюля-воспламенителя, например КВ 21, который менее мощный по сравнению с КВ 209, то вся область нормальной работы порохового заряда сместится правее, на 1,5...2,0 % увеличится максимально достижимая кинетическая энергия дробового снаряда, предельная навеска дроби увеличится на 1 г. Такой конструктивный прием целесообразен при желании получить максимальную навеску дроби (на графике зависимости с КВ 21 не показаны).

К сожалению, такие важнейшие характеристики «Сунаров», как навеска заряда, возникающее при выстреле давление пороховых газов, до сих пор ошутимо меняются от партии к партии, поэтому представленные зависимости следует рассматривать пока как качественное описание характеристики выстрела. Это означает, что если Вы соберете патроны с другой партией «Сунара 35» с навесками, соответствующими какой-либо точке графика, то БХ этих патронов могут заметно отличаться от представленных на графике. В то же время, представленные зависимости помогут любителям самостоятельного снаряжения патронов ориентироваться в сложном взаимоотношении конструкции дробового патрона с его баллистическими характеристиками.

Как видно из приведенных на рисунке зависимостей, патроны всех исследованных конструкций с рекомендованными производителем пороха навесками (для исследованной партии это: пороха — 1,90 г, дроби — 35 г) обеспечивают требуемые баллистические характеристики. Используя в качестве отправной точки данные навески пороха и дроби, можно в определенных интервалах варьировать их, выдерживая при этом соотношение $\omega \cdot q = \text{const.}$, где ω и q — массы пороха и дроби в патроне. Формула эта весьма условна, и действительна для классической конструкции патрона, но в определенных интервалах изменения навески дроби поможет рассчитать безопасные навески пороха. Не следует увлекаться тяжелыми снарядами — навеска дроби не должна превышать рекомендованную более чем на 2 г. Если уж Вы задались целью зарядить побольше дроби, то используйте сравнительно медленногорящие пороха, например «Сунар 42». С «Сунаром 35» нецелесообразно собирать патроны и со слишком легким (меньше 28 г) снарядом, поскольку качество выстрела при этом будет невысоким.

В ПОИСКАХ ПРИЦЕЛА

В. ВАЛЬНЁВ, Ижевск

Достаточно большое число пользователей оружия, как охотников, так и любителей пострелять, озабочены поисками подходящего оптического прицела. Ищу и я. Не так, чтобы все бросить, но достаточно часто и регулярно, практически при каждом посещении оружейных магазинов. Тем более один из них расположен совсем недалеко от места моей работы. Зачем прицел? Да кажется, собственно, и оружия у меня такого нет! Из моих дробовиков 12 калибра (один из них — «магнум») все же приятнее в лет по «посуде», чем пулей по бумаге. Тем не менее, хочется и пулей. И еще люблю хоть изредка пострелять из своей старенькой Иж-38. С прицелом это может быть даже и не столь точнее, сколько приятнее. Одна беда — оказывается, пружинно-поршневая пневматика предъявляет очень серьезные требования к прицелу: удар поршнем очень сильный, на этом «стволе» я уже на паре достаточно неплохих отечественных прицелов барабанчики поправок оборвал. И мало того, что удар сильный, он направлен встречно такому же на обычном «огнестреле», на что видимо обычную оптику совсем не рассчитывают. Потому недорогой, но прочный прицел ищу уже давно. К большому сожалению, отечественный ассортимент особо не блещет ни качеством, ни ценой, ни удобством. В свое время порадовал казанский «Азимут» 5х30, но, нагрузок от большого настрела из пневматики также не вынес. Оптика братской Белоруссии, увы, как таковая также в рассмотрении практически не участвует.

Ну, в общем, рассуждать на эту насущную для многих тему долго и нудно особого смысла не имеет, без того все ясно, потому перейдем сразу к делу. Поскольку магазин действительно близлежащий, и я там несколько примелькался, было мне предложено участвовать в испытаниях нового образца из громадной коллекции вновь поступивших китайских оптических прицелов марки ZOS, сделанных согласно надписи на коробке одним из заводов фирмы Nantong Universal Optical Instruments Co, Ltd.

При слове «Китай», конечно, сработали некоторые уже достаточно устойчивые стереотипы, мол «видели, знаем», но... халыва плиз, сэр! От звуков этих сладких слов ледок недоверия хоть и не растаял, но появилось желание присмотреться. Недаром говорится: есть китаи и Китай! И пострелять из не слишком знакомого аппарата, от души, да еще «на халыву» — кто ж устоит?

Аппарат, конечно, не столь и знакомый, обычная «пятьсотпятидесятая» Чезета калибра .308, очень неплохая классическая винтовка, но все-таки стрельба по мишени, на природе — это совсем не то, что регулярно мной практикуемый отстрел для пулегильзотеки в пыльном тесном подвале.

Винтовка была тут же укомплектована родным цельным кроном, отдельные родные же кольца сразу были чисто интуитивно отвергнуты: лучше — враг хорошего.

Прицел взяли самый большой и тяжелый, к тому же достаточно «продвинутый» — с подсветкой марки, отстройкой параллакса, с переменной кратностью 6—24 и передней линзой 50 мм. Для охотничьей винтовки трехлинейного калибра это явный перебор, да и сел прицел не очень хорошо.

Почему сел не очень хорошо? Прицел большой и длинный, объектив толстый, при установке встал близко к целику открытого прицела, что мешало снимать переднюю крышку и использовать открытый прицел если не для стрельбы, то для холодной выверки оптики. Двигать прицел дальше назад не позволяла длина ложи, потому же не был обеспечен упор кронштейна в прицел. Замеры показали, что при общей длине 405 мм, диаметре объектива 62 мм прицел с кронштейном весит 0,84 кг, и масса винтовки с прицелом: получилась 4,5 кг.

После недолгих размышлений в данном случае на это решили внимания не обращать, поскольку основной целью стрельбы была всего лишь проверка прочности и устойчивости прицела. В смысле, не поползет ли прицел в кронштейне, не слетит ли марка, не закачаются ли барабаны, как и что видно, да и стоит ли вообще связываться с оным китайским производением несмотря на розничную цену 2970 р. Кстати говоря, владелец прицела никаких сомнений в его живучести не испытывал, сказав, что именно этот экземпляр ранее без каких-либо нареканий выдержал проверку на одном из «Тигров». Правда, как и родной ПСО особых рекордов там не показал, скорее всего из-за каких-то проблем с штатным кронштейном. Кроме того, на одном из ижевских заводов прицел вполне успешно испытали на удар, что давало уверенность в достаточной живучести.

Предварительно выверять прицел за отсутствием трубки холодной пристрелки пришлось через ствол — большой объектив напрочь закрывал прорезь целика. Но нам шибко точно и не надо, только зацепиться бы за

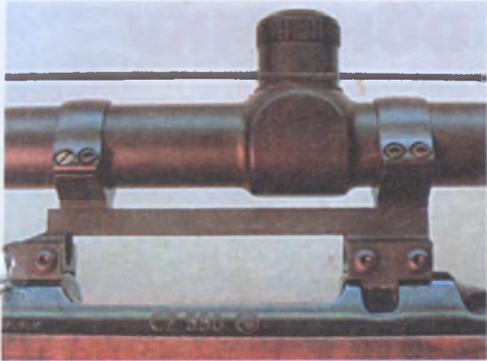
Административный корпус фирмы

лист мишени. Зажал винтовку в тиски, вывел ствол на крест телеантенны близлежащего дома, чуть-чуть подвел крест марки — и ладушки. На удивление крест оказался практически в центре поля. Никаких смещений марки или прокладок в кольцах кронштейна, столь частых на нашем оружии, не понадобилось. Забегая вперед скажу, что к моему удивлению на стрельбище даже небольшой корректировки марки не потребовалось.

Стреляли мы вдвоем, по очереди и уже после первой пары групп самой обычной «барнаульской» оболочкой (пуля 9,4 г) стало ясно — все в порядке, полет нормальный. Пачка была успешно добыта, практически без перерывов, несмотря на ощутимый нагрев ствола и мираж. Как и положено, число дырок в мишени совпало с числом стреляных гильз. Несколько отстрелянных серий показали то, что и требовалось доказать: прицел в кронштейне не двигается, даже без противоскользящих вставок в кольцах.

Стрельба велась с увеличением 16—18, попытки добавить кратность приводили к тому, что щит с мишенью и выходной зрачок приходилось искать достаточно долго. Скорее всего, столь большой диапазон увеличений прицела выбран производителем исходя из законов маркетинга, в реальности использовать его почти не придется. При максимальном увеличении диаметр выходного зрачка получается всего около 2-х мм, и уверенно стрелять так можно только при очень хорошем освещении. Но главное, возможность зуммирования есть, она реально работает, и кому надо, могут этим пользоваться. Вполне реально также использовать прицел просто как зрительную трубу, хотя бы и для корректировки наблюдений за стрельбой соседа.

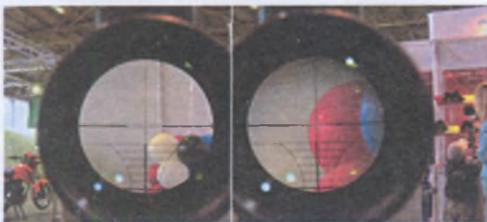
Лучшая группа из 4-х попаданий на 100 метров составила 36 мм «по ожо-

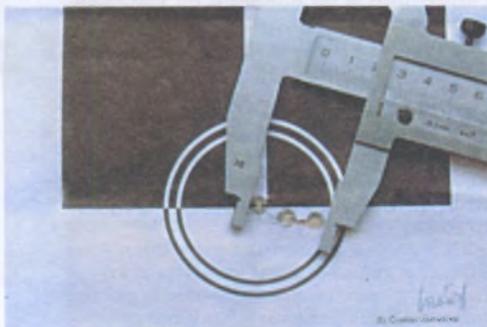
Прицел на винтовке: упор крона – штатный, упор прицела в крон отсутствует. Теоретически нужен опорный вкладыш-кольцо

Окулярная группа: настройка увеличения, подсветки, диоптрийности

Марка при 6X и при 24X

Результаты отстрела

гам», то есть по центрам пробойн около 28 мм, мои результаты были значительно скромнее. При этом «родная» заводская мишень, приложенная к винтовке, показывает «по ожогам»

около 3 см на дистанции 50 м. Ну что тут сказать...реальный результат более чем налицо, хотя и патроны чешские, которыми винтовка на заводе отстреляна, с первым попавшимся под руку обычным «барнаулом» сравнивать несколько некорректно. Но для начала, для чисто «коробочного» случая, без всяких подстроек и регулировок считаю вполне неплохо, поле для совершенствования есть. Тем более, что цена попросту ниже уровня пола. Испытываемый прицел в розницу продается чуть меньше трех тысяч рублей, а заполненный азотом прицел типа 6x40 в розницу стоит около полутора тысяч рублей, на треть дешевле российского аналога. Уже при чистке винтовки внезапно надо пришло осознание факта, что на данной модели имеется очень полезное в данном случае приспособление, именуемое шнеллером, которым мы так и не попользовались.

После некоторых раздумий я пришел к выводу, что для среднестатистического охотника, который обычно не имеет суперснайперских навыков, с большой долей вероятности именно эта бюджетная комбинация винтовки и прицела может обеспечить достаточно надежное поражение цели размером в 1 MOA на дальностях до 500—800 м. Для этого надо только подобрать подходящую партию качественных патронов и для полной уверенности и удобства пользования заменить кронштейн, обеспечив упор прицела и немного подняв его. Под себя скорее всего я бы еще чуть удлинил ложу за счет прокладки под нее затлок и надел на гребень ложи нужной толщины кожаную подушечку для щеки для обеспечения стабильности вкладки. Ну и конечно, тренировки, тренировки, тренировки.

Немного о Китае и китайских прицелах

Раз уж попало что-то в руки, возникает интерес: что, где, как. Итак, Китай, провинция Дзянсу, город Нантонг. Если верить нашему атласу, это Наньтун, расположенный на берегу Янцзы, чуть севернее Шанхая, практически его пригород. На фото в проспекте — вполне европейского вида здание, явно административный корпус. Китайский колорит присутствует в виде привратных на вид мраморных львов.

Фирменный проспект утверждает, что качество продукции соответствует мировым стандартам, что подтверждено международным сертификатом качества ISO 9001:2000. Корпуса прицелов изготовлены из высокопрочного алюминиевого сплава, покрыты специальным антикоррозионным составом. Прицелы герметичны, обладают антивибрационными и противоударными свойствами. Поверхность всех оптических деталей обработана антибликовым составом. Линзы имеют многослойное просветляющее покрытие, что позволяет получать резкое, высококонтрастное изображение. Новый улучшенный опти-

ческий дизайн обеспечивает максимальный комфорт в обращении с прицелом и уменьшает утомляемость глаз.

Все оптические прицелы, кроме прицелов для пневматического оружия, заполнены азотом, что полностью исключает запотевание линз.

Утверждается также, что общая сумма поставок в страны Европы, Северной и Латинской Америки достигает 100 миллионов долларов в год. Фирма является постоянным участником оружейной выставки IWA в Нюрнберге. Перечисление марок и типоразмеров в прайс-листе очень впечатляет: два с половиной листа мелкого шрифта. Так что предстоящие «выборы» оптики легкими явно не будут.

Ну что же, общее впечатление о прицеле у меня осталось вполне благоприятное. Стоит приглядеть и себе. Радует еще и то, что в предназначении части прицелов прямо указано — для пневматического оружия. Хотя обычно на аналогичных китайских прицелах написано «для малокалиберного огнестрельного оружия», что подразумевает совсем другие нагрузки и естественно, качество. Однако новый (2006 года) фирменный каталог ZOS содержит и ряд очень приличных пневматических винтовок, оснащенных этими же прицелами, что наводит на мысль о том, что там должны понимать что к чему.

На нынешней ижевской выставке РОСТ-2006 я дополнительно имел возможность рассмотреть эти прицелы поближе и поддержать в руках. Они были представлены ижевской фирмой-импортером «Байкал-Экспо» и вызвали интерес у публики. Кстати говоря, совсем неподалеку, и, что особенно удивительно, на стенде Вологодского оптико-механического завода также были представлены прицелы из Китая, хотя и другого производителя.

Есть во всей этой истории и грустная сторона: а кто же будет защищать отечественного оружейника? Для меня это не пустые слова, сам долго работал на оружейном заводе, живу в городе оружейников, каждый день еду на работу и обратно с ними в одном троллейбусе. Если они встанут, и мне придется локти кусать. Но так уж получается, что кроме самих оружейников у нас в стране этим заняться некому. К тому же, самые красивые слова и благие намерения политиков тут не помогут. Никто кроме самого оружейника не отладит оборудование и не даст желаемое качество. Времена повального дефицита кончились, появились у нашего народа и деньги и возможности, требования покупателей растут постоянно и быстро, необходимость с этим реально считаться становится жизненно важной.

Так что, братья белорусы и вологодцы — извините, при всем уважении и сочувствии дело идет к тому, что пока рублем я буду голосовать за Китай.

Фото В. Вальнёва

С любимым ружьем в обнимку

В. ГУРОВ

Еще миллионы лет тому назад первобытный человек, сжимая в руке камень — свое оружие, мечтал швырнуть его как можно дальше и поразить птицу или зверя на большем расстоянии. Нечто подобное испытываем и мы охотники 21 века, поглядывая в небо, где на недостижимой высоте летят гуси или утки. Некоторые не выдерживают и начинают палить — «авось достанет», не задумываясь над тем, что дробь не пролетит и половины этой дистанции, забыв при этом, что возможности надежного поражения дичи из гладкоствольного ружья лежат в пределах 35—55 м. А все что «ЗА» — это уже во власти нарезного. Отсюда и идут жалобы: одних на «скверный» бой ружья, а других на «скверные» патроны.

Охотников во все времена волновали и волнуют сегодня вопросы упреждения, поражающей способности ружья, его прикладности, проверки и пристрелки, а также боеприпасы к нему и многое другое. Вот тут-то в знаниях этих вопросов у некоторой части наших охотников и обнаруживаются белые пятна. Хотелось бы, опираясь на выводы специалистов и свой скромный опыт, поделиться с читателями, как найти путь к своему ружью.

Специалисты обосновали и доказали, что ружья одного и того же калибра, даже одной модели имеют незначительные различия (в весе, длине и толщине стволов, диаметрах каналов стволов и патронников, снаряжных входах, дульных сужениях и устройствах), которые не позволяют при одних и тех же навесках пороха и дроби получить одинаковые результаты при стрельбе. Поэтому на страницах охотничьих изданий периодически возникают разговоры о «скверном» бое ружей одной модели и одинаковых калибров. В подтверждение этих слов приведу два диаметрально противоположных высказывания. В журнале «Охота и рыбалка 21 век» № 3 за 2004 г. В. Христюк в статье «Путь к ружью» пишет, что он купил «... в магазине новенькое, архаично популярное в то время ИЖ-58. Купил. — И... снова пух, кровь, сплошные подранки... Моя ижевка пробивала зайца насквозь тремя-четырьмя дробинами, случалось, крошила кости. А зверек успешно продолжал свой спасительный бег. Все падающие в воду утки куда-то бесследно исчезали». Да, такому ружью не возрадуешься.

Но вот держу в руках журнал «Охота и охотничье хозяйство» № 2 также за 2004 г. со статьей А. Комкина «Мое любимое ИЖ-58». Его впечатления об этом ружье многим могут показаться интересными и поучительными. Он пишет: «Однажды, после утряски, мы стояли на берегу, обменивались впечатлениями,

подъехал местный охотник, ... в это время из камыша выплыли две лысухи, я говорю, — Петр Яковлевич, стреляйте, вы сегодня без трофеев, — а он отвечает, — до них будет 50—60 м, кто на такую дистанцию стреляет? Я молча заряжаю троечкой, два выстрела, и обе лысухи лежат вверх брюшками. Туркмен, как был в туфлях, в одежде, бросился доставать лысух. Достал и сразу ко мне, продайте ружье... С тех пор я успешно охотился с ним на уток в Туркмении, на зайцев в ГДР, на гусей и уток на Волге и в Казахстане, на зайцев и уток в Белоруссии. И сейчас успешно охочусь в Курганской области». Но, как подметил А. Комкин, ружье «Очень капризное на заряды, при малейшей небрежности при снаряжении патронов сразу снижается результативность стрельбы».

Что можно сказать по поводу двух этих мнений? На мой взгляд, оба автора волно или невольно подтвердили вывод С. Т. Аксакова, сделанный им еще в первой половине XIX века: «... каждое ружье имеет свой собственный, особенный заряд, которым бьет лучше, чем зарядом несколько поменьше или побольше». И только сам охотник может опытным путем проверки боя и пристрелки ружья подобрать наиболее оптимальные навески пороха и дроби.

В охотничьей среде бытует расхожее мнение, что хорошим боем обладают только ружья с очень длинными стволами. Длинные стволы были целесообразны во времена широкого применения дымного пороха, который не успевал полностью сгорать в коротких стволах. Как предупреждение нам охотникам 21 века звучат слова известного специалиста А. Ивашенцова, сказанные им в конце 19-го столетия: «Категорическое признание превосходства за длинными стволами не оправдывается однако на практике...»

Мы живем в эпоху бездымного пороха. Одна из его характерных черт — это высокая скорость горения при выстреле. Поэтому делать ружья с более длинными стволами не имеет смысла. Например, увеличение длины ствола с 700 мм до 750 мм дает прирост начальной скорости снаряда всего на 3 м/сек. А такое увеличение начальной скорости можно добиться и за счет снаряжения патрона.

На основе научных расчетов и многочисленных стрельб, производителям оружия удалось определить оптимальную длину стволов для ружей разных калибров и назначения, а также навески пороховых зарядов и снарядов. Сегодня в мире большинство заводов и компаний выпускают двустволки для охоты со стволами длиной: 20-го калибра — 660—700 мм, 16-го и 12-го калиб-

ров — 710—730 мм; двуствольные ружья для стрельбы в упражнениях: «скит» — 660—675 мм (некоторые специалисты допускают и до 710 мм), «трап» и «спортинг» — 750—760 мм; гладкоствольные самозарядные ружья — 600—760 мм.

В наше время некоторые зарубежные компании очень чувствительны к запросам охотников. Если есть спрос, то будут вам и предложение. И выпускают ружья со стволами несколько длиннее вышеуказанных размеров. Например, газоотводное ружье «Германика» (Гамбург) с длиной ствола 900 мм, а в США производят ружье с подвижным цевьем длина ствола 1000 мм, вес 3,7 кг. Оба ружья 12-го калибра и под патрон «магнум».

В наш просвещенный век «всяк мнит себя» крупным специалистом, например, в области медицины, образования и управления государством. Ну, а в изготовлении гладкоствольного и нарезного оружия и говорить не приходится. На страницах охотничьих изданий «доморощенные» левши и кулибины делятся опытом как они, чтобы повысить кучность и резкость боя своей «ижевки» или «тулки», рассверлили патронники и дульные сужения. Хочется по-доброму предупредить охотников, пытающихся улучшить бой своих ружей за счет «усовершенствования» стволов. Может быть кому-то и удавалось путем таких «усовершенствований» добиться улучшения боя своих ружей. Но это как раз не правило, а скорее исключение из него. Такие «усовершенствования» далеко небезопасны для здоровья и жизни самого охотника и тех, кто окажется с ним рядом в момент выстрела. В охотничьих изданиях и справочниках по оружию специалисты рассказывают о сложной конструкции гладкого ствола. И, прежде всего, о его внутренней и внешней геометрии и ее влиянии на выстрел. Ученые и инженеры-конструкторы давно пришли к выводу, что на бой ружья существенно влияют масса ствола и толщина стенок на различных его участках. Так как в каждой точке этих участков будет и различна величина давления пороховых газов. На основании кривой давления пороховых газов и строится оптимальный наружный профиль ствола.

Все ружья выделяются согласно ГОСТу и техническим условиям, которые допускают незначительные отклонения в диаметрах и длине патронников, каналов стволов, величины снаряжного входа и его угла, формах перехода канала ствола (конусная или параболическая) в дульное устройство.

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать вывод — ружья одной модели и одного калибра будут все-таки давать разные результаты боя при

одних и тех же навесках пороха и дроби. И охотнику, приобретая ружье, к этому надо быть готовым.

Охотник, купив ружье, первым делом начинает «проверять» кучность и резкость боя патронами, принесенными из магазина. Хотя это и не совсем верный путь. Как писал Л.П. Сабанеев: «Не следует смешивать понятие о пробе ружья с понятием о пристреливании». Опираясь на знания, почерпнутые из трудов специалистов, а также на свой многолетний опыт, у меня сложился определенный подход к купленному ружью. Первым делом изучить его, а уж затем учинить ему проверку боя и пристрелять. Проверкой боя устанавливается степень совпадения центра дробовой осыпи с точкой прицеливания. Думаю, что нет необходимости писать, что стрельба ведется лежа или сидя с упора на дистанцию 35 м. Отклонение центра дробовой осыпи от точки прицеливания не должно быть больше: вверх — 150 мм, вниз — 50, вправо или влево — 75 мм. После проверки боя выясняется постоянство боя ружья — это однообразие стрельбы от выстрела к выстрелу. Постоянство боя оценивается: превосходное — если разница в бое меньше 10%, очень хорошее — 15%, хорошее — 20%, удовлетворительное — 25%. Оценка, как советуют специалисты, проводится сериями в 10 выстрелов. Проверку боя и выяснение постоянства боя ружья проводить целесообразнее заводскими патронами. Так как их потребуется значительное количество. Все данные необходимо записывать в тетрадь. На эту работу не следует жалеть времени, сил и средств.

После проверки боя ружья и его постоянства, можно приступать к пристрелке. Пристрелкой охотник добивается не максимальной (к чему многие стремятся), а необходимой кучности и резкости боя, которые потребуются на конкретных охотах. Все затраты с лихвой окупятся красивыми и удачными выстрелами на охоте и между охотником и ружьем возникнет доверие и любовь на долгие годы.

Современные охотники, в большей массе своей, стреляют заводскими патронами, которые имеют усредненные показатели и по этой причине порой не удаются хорошие результаты стрельбы. Мудро поступают те охотники, которые самостоятельно снаряжают патроны

для своего ружья. Да и зачем тогда проводилась проверка и пристрелка? При самостоятельном снаряжении патронов следует обращать внимание на качество применяемых комплектующих (гильза, капсюль, порох, прокладки, пыжи, дробь) и тогда ружье даст только ту кучность и резкость боя для которой оно было изготовлено.

Кому из нас, приобретая ружье, не хотелось чтобы оно обладало кучным и резким боем. Но, к сожалению, ожидания не всегда оправдываются. Охотник, перепробовав всевозможные, на его взгляд, варианты снаряжения патронов разочаровывается в своем приобретении и теряет веру в него. А потеря веры — это конец надеждам на успешные охоты с данным ружьем и охотник начинает подумывать как от него избавиться. Не спешите. Ведь при первой встрече вы понравились друг другу. Посоветуйтесь с более опытным товарищем. Поищите вместе тот заряд и снаряд, которыми ружье будет бить превосходно. Если все попытки вновь окажутся тщетными (откровенный брак), тогда в комиссионку.

Некоторые охотники при первых неудачах избавляются от такого ружья (претензии в основном к нашим ружьям) и обращают свои взоры на импортное оружие. Хотелось бы предостеречь, что не исключена возможность на импортном ружье встретить ствол, изготовленный в Ижевске. К сведению. Одна известная итальянская компания еще на выставке «РОСТ-2003» в Ижевске планировала закупить стволы охотничьих ружей и начать сборку оружия в Италии. По мнению итальянцев, ружье с российскими стволами, собранное в Италии, будет значительно в большей мере удовлетворять эстетические потребности европейцев. Сегодня можно не сомневаться в том, что такие оружейные заводы как ИЖМЕХ и ТОЗ изготавливают гладкие стволы высокого качества. Их отличают хорошая кучность и резкость боя.

За свою долгую охотничью жизнь я перенял не один десяток разных ружей, но самые теплые воспоминания вызывают мои любимые ружья, такие как ИЖ-54, ИЖ-12, ИЖ-27 и особенно МЦ-21-12, с которыми в обнимку прошагал сотни километров по своей охотничьей тропе. Следует иметь в виду — искать универсальное ружье, которое

бы удовлетворяло на любых охотах, не имеет смысла. Такого ружья просто нет в природе. Это от великой бедности наши отцы и деды всю жизнь довольствовались одним ружьем и еще умудрялись передавать его подрастающему поколению.

Разговор хочу закончить словами признанного авторитета прошлых лет в области теории и практики дробового выстрела А. Зернова: «Приступая к стрельбе на охоте надо прежде всего запомнить, что стрелять дробью и картечью дальше 70 шагов честный, добросовестный охотник не должен. Начинаящий же охотник не должен стрелять дальше 50-60 шагов.

За этим предельным расстоянием дело зависит не от искусства стрелка и не от боя ружья, а от случая. Убить дичь случайно можно и на сто и на полтора-ста шагов, т.к. крупная дробина и на таких расстояниях способна еще пробить череп или перебить крыло. Но кучность боя уже так мала, ошибки в прицеле даже хорошего стрелка так велики, что на каждую убитую дальше 70 шагов дичь придется много искалеченных подранков, которые охотнику не достанутся и зря в мучениях пропадут... Поэтому начинающий охотник никогда не должен соблазняться рассказами об эффективных далеких выстрелах. Выстрелы эти не эффективные, а постыдные».

Читатели меня могут упрекнуть, мол, вот надергал цитаты из высказываний людей хота и уважаемых, но живших в других столетиях. Сегодня новые технологии, материалы... Может это и так. Но в этих высказываниях такая истина, что она не подвластна времени. Все мы когда-то учили в школе теорему Пифагора о том, что «Сумма квадратов катетов в прямоугольном треугольнике равна квадрату...» и еще ни кому не удалось ее опровергнуть.

Я специально процитировал уважаемых специалистов, в надежде уберечь охотников от огульного охаивания отечественных ружей и увлечения стрельбой не в меру. Меньше слушать безапелляционные утверждения «доморощенных» знатоков, а больше доверять специалистам и своему опыту, хотя иногда и горькому. У каждого охотника свой тернистый путь к ружью. И если вы нашли друг друга, тогда многие годы прошагаете по охотничьим тропам в обнимку.

**Дорогие читатели, друзья
журнала «Охота и охотничье хозяйство»
подписка на 2008 год продолжается!**

**Наш подписной индекс 70673 по каталогу Роспечати
— для Москвы — страница 426; для России — страница 355**

С. КУЧЕРЕНКО

Настоящий охотник

С Валентином Николаевичем Шмидтом — одним из тех, кто жизнь без тайги и охоты не представлял, — я случайно познакомился без малого сорок лет назад, и с тех пор мы встречались регулярно. Бывал я с ним и на промысле, и на институтских полевых работах, в походах за грибами и ягодами... Пуд соли вместе верняком съели.

А не так давно он умер. Был человек — и не стало. Похоронили его — и начали постепенно забывать. А мне так хочется, чтобы его помнили долго, до переселения собственных душ в мир иной.

Это был человек с чистой душой и во многом не от мира сего. Крепкий природный ум и образованность, внешняя и внутренняя красота, доброта и порядочность, бескорыстность во всем и щедрость. Не было в нем ни самоуверенности, ни зазнайства, ни злобности и ненависти. Он являл собою самую простоту и скромность.

В один из моих давних выездов на зимние полевые работы в затаеженные отроги Малого Хингана по счастью мне оформить проводником Валентина Николаевича, отлично знавшего те места. Познакомил он меня с ними, наместили мы маршруты для изучения угодий и таксационных исследований, поэкспурировали несколько дней вместе, потом же ради увеличения вдвое производительности труда решили ходить порознь, встречаясь на базе через два дня на третий.

И вот иду однажды к базовой избушке, где обосновался мой проводник, подхожу по извилистой тропе, натоптанной сохатыми, изюбрями и прочим таежным зверьем, и за последним ее кривуном в тихо и морозно синее сумерках неожиданно увидел странное: почти у самых дверей жилища стоит изюбриха, а в оконце выглядывает, счастливо улыбаясь, мой напарник. И оба глядят на меня: зверь — настороженно вытянув шею, человек — возбужденно, склонив голову к плечу.

Я обомлел и замер. И в самом деле: для наших полудиких краев с буйно процветающим браконьерством такое — чтобы изюбр переносил совсем близкое присутствие человека — почти фантастично. К тому же хорошо знали и другое: уезжали мы на два месяца в тайгу без мясных продуктов, намереваясь добыть крупного зверя. Однако это нам никак не удавалось, и две недели уже жили мы на весьма постных харчах, не-

уклонно растрачивая силы и заметно легчая... А тут мой друг спокойно взирает на добрый центнер великолепной дичины.

Он легонько открыл дверь, изюбриха несколькими махами отскочила к стене ельника и опять замерла... Удивлению моему не было границ.

Несколько минут я осторожно одолевал каких-нибудь полсотни метров до зимовья, и вот слушаю Валентина Николаевича:

— Вчера утром прибежала... Была вконец загнанной... Целый день лежала, ночью поднялась, но не ушла... Зайдем-ка в избу.

Зашли. Разделись. Лампу зажгли. Вижу, друг мой волнуется: без нужды переставляет посуду, заглянул в исправно «работающую» печку, перевесил куртку с одного гвоздя на другой. Я не вытерпел:

— Да рассказывай же, Валентин Николаевич! Не томи душу!

И вот что он мне поведал:

— Стало рассветать, сижу это я у лампы, прохуdivшиеся олочи ремонтирую. Вдруг слышу, зашумело снаружи, заскрипело. Вскликаю — и к окну. А сразу за ним эта изюбриха. Дышит тяжело и запарено, морда в куржаке, бока завалились, ноги трясутся и подламываются... Глянула на меня сквозь стекло и тут же завернула голову на речку, наострив туда уши. Слово не человек для нее главный враг, а кто-то другой... На льду же виднеется стая волков. Сдернул я ружье со стенки, саданул картечью и пулей — и туда! Тех в мгновение дух простыл, однако один пошел с кровью... А прежде чем пойти по кровавому следу, поглядел я на избушку — изюбриха стоит все в том же месте и в той же позе. То на меня посмотрит, то на речку. А стрельнул ведь, почитай, у ее ушей...

И снова разволновался мой рассказчик, да пуце прежнего. Даже голос задрожал, а ведь на медведя хаживал в одиночку! Сходил он за дровами, потом вознамерился принести воды с проруби. Но я отнял у него ведро и коротко повелел:

— После того как доскажешь.

И он досказал:

— Выскочил-то я в одном свитере, замерзат стал. Надо было по волчьим следам пробежаться дальше, но я, одевшись, глаз не могу отлепить от госты. Она уже легла, потому что загнана была волками до крайности. На меня смотрит настороженно, однако и покорно. Вроде бы разгадать мои намерения хочет и пощаду вымолить. Но нет-нет и на речку глаза нацелит. Попрядает ушами и обронит их. А потом в окончателем изнеможении стала ронять и голо-

ву... Вынес ей хлеба — не берет, нарвал сухого разнотравья — ноль внимания. Думаю, остынет на заледевшем снеге дворика и вовсе занеможет, принес ворох елового лапника и разложил рядом... И простоял я весь вчерашний день возле нее. Кумекаю, отлучись куда — волки явятся, а мой уход они засекут запросто, наверняка где-то недалеко лежат и прислушиваются. А придут — останется здесь лишь красная поляна да кости... Но к вечеру она кое в какую силу вернулась. Поднялась, потопталась, отошла к берегу речки... А вот дальше не идет! Постоял и я до темноты. Развел большой костер из сырых чурок, чтоб дымил пуце и дольше, и в печку трухлявых поленьев напихал для дыма же. И решил, что теперь серые не подойдут. Однако ночью напролет выходял с фонариком, почитай через каждые полчаса выглядывал да прислушивался. А утром сегодня вижу — кормится моя гостья недалеко от избушки. Меня к себе подпустила на десяток метров... Тебя слышала да-але-ко, насто-рожилась и подошла к дверям избушки. Вот и решай, какого страху натерпелся зверь, когда смерть навалилась по всем статьям неминуемо...

За ужином я сдуру, хотя и осторожно, спросил:

— А что, Валентин Николаевич, не являлось ли у тебя, грешным делом, желание без труда обзавестись горой так нужного нам мяса?

Он не без возмущения оборвал меня:

— Перестань! И как твой язык поворачивается говорить этакое... Да я потерял бы к себе всякое уважение на всю жизнь.

Я извинился.

Следующим утром мы увидели, что ночью более-менее спокойно кормившаяся изюбриха удалялась от нашей избушки до сотни метров, хотя подолгу прислушивалась, приноживалась, осматривалась. Валентин Николаевич тропил волчьи следы и выяснил, что раненого собрата стая съела, уцелевшие же хищники ушли за перевал.

Но и потом «наша» изюбриха далее километра от избы не отходила и еще несколько раз прибегала к окну. Мы ее видели много раз и подолгу глядели друг на друга. И каждый, как мне казалось, думал: «Равноправие и доверие между нами вполне возможно, однако главное в этом за человеком».

Прошло несколько лет. Однажды, вернувшись из тайги, Валентин Николаевич поведал мне другую, в чем-то схожую историю:

— Иду я по своему путику в ельнике и вдруг вижу — соболь замелькал по снегу между деревьев. Недалеко от ловуш-

ки, а от меня метрах в сорока, вполне можно было посадить на ружейную мушку. Однако он так искрился темной шубкой с оранжевым «передничком», так энергично и красиво мышковал, что залюбовался я им. Присел, спрятался за елочки, снял потихоньку панягу... И едва ли не до слез пожалел, что на этот раз, по закону подлости, не оказалось в моих руках фотоаппарата с телевизором... Много лет пришлось мне соболевать, а чтобы вот так, почти в упор, видеть живого зверька, не подозревающего опасности, до тех минут не приходилось. Живой-то он во сто раз великолепнее! Только на живом и увидишь, как он гибок, ловок и красив. Голова посажена гордо и независимо и как-то уж очень изящно, симпатичная мордашка с угольками глаз и носика выразительна, мех на нем пышный и шелковистый, так и переливается да дышит от движения тела и ветерка, что забродил в те минуты между деревьев будто специально для того, чтобы продемонстрировать прелесть самого красивого меха в мире на самом изящном живом существе... Прости, что говорю вычурно, не хотел бы так, да вот получается само собою, и дай досказать в этом же духе... Да... Век буду помнить... Глаза того соболя зыркают то с дальним вниманием, то с ближним. Чудо из чудес!.. Но дальше... Сначала мышковал он. Ну что лиса или лайка — привстанет столбиком, подожмет передние ножки к груди и глядит в снег, слушает, нюхает. А пушистый хвост вдоль снега вытянут и в напряжении вздрагивает. И вдруг прыгнет, зареется в снег и замрет, разбираясь, почему промазал и куда убежал харч... Но может, не убежал и затаился совсем рядышком в сковавшем страхе... А то пройдет со вниманием этак тихонечко, мелкими шажочками и снова застынет столбиком... Такую красоту увидеть — десятка соболевых шкурок не надо... Около корча зачуял он, должно быть, а то и узрел пищу. И заметался вокруг! Заметался то быстро — то с замираниями. А позы менялись, как в хороших «мультиках»: то напряжинутся на всех четырех в готовности к прыжку, то подпрыгнет и повиснет, зацепившись одной лишь лапкой за сучок или ветку, то в снег занырнет и вдруг перевернется с одной стороны выворотня на другую. А мордашка то сосредоточенная, то любопытствующая, и вот почти безразличная. Ну что тебе маленький принц тайги!

Я, как охотник более прагматичный, пожелал уточнения событий:

— А ружье твое, Валентин Николаевич, где было в те минуты?

Он обиделся за этот дурацкий вопрос:

— Я о нем и не подумал. А поддался бы тогда соблазну да стрельнул — сам себе стал бы противен... Верь — не верь, а я молил, не зная кого, чтоб не полез он ненароком в ловушку, что рядом была настрожена...

После этих двух былей я много раз и подолгу размышлял. Нередко приходится слышать: охотнику абы пошатать-

ся с ружьишкой, популять, выпить да затыжно наговориться... Как же люди бывают несправедливы в своих оценках! Иной раз, обозлившись, хочется отпарировать: «Каждый мыслит в меру своей испорченности». А потом, успокоившись, сказать: «Так-то оно отчасти, должно быть, и так, всякие встречаются в любой людской среде. Но не знаете вы настоящих охотников! Возьмите вот тех, которые охотой живут, промышленя. Хотя бы незабвенного Валентина Николаевича Шмидта. Какой у них каторжный труд! Сколь сил тратится на каждодневное хождение по забуреломленной закоряженной тайге да сопкам! Опасности — на каждом шагу! Ночует такой в избушках-зимовьюшках и без малого намека на уют да комфорт. Никто его, за день вымотавшегося в дым, не встретит, не обогреет, не накормит — все сам. Ночью не столько спит, сколько бдит у печурки: не погасла бы... А если и дремлет, то одним глазом. Простыл или поранился — лечись сам, соскучился по семье — терпи, вымотался до окончательной потери сил — бери сам у себя отгул».

И не могу я не сказать вот еще что, и «со значением»: «Далеко не каждый способен стать и промысловым охотником, и приличным «любителем». Для этого надо быть сильным телом и духом, выносливым, смелым, уравновешенным, с хорошим зрением и слухом. Нужно уметь свободно ориентироваться в самой что ни на есть глухомани, отлично знать повадки зверей и птиц. Варить, стирать, строгать, пилить,

шить... И соображать: люди с низким интеллектом не бывают хорошими охотниками, потому что для этого, кроме сил и нервов, нужно еще и гибко думать, уметь сопоставлять вереницы фактов и примет, решать сложнейшие задачи со множеством неизвестных».

Охотником становится человек с врожденной к этому страстью. Лес и ружье неодолимо тянут его с детства, причем не просто для того, чтобы когонибудь подстрелить. Общение с природой, ее покой и простор, дым костра и запах хвои, дальние дали и шум ветра в кронах деревьев — всё это его волнует, всем этим он наслаждается. И разве же откажешь ему в благородстве! В мужестве! В красоте душевной! В любви ко всем творениям матушки-природы!

Разумеется, в семье не без урода, а в правилах есть исключения... Но думаю, если я, оказавшись на месте Валентина Николаевича с ружьями десять противников охоты и охотников, пять из них наверняка посадили бы на мушку и ту изюбриху, и этого соболя.

Рисунки Б. Игнатьева

Л. МЕЛЬНИКОВ

Первая охота

Подмосковный городок Волоколамск после войны был по существу большой деревней. Наш дом на самом высоком месте города. Из окна дома видны не только крайние постройки его, но и окрестности за городом, разумеется, находящиеся в секторе обзора. Рынок — как на ладони, прямо под нами. Две минуты бега с горы и ты на месте. В сущности, это площадка размером приблизительно 120x80 м, огороженная деревянным забором. С внутренней стороны рынка к забору примыкают несколько торговых павильонов, в том числе с товарами местной промышленности, в середине — торговые деревянные прилавки, где продают мясо, овощи, молоко и прочие товары личного хозяйства. В обычные дни рынок полупустой, в воскресенье же, в рыночный день, сюда приезжают селяне из окрестных деревень, и он переполнен.

Из моего окна виден живой, переливающийся за забором ковер из женских и мужских голов. За оградой рынка всегда торгуют живыми поросятами, валенками, резиновыми чулками — самоклееными калошами для валенок. Крики, смех, лузганье семечек, ржанье лошадей — обычный шумовой фон рыночного дня.

Денег у народа немного, деньги дороги. Молоко стоит два-два рубля пятьдесят копеек за литр, мясо — от двенадцати до шестнадцати рублей за килограмм. Относительно дорога водка, поэтому ее берут в разлив — четыре рубля сорок копеек за сто грамм. Зарплату у людей в городе в пределах трехсот-шестисот рублей в месяц, в зависимости от квалификации и занимаемой должности. Однако государственные цены на товары ежегодно в апреле снижаются, а зарплаты — растут. Денежная реформа 1947 года явно пошла на пользу народу.

На рынок я стремлюсь не за мясом и молоком: у нас к этому времени — своя корова и растет поросенок, есть кури и государственная лошадь для разъездов отца по бездорожному району. Меня привлекает там павильон охотничьих товаров. Я готов часами стоять и смотреть на выставленные для продажи ружья, патронши, приборы для снаряжения патронов, гильзы, дробь, капсули. Мне нравится сам запах павильона — сладкий запах ружейной смазки.

Здесь я совершил первую в своей жизни покупку (на свои личные деньги) — книгу «Охота в Подмоскovie», которую выпустило в 1947 году московское общество охотников. Стоила она немалые для меня деньги — восемнадцать рублей, которые я заработал пилкой дров у соседней. Книга содержала все основные сведения для начинающего охотника, включая законы об охоте и разделы по обращению с охотничьим оружием, которого, правда, у меня не было.

Я вообще люблю читать, но пользуясь для этого библиотекой, хотя есть собственные, случайно попавшие ко мне книги. Среди них «Жизнь животных» Брема и «Жизнь насекомых» Фабра в одинаковых зеленых прекрасных переплетах с замечательными иллюстрациями.

Впоследствии, будучи студентом, на стипендию я нередко покупал книги, и у меня скопилась небольшая библиотечка. Однако частые последующие переезды, неустроенность быта, отсутствие собственного жилья в течение долгих лет полностью растрясли этот капитал, и только одна из них, которую приобрел первой, неизвестно каким чудом сохранившаяся, как привет из далекого-далекого детства и несуществующего сейчас мира, лежит передо мной.

Сколько раз я ее открывал? Судя по растрепанности книги — не менее ста раз: в чужих руках она не была. Книга ли явилась толчком к появлению и развитию у меня охотничьей страсти? Скорее всего, нет. Сейчас, после того, как я более сорока лет отдал свободное время любимому делу, я могу сформулировать, что охота — это средство удовлетворения врожденной жизненной потребности частого общения с природой, а врожденная страсть нашла бы все равно и другие способы проявиться, возможно, только позднее.

Егор Иванович, работник этого ларька, по существу, продавец охотничьего товара, являлся секретарем местного охотничьего общества. Меня он заметил давно и в последнее время пытается подшутить надо мной: «Ну, что, охотник, шестнадцать не исполнилось?» Такой же вопрос он задавал мне и неделю, и две, и три назад, прекрасно зная, что мне тринадцать лет, четырнадцать

исполнится только осенью. А шутовская ядовитость этого вопроса заключалась в том, что, согласно существующему законодательству, охотничий билет можно было получить только при достижении шестнадцатилетнего возраста, а без охотничьего билета мне никто не продаст охотничье ружье, боеприпасы и прочее снаряжение. Ждать более двух лет — целую вечность!

У меня в голове уже созрел план хождения на охоту с боевым пистолетом. В наших местах у мальчишек послевоенных лет подобное оружие, хранимое незаконно, конечно, имелось у многих. У меня было два пистолета: один — «Вальтер» с тремя патронами в обойме (остальные расстрелял при опробовании), другой — маленького размера браунинг бельгийского производства, был, правда, неисправен.

Самая невооруженная часть населения были милиционеры — они ходили с пустой кобурой, в лучшем случае туда была засунута пачка сигарет. Бандитизма и убийств с применением оружия в наших местах тогда не было.

Слава Богу, что этот глупый план остался нереализованным, а вопрос разрешился сам собой, не без помощи, правда, Егора Ивановича.

— Слушай, — сказал он мне как-то во время моего как бы нечаянного визита, — есть мысль. Ты же ловишь кротов? Ловишь. Значит, охотишься тоже. Исполнится четырнадцать лет — приходи, я тебе выпишу билет члена Московского областного общества охотников. Хотя это не охотничий билет, а по существу одно и то же. Впрочем, лучше приходи с деньгами, сразу же и ружьишко подберем.

Легко сказать «с деньгами». Мы жили на зарплату отца, лишних денег не было, а мне нужно было накопить, заработать не менее четырехсот рублей — половину месячного отцовского заработка. На кротах и на расшибалке столько не добудешь. Плодотворную идею, как заработать деньги, подсказал кто-то из друзей — развести кроликов.

Понятно, что разведение кроликов для меня не было большой заботой, и через полгода, в начале февраля я отнес двенадцать полугодовальных зверьков живыми в «Заготживсырь», где мне заплатили за них сумму, необходимую для покупки ружья и боеприпасов.

На улице был мороз градусов под двадцать. Взволнованный предстоящим событием я побежал на рынок в охотничий ларек. От радостного возбуждения мне было жарко, я вспотел, расстегнул курточку и снял шапку, сунув ее за пазуху. Шарфов я тогда еще не знал. Распаренный, без шапки, с голый грудью я ввалился в магазинчик. Егор Иванович сидел, укутанный в два тулупа, в валенках, в шапке с завязанными ушами, руки — в больших, по локоть рукавицах. Было видно, что ему смертельно холодно. Магазинчик не имел печки по правилам, видимо, техники безопасности, а другого отопления в городе тогда не было.

«Чего это он, — ошарашенно подумал я, — ведь на улице вроде бы тепло?» Егор Иванович сразу понял, за чем и с чем я пришел, молча выпростал из рукавиц замерзшие руки, взял пустой бланк билета. С наклейкой фотографии и печатью он справился быстро, однако написание фамилии и других анкетных данных потребовало большого времени и усилий — не слушались замерзшие пальцы. Он и дул на них, и совал в теплое место под тулуп, и разминал, а когда, казалось, они пришли в порядок и, нацелившись, он решительно опустил перо на бумагу, оказывалось, что замерзли чернила на ручке. В результате я получил билет с написанными в разбежку, похожими на иероглифы буква-

ми с моей фамилией, именем, годом рождения. Данные ружья и боеприпасы были записаны карандашом. Но все это для меня не имело никакого значения. Главное было сделано: я стал легально обладателем двуствольного ружья 16-го калибра, самого, правда, дешевого, марки БМ, тульской работы, с березовой ложей.

Не могу с восхищением отозваться о его рабочих качествах: мне с ним не очень везло, возможно, по моей вине, но не могу умолчать о существенном достоинстве этой марки ружья — оно было очень прочно, надежно, как сейчас говорят, защищено «от дурака». Оно не разорвалось, когда я по ошибке засыпал в патрон двойной заряд пороха и выстрелил. Когда я однажды стрелял, опять по неосторожности, с забитыми снегом стволами, у ружья только немножко раздуло правый ствол.

Впоследствии, к тридцати годам, я приобрел себе прекрасное отечественное ружье 12-го калибра, ИЖ-26, по своим рабочим качествам не уступающее, на мой взгляд, лучшим европейским маркам. С ним я провел свои лучшие охоты.

Одновременно с ружьем я стал обладателем пачки черного дымного пороха «Медведь», полсотни латунных гильз, тысячи штук капсулей к ним и дроби разного размера. Вечером того же дня, сидя у раскрытой дверцы топящейся печки, я заколачивал молотком оранжевые, похожие на таблетки капсули в гнезда блестящих, новеньких гильз...

Стоит ли говорить, как я ждал наступления весны и открытия охоты. Ружье не давало мне покоя. Каждый день я снимал его со стены, любовался им, вскидывал, как бы оценивая его прикладистость, ловил на мушку воображаемую цель.

Ах, как необходим подростку в это время умный, опытный взрослый наставник. От скольких ошибок он мог бы удержать, сколько сократил бы времени на пути к разумной, грамотной охоте. У скольких юношей жизнь вообще пошла бы иным, более плодотворным путем, встретить они в этот период взрослого разумного и бескорыстного наставника.

В моем окружении, включая отца, охотников не было, и мне невольно пришлось рассчитывать в этом деле только на себя. Возможно, поэтому я в своей охотничьей жизни не был слишком добычлив.

Весна в том году выдалась ранняя. К двадцатым числам марта уже вытаяли открытые пространства, и городишко стоял, окруженный бесчисленными наполнившимися талой водой сверкающими на весеннем солнце болотцами и низинами.

К этому времени я изучил имеющуюся в библиотеке охотничью литературу, включая художественную, где есть описания охот, например, А. Куприна, Л. Толстого, а строчки А.К. Толстого «На тяге» выучил наизусть:

*Внезапно легкий свист
Послышался; за ним отчетливо и*

*внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался
троекратно,
И вальдшнеп протянул вне выстрела.*

*Другой
Летит из-за леса, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся...*

Говорят, что ожидание хорошего само по себе приятно, нередко лучше самого факта. В моем случае это наблюдение бывалых людей оказалось неприменимым. Хотя охоту открыли на неделю раньше обычного — второго апреля, время ожидания тянулось медленно и показалось необыкновенно долгим. Под вечер указанного дня я вывел из сарая верного спутника моего детства — трофейный велосипед «Опель», сложными путями попавший мне в первый год войны и поехал по асфальтовому шоссе Волоколамск — Москва по направлению к поселку Чисмена. Там мы жили до войны и первые годы после войны, там я впервые, хотя мне не было тогда еще и десяти лет, начал в одиночку ходить за грибами. В общем, заодно решил навестить старые знакомые места. В кармане у меня лежал охотничий билет, через плечо — двустволка, на поясе — кирзовый на двадцать четыре патрона поясной «бурский» патронташ, полностью набитый патронами с дробью 6 и 7 номеров.

Заранее я наметил место будущей своей первой охоты. Это была почти прямоугольная вырубка, примыкавшая одной стороной к шоссе, другой — к небольшому ручейку, скрывавшемуся в высокому хвойному лесу, окаймляющему остальную часть вырубки. Проездом я был на этом месте с отцом один раз четыре года назад, когда мы переезжали из Чисмена в город на постоянное место жительства с частью семейного скарба, включая привязанную к телеге корову по кличке Тамарка, которая своими

мелкими шагами устанавливала малую скорость нашего продвижения.

В районе этой вырубki работал большой, человек около двухсот, отряд из военнопленных, в основном немцев. Они строили, точнее, ремонтировали, старое шоссе Москва — Рига. Была тогда середина лета, солнце пекло со всей своей июльской щедростью. Я понял, что вырубка леса была произведена этими же людьми, а бревна потребовались для строительства дороги или на жилье. С десятков пленных лениво ковырялись на полотне дороги, еще примерно столько же что-то делали в глубине леса. Остальные пленные (большинство), по пояс голые, лежали под кустами, в тенечке и негромко переговаривались между собой. Их мощные, со светлой даже розовой кожей тела составляли резкий контраст с худощавыми фигурами двух охранников с автоматами, сидевших на большом валуне при дороге. Один из охранников оказался каким-то образом знакомым моего отца, и мы на несколько минут приостановили наше движение к городу. Завязался разговор.

— А что, Иван, — спросил отец, — не маловато ли вас двоих для охраны этих молодцов. Не разбегутся ли они у вас?

Такой же вопрос, впрочем, сразу же возник и у меня.

— Какой смысл им бежать? Их скоро отпустят по домам, — Иван отшвырнул сапогом камешек и, сильно окая, продолжил, — питаются они лучше, чем мои родные на Ветлуге. Они мне недавно знают, что сказали. Что если у СССР с Америкой начнется заварушка, то шоссе придется достраивать уже не немцам, а пленным американцам.

Все рассмеялись. Второй охранник встал и вразвалку пошел вдоль полотна дороги.

Глядя на расположившихся в тени немцев, на выражение их лиц, позы, поведение, сразу было видно, что это чужие, не наши люди. Однако ненависти или злобы к ним не испытывали ни я, ни отец, ни, по-видимому, охранники. Даже странно как-то. Ведь война, хотя и кончилась три года назад, настолько глубоко пропахала и изувечила судьбы русских людей, что еще фактически жила в каждом из нас. В наших местах не было семьи, где на войне не погибли бы родственники. Были семьи, где погибли все мужчины. Эти несчастные люди и сейчас еще еле-еле сводили концы с концами: и питались, и одевались они хуже других.

— А что, пап, американцы действительно могут напасть на нас? — спросил я, когда мы отехали от рабочего лагеря военнопленных. Отец отрицательно покачал головой.

— Не посмеют. Испугаются. Ведь у них половина населения — негры, латиноамериканцы, а эти люди — за нас.

То, что черное население агрессивной Америки «за нас», меня успокоило. Впрочем, так ли уж сильно ошибался тогда отец, неизвестно, но что идеи социализма были в то время необычайно популярны в мире, конечно, среди про-

стого трудового народа, — это факт...

Двенадцать километров по асфальту для человека, едущего на свою первую охоту — не расстояние. Вот и валун, валяющийся в кювете, на котором когда-то любил сидеть солдат внутренней службы, костромич Иван.

Первая неприятная для меня неожиданность бросилась в глаза сразу: вырубка, на которой я собирался охотиться, была еще заполнена сохранившимся снегом, который почернел, уплотнился и осел, превратившись в рыхлую сероватую массу. Оставив велосипед под ближайшей елью, сторожем стоявшей у дороги, я прошел в противоположный угол вырубki, где обнаружил пару небольших куртинок, на которых снег сошел полностью, обнажив коричневую прошлогоднюю траву. Усевшись на подвернувшийся тут же еловый пенек, удовлетворенно огляделся. Я находился почти на границе высокоствольного елового леса и только начавшей зарастать чернолесьем вырубki. С трех сторон видимость и, следовательно, зона обстрела была великолепной, и только со стороны нетронутого леса в этом отношении могли возникнуть трудности.

Погода, если судить по прочитанной литературе, для вальдшнепиной тяги была идеальной. Полное отсутствие ветра, тепло. Воздух насыщен нежными влажными испарениями проснувшихся деревьев и кустов. Рыхлые облака на низком сером небе готовы вот-вот заплакать мельчайшим теплым дождем. Хор птичьих голосов пока жидковат: многие птицы еще не прилетели. По существу, слышу только дрозда.

Уже через полчаса ожидания обнаружилась вторая неприятная неожиданность: на тягу, оказывается, надо одеваться теплее. Сначала начали замерзать ноги, хотя в резиновые сапоги я всегда вкладывал толстые войлочные стельки, потом озноб начал ощущаться во всем теле.

Вот и умолк последний дрозд, сумерки начали сгущаться, а вальдшнепы что-то не летят. Солнце, закрытое облаками и стеной старого леса со стороны запада, уже закатилось полностью. Хотя мушка на фоне темно-серого, быстро синеющего неба еще просматривалась, чувствовалось, что через пятнадцать-двадцать минут наступит полная темнота.

«Ну что ж, видно, сегодня тяги не будет или здесь вообще ее не бывает», — подумал я, вставая с пенка с намерением пройти к велосипеду и отправиться в обратный путь. Именно в этот момент со стороны леса раздалась громкая, отчетливая непонятная звуки из одних согласных «хрр, хрр» и птица размером с галку, размахивая крыльями, не спеша проплыла над моей головой.

«Что за птица, ночная какая-то, наверное?», — озадаченно подумал я, поворачиваясь за ней и провожая ее взглядом, но тут же в мозгу молнией мелькнула догадка: это же вальдшнеп, которого я так давно жду, это же началась тяга, о которой так много читал и мечтал всю зиму. А я, ротозей, даже не выстрелил! Огорчению моему не было предела. Однако тут же, по тому же неудобному для меня маршруту с тем же хорканьем, вышел второй вальдшнеп. Я стрелял по нему сначала из правого,

потом из левого ствола, но птица не изменила характер своего полета и ушла невредимой.

Я стоял совершенно раздавленный и убитый, опустив ружье, и переживал страшную для себя трагедию, когда вдруг увидел, как слева, со стороны ручья на меня летит, цвиркая и хоркая, третий. Я вскинул ружье и тут же понял, что не успел перезарядить патроны. Пока я судорожно выбрасывал и вставлял новые, вальдшнеп, подобно первому, ушел без выстрела.

Но ждать мне пришлось недолго. Со стороны дороги, на очень малой высоте неторопливо летела с хорканьем птица, я срезал ее двумя выстрелами, когда она, подлетая к старому лесу, пыталась набрать высоту. Второй выстрел был лишний. Она упала на снег, а я, меняя на ходу патроны, подбежал, поднял и, не глядя, засунул ее в карман куртки. Это была моя первая в жизни дичь, добытая с помощью ружья.

После этого я сделал два промаха подряд, стрелял, уже плохо соображая, по далеко идущим вальдшнепам. И тут же, едва я успел перезарядить ружье, сценарий первой добытой птицы повторился. Опять со стороны дороги, пытаюсь набрать высоту, прямо надо мной прошел вальдшнеп. Я стрелял, он, часто-часто замахав крыльями, по дуге начал падать в хвойный лес. Заметив место его падения, зарядив ружье, я бегом побежал на поиски подбитой птицы. В лесу было совсем темно, я рассчитывал только на то, что смогу найти темную птицу на фоне светлого снега. Я хватал темные гнилушки, которые принимал за тушку, куски хвои, но поиски не прекращал.

А тяга продолжалась. Несколько раз, услышав характерные, на всю жизнь теперь запомнившиеся звуки тянущего вальдшнепа, я выскакивал из леса и стрелял по удаляющейся, едва различимой птице, разумеется, безрезультатно. Дважды или трижды я стрелял прямо в просвет между елками, туда, где, как мне казалось, промелькнул силуэт вальдшнепа. Это безумие кончилось, когда обнаружил, что все патроны кончились. Подбитую птицу найти также не удалось.

Я сел на пенек, мне уже не было холодно. Надо мной продолжали водить свои брачные хороводы совсем уже невидимые вальдшнепы. Все усиливающиеся звуки хорканья приближающейся невидимой птицы были настолько ощутимы, что я иногда, на всякий случай, закрывал лицо рукой, боясь столкновения с ней.

Я вынул из кармана еще теплого петушка и начал рассматривать его. Золотистые, в черную крапинку перья, хвост как бы перепоясан белой тесемкой, длинный, будто заточенный ножом нос. Темные бусины глаз уже подернуты дымкой смерти.

«Так вот она какая вальдшнепина тяга!» — взволнованно думал я, возвращаясь на велосипеде домой, совсем упустив из виду, что проведенная охо-

та совсем не соответствует тем описаниям, с которыми я ознакомился в художественной литературе. Мной все еще владели восторг, радость от предвкушения бесконечного множества будущих таких же охот и ощущения бесконечности жизни.

Весь следующий день я был занят заряданием патронов. Зарядил все гильзы мелкой дробью. Я спустился в охотничий лагерь и дополнительно купил две пачки картонных, фабричной работы патронов, снабженных бездымным порохом. Все семьдесят зарядов я привез вечером следующего дня на прежнее место, собираясь, с учетом опыта первого дня охоты, дать вальдшнепам настоящее сражение.

За весь вечер второго дня охоты я видел трех вальдшнепов, протянувших вне досягаемости выстрела, по одному из них я стрелял, заранее понимая, что мелкая дробь не достигнет цели. Такая же примерно картина наблюдалась и в последующие восемь дней разрешенной законом весенней охоты. За весь этот сезон я не добыл больше ни одного вальдшнепа. Правда, я нашел подстреленного и потерянного в первый день охоты: он висел, зацепившись крылом за ветку крупной ели на высоте примерно в два человеческих роста. Этой же весной я добыл еще селезня чирковой утки, однако к охоте на уток, впрочем, как и на пушного зверя, я отношусь довольно равнодушно: она меня не увлекала.

На долгие годы весенняя охота на вальдшнепа стала моей любимой охотой. В течение многих лет я стремился встретить первый день весенней охоты только на тяге, жалея каждый вечер, если по каким-либо объективным причинам не мог выехать на охоту. По многолетнему опыту охоты на тяге я знаю, что она у нас, в Подмоскovie, не бывает добычливой. Нормально за один вечер наблюдать за четырьмя-шестью тянущими вальдшнепами, стрелять по двум-четырем налетевшим на охотника птицам, добывая при этом и принося домой с охоты одного-трех лесных петушков.

Огромное количество птиц, оказавшихся на тяге в мой первый выход на охоту, объясняется чистой случайностью. Возможно, это был самый разгар валового пролета вальдшнепов. Не исключая так же, что петушков-то было немного — восемь-десять штук, однако, совершая полет по одному и тому же маршруту по несколько раз, они создавали видимость множества птиц.

Такая охота случается очень редко. За все последующие годы она не повторилась ни разу, хотя, возможно, неудержимо стремился на тягу в первые дни весенней охоты, я подсознательно хотел повторить именно ту, первую, совершенно безумную, предельно насыщенную эмоциями охоту.

Но в жизни ничто не повторяется дважды. Каждое ее мгновение единственно и неповторимо...

Рисунки Б. Игнатъева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Корытин С. А. **Поведение и обоняние хищных млекопитающих.** Изд. 2-е.— М.: Издательство ЛКИ, 2007.— 224 с.

Книга содержит результаты полевых и экспериментальных исследований, проведенных с представителями основных семейств отряда хищных млекопитающих. Большое внимание уделено обонятельной ориентации от вида, пола, возраста, сезона года, космических условий и других факторов. Рассмотрена роль специфических кожных желез, маркировки мочой, экскрементами и значение некоторых поведенческих реакций в общении животных. Обсуждается влияние на поведение млекопитающих различных запахов. Подробно анализируются перспективы использования запахов для управления поведением животных и привлечения пахучими приманками пушных зверей.

Кучеренко С. П. **Собаки тоже плачут.** Рассказы. Хабаровск, 2006.— 143 с.

Известный дальневосточный писатель Сергей Кучеренко посвятил свою новую книгу собакам.

Фанатичная преданность собаки своему хозяину не знает границ. Она не умеет обманывать и не таит зла за непреднамеренные обиды, не знает измены и предательства. Она всегда рада общению с ним, с готовностью разделяет его радости и горести, любовь и ненависть. И собственной жизни без него не представляет и во многом может быть нравственным ориентиром для людей.

Сериков Л. В., Филиппов А. О. **Охота по перу.** Серия: Справочник современного охотника.— М.: Рыбацкая Академия, 2006.— 3000 экз. 223 с.

Книга посвящена одному из самых популярных видов охоты — охоте на пернатую дичь. Подробно освещается экология более чем сорока видов птиц, традиционно относящихся к водоплавающей, болотной, полевой и боровой дичи. Описываются многочисленные способы охоты — как известные, имеющие уже многовековую традицию, так и современные. Специальные разделы посвящены охотничьему снаряжению и охотничьим собакам — верным спутникам любого охотника по перу.

Монахов В. Г. **Динамика размерной и фенетической структуры соболя в ареале.** Екатеринбург: НИСО УрО РАН, Банк культурной информации, 2006.— 202 с.

Книга посвящена результатам изучения внутривидовой изменчивости соболя по размерам, краниологическим признакам, окраске меха на примере 46 популяций российской части видовой ареала. Представляет интерес для охотоведов, студентов, научных работников. Адрес для заказа: **620147, Екатеринбург, А/Я № 263. БКИ. E-mail: bki@sky.ru**

Николай Анатольевич Зворыкин: post mortem*

М. ПОДДУБНЫЙ

Александр Сергеевич Бутурлин предоставил для опубликования ряд документов, имеющих непосредственное отношение к кончине Николая Анатольевича Зворыкина (1873—1937), а также его ранее не публиковавшуюся фотографию. Речь идет прежде всего о пяти почтовых отправлениях на имя Сергея Александровича Бутурлина (1872—1938), первое из которых датировано следующим днем по смерти Зворыкина, а последнее получено в Москве (сохранился конверт с почтовым штемпелем) 19 января 1938 г. и уже не могло быть прочитано Бутурлиным, кончина которого последовала 22 января.

Нет необходимости приводить здесь жизнеописание двух выдающихся русских охотников XX столетия. Биография С.А. Бутурлина прекрасно представлена в серии вышедших в 90-е годы публикаций его сына Александра Сергеевича, сведения о Н.А. Зворыкине и его окружении обобщены тверскими краеведами в добротном сборнике «Волки и охота на них» (2003).

Публикуемые здесь впервые документы есть как бы последний аккорд дружбы, долгие годы связывавшей Н.А. Зворыкина и С.А. Бутурлина. Не случайно последней прижизненной публикацией Сергея Александровича стал посвященный его другу некролог в декабрьской книжке «Бойца-охотника» за 1937 год.

Некролог этот, сухой и сдержанный, иным и не мог появиться на страницах официального советского издания. Но имеется набросок к нему, сделанный рукой тяжелобольного С.А. Бутурлина и сохранившийся его родными. Вот эти несколько слов на драгоценном автографе: «Необыкновенная наблюдательность, тонкая внимательность, художественный талант изложения. Чрезвычайная точность и правдивость. Доброта, деликатность, чрезвычайная скромность и простота». Такая характеристика от несклонного к преувеличениям Бутурлина дорогого стоит.

То, что Зворыкин был в человеческом измерении натурой редкостной понимаешь, начав читать его тексты (чего стоит, например, первый рассказ 1914 г. «Воспоминание») или взглянув на лучащиеся добротой черты лица на фотографии. Так вспоминает его и сегодня А.С. Бутурлин: «Интонации голоса, жесты, вся фигура его светилась необыкновенной добротой. Другого такого человека пожалуй в жизни я не встречал».

Эти качества Зворыкина отмечают все, кто его знал. Деливший с ним быт

Н. А. Зворыкин. Июль 1927 г. (Публикуется впервые)

И.С. Соколов-Микитов: «Этого милого, удивительно скромного, воспитанного и чуткого человека, тонкого знатока русской природы мне посчастливилось знать...» Николай Павлович Смирнов: «Зворыкин отличался большим добродушием, глубокой сердечностью и природным тактом». Е.Н. Зворыкина, его дочь: «На всю жизнь осталась в памяти его скромность, выражавшаяся буквально во всем: в одежде, в еде... Был очень добрым, отзывчивым человеком. Старался помогать, хотя бы добрым советом. Не любил критиковать кого-либо... Он был очень нежным и заботливым отцом».

Именно «человеческое измерение» личности Николая Анатольевича наглядно присутствует в публикуемых ниже документах. Их появление на страницах главного охотничьего жур-

нала России в 135-ю годовщину со дня рождения Бутурлина и 70-ю — кончины Зворыкина представляется более чем уместным.

В тексте двух писем исключены фрагменты, относящиеся к обстоятельствам личной жизни Николая Анатольевича, крайне тяжелым для него на протяжении всего 1937 года.

Документы 1 и 2 — телеграмма и почтовая карточка — написаны другом Зворыкина и его спутником по охотам в 30-е годы В.А. Митрофановым (его очерк о Зворыкине помещен в сб. «Наша охота», 1989 г.). Автором трех писем является брат Н.А. Зворыкина Федор Анатольевич (1876—1938). По сведениям биографа семьи Зворыкиных, краеведа из г. Удомля Д.Л. Подушкова (2003), он был репрессирован и расстрелян в августе 1938 г.

Благодарим за предоставление права первой публикации документов Александра Сергеевича и Ирину Александровну Бутурлиных, администрацию Ульяновского краеведческого музея.

№ 1

(Телеграмма из Красногвардейска Ленинградской обл. от 10 ноября 1937 г.)

Москва, Каретная Садовая, Дом Советов Бутурлину = Зворыкин Николай умер. Похороны двенадцатого Ленинграде Кировский 75 квартира 38. Митрофанов =

(Подлинник хранится в Ульяновском краеведческом музее, № 1 7243)

№ 2

Ст. Сиверская Октябрьской ж. д.

11 ноября 37 г.

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Вчера вечером я послал Вам телеграмму о преждевременной смерти нашего дорогого Николая Анатольевича.

Он умер у себя на квартире, в 7 часов вечера, 9 сего ноября, как полагают от сердечного припадка. Он почувствовал себя плохо еще с обеда, вызвал телеграммой Анатолия Анатольевича¹, но тот своевременно, по случаю болезни своей жены, не прибыл и в последние тяжелые минуты его жизни кого-либо из близких людей около него не было. Похороны 12-го. Числа 15-го буду в Москве и зайду к Вам. Искренний к Вам В. Митрофанов.

(Подлинник хранится в Ульяновском краеведческом музее, № 1 7428)

* После смерти (латинск.)

№ 3

Ленинград, Кировский пр., 73/75, кв. 38.
13 ноября 37

Дорогой Сергей Александрович

Мы все братья и сестры дорогого Николушки очень благодарим Вас за Ваше сердечное сочувствие нашему большому горю. Любили его искренно и горячо все кому приходилось с ним соприкасаться и потому Вы можете судить, как тяжело чувствуем мы эту утрату, мы, прошедшие с ним бок о бок долгую жизнь.

Вы — его друг также на протяжении целой жизни и поэтому мне хочется сообщить подробности о его последних днях и кончине. С месяц тому назад у него был припадок, сопровождавшийся сильными болями в верхней части груди и в спине. Так как он никогда не обращал внимания на свои недуги и не советовался с врачами, неизвестно, что это был за припадок, по-видимому грудная жаба. Мы тогда не обратили достаточного внимания на это, а сам он уехал на другой день в деревню к писателю Бианки, где и отдохнул и вообще чувствовал себя хорошо.

Вернувшись из этой поездки он ни на что не жаловался и был бодр и ничто не давало основания опасаться за столь скорый, роковой исход болезни.

В день кончины 9 ноября он с утра чувствовал недомогание, около 12 ч. был опять повторный припадок, который продолжался недолго и днем он уже был на ногах, шутил с домашними и чувствовал себя не очень плохо. После обеда около 4 часов опять почувствовал недомогание, прилег и в 7 ч. скончался после третьего припадка.

Похоронили мы его в Ленинграде на Серафимовском кладбище в Нов. Деревне, рядом с могилой мамы.

Очень мы Вам благодарны и за Ваше предложение похлопотать в изданиях. Единственной наследницей Николушки по закону является его дочь Геся², которая по воле покойного будет делить причитающиеся ему гонорары с его женой³. Мы выясним здесь, что надо сделать, чтобы оформить право на наследование, к Вам же большая просьба установить причитающиеся в изданиях гонорары и сроки получения их.

В бумагах Николушки я нашел записную книжку, выписку из которой и посылаю Вам⁴, но я плохо разбираюсь в этой записи и не могу судить насколько она полно охватывает все ему причитающееся. Брат Анатолий взялся разобрать оставшиеся рукописи и привести их в порядок. Может еще что-нибудь найдется, тогда сообщим Вам.

Еще раз сердечное спасибо, дорогой Сергей Александрович. Крепко жму Вашу руку. Ф. Зворыкин

№ 4

30 ноября 37

Дорогой Сергей Александрович

Спасибо Вам большое от всех близких покойного Николушки за Ваше сердечное письмо, за Ваши теплые слова о нем и за предложение помочь в деловых вопросах. Я давно написал бы Вам, но все ждал разрешения очень большого, тяжелого вопроса, связанного с семейным положением Николушки.

<...> Пока мы вели переговоры с юристом, чтобы выяснить сложившееся запутанное положение и утверждение в правах наследства возможно только после окончательного выяснения прав всех претендентов. Как только все окончательно выяснится и будет оформлено, немедленно напишу Вам. Теперь же просьба к Вам, Сергей Александрович, если из моего письма Вам ясно сложившееся положение, при случае сообщить Ваши соображения о дальнейших действиях, которые нам следовало бы предпринять. Договоры с издательствами находятся у Геси, но сейчас не сообщая Вам ничего о них, так как думаю, что прежде всего следует урегулировать юридическую сторону дела. Затем еще просьба, если будете в ВВОО⁵ выяснить там, какие из Николушкиных миниатюр будут там напечатаны. В его записках нет точного указания какие именно посланы, а их много и они так хороши, что вероятно, можно будет напечатать и оставшиеся. Рукописи у нас имеются.

Дочь Николушки Геся живет в одной квартире со мной, так что адрес ее тот же, что и мой. Возраст ее 20 л.

Буюсь, что затрудняя Вас просьбами, и очень прошу не утомляться исполнением их срочно — дело не спешно. Как можно только напишите поскорее, если у Вас есть соображения о том как проще и лучше выйти из запутанного положения при наличии нескольких наследников.

Очень хотелось бы иметь некрологи, напечатанные в журналах, если не затруднительно — не откажите прислать.

Крепко жму Вашу руку. Ваш Ф. Зворыкин

№ 5

16 января 38

Дорогой Сергей Александрович

Ружье получено⁶, его взял мой племянник Кирилл, сын брата Анатолия. Мне лично оно очень нравится по внешнему виду — скромная гравировка и красивого дерева ложа. Бой вероятно тоже будет соответствующий, имея в виду, что стволы сверлились по Вашим указаниям. Если бы я еще надеялся сам поохотиться когда-нибудь, я бы оставил его себе, но надежды на это мало. Жаль, что Николушке не пришлось полюбоваться этим ружьем и поохотиться с ним.

Дела с Николушкиным наследством все еще находятся в состоянии неопределенности. Юридически еще ничего не оформлено, но есть обещание Марии Александровны, что она заявлением на суде аннулирует свое первоначальное заявление <...>.

Как только что-нибудь окончательно выяснится и оформится тотчас же напишу Вам и надеюсь, Вы не откажетесь взять на себя, как и предполагали, и сношение с издательствами и редактирование переизданий, которые, вероятно, будут.

Надеюсь в последние числа января быть в Москве и тогда непременно побываю у Вас. Если будете мне писать, сообщите пожалуйста, когда Вас лучше всего застать и если у Вас есть телефон домашний, то и №.

Крепко жму Вашу руку и от души желаю всякого благополучия.

Ваш Ф. Зворыкин

¹ А. А. Зворыкин (1879—1942) — брат Н. А. Зворыкина

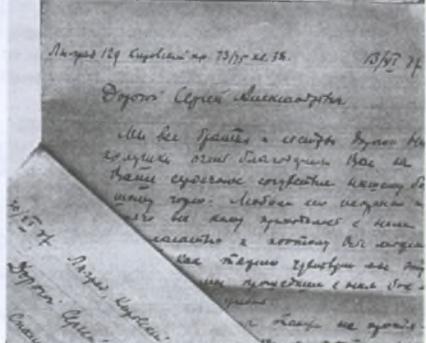
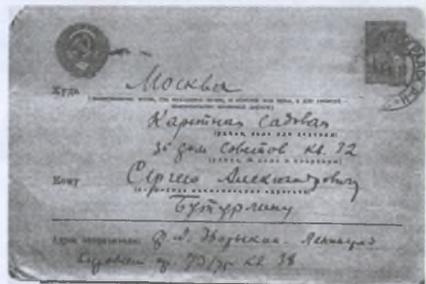
² Дочь Н. А. Зворыкина Евгения Николаевна (1917 г. р.)

³ Жена Н. А. Зворыкина Мария Александровна. Брак был юридически расторгнут, однако бывшие супруги проживали на общей жилплощади

⁴ Выписка приведена на обороте письма

⁵ Военно-охотничье общество

⁶ В нашем распоряжении имеется оригинал письма инженера-оружейника из Тулы Б. А. Страшного (его имя упоминается в некоторых работах С. А. Бутурлина) Н. А. Зворыкину от 23 ноября 1937 г.: «Многоуважаемый Николай Анатольевич! Заказ на изготовление Вам ружья только сегодня окончательно оформлен. Ружье будет готово к 10—15 декабря. Пошлют его Вам наложенным платежом по Вашему домашнему адресу. Стоимость вместе с пересылкой будет, вероятно, немного меньше 300 рублей...»

Н. ЗВОРЫКИН

Встречи

Федулаич отправился на охоту с чучелами. Об этом я узнал, придя к нему. Мне сказали, куда именно он пошел, и я, оставив у него свое ружье, отправился навстречу. Тусклый ноябрьский день клонился уже к вечеру. Дорога представляла собой колкую, мерзлую грязь, стоявшую ребрами среди пустынных угодий, граничащих с полем. Отдельные березы с кустистыми гибкими ветвями и висящими сережками заставляли поглядывать, нет ли на них тетеревов. Кое-где уцелевшие на вырубках елки стояли рисунчатыми темными пирамидами, упершись шпильями в мутное небо. Поглядывая все вперед в надежде увидеть возвращающегося Федулаича, я заметил сбоку, шагах в шестидесяти, идущий параллельно моему пути волков. Я вздрогнул от неожиданности.

Волки шли, заслоняясь деревьями, кустарниками, и изредка попадали на чисть. Окрас их действительно был защитный, сливавшийся с мгlistой дымкой воздуха, с цветом ветвей, коры деревьев и ржавыми тонами пожухлой травы.

Волки шли сначала гуськом, потом сбились в беспорядочную стайку и стали поглядывать на меня, нисколько не прибавляя ходу. Вдруг мне стало жутко: волки не проявляли природной этому зверю боязни перед человеком. Они шли, поглядывали, шел и я скорым шагом, так как иначе они опередили бы меня, а мне хотелось понаблюдать за ними подольше. Они неожиданно остановились, один из них очень косо посмотрел на меня, а двое повернулись ко мне грудью. «Такие маневры означают что-то недоброе!» — мелькнуло у меня в голове. По мне пробежала дрожь. И я крикнул — «Федулаич!» Волки на прыжках бросились прочь в сторону и скрылись. Из-за поворота дороги, шагах в сорока, показался Федулаич.

Федулаич встретил меня с заранее застывшей улыбкой: он понял, что и я видел волков, и догадался о причине моего крика...

Подвигаясь к дому, мы все беседовали о волках и о том, что они никуда не денутся, лишь бы выпал снежок.

Дома пили чай и продолжали беседу о волках.

Федулаич, взглянув в окно, радостно заговорил: «Вот так снежок!» Перистый снег, кружась, опускался на мерзлую землю. Он падал сначала медленно, затем быстрее, гуще и стоял занавесом.

Наступили сумерки. Мы вышли с Федулаичем на двор. Снег густо шел. Поставив заброшенные еще с конца прошлой зимы розвальни, Федулаич свил новые завертки и вернул оглобли. По случаю предстоявшей поездки он, попив своего Гнедка, засыпал ему овса. Стало уже темно. Снег все продолжался, но уже перестал падать хлопьями, а сеял мелкими сухими кристалликами. На ступеньках крыльца лежал уже слой в два пальца...

Я остался ночевать у Федулаича. Мы долго не могли уснуть. Около полуночи опять вышли поглядеть на снегопад. Снег перестал. Изредка запоздалые снежинки, не заметные в темноте, порхали перед окном в оранжевом луче лампы.

Вернувшись с улицы, легли спать успокоенные.

Когда я проснулся, Федулаич давно уже был на ногах. Выбеленная русская печь, отражая мутный свет окна, еле прорезала темноту комнаты серым отсветом. Самовар за перегородкой издавал разноголосые звуки; в решетке его тлели раскаленные угли.

Я хотел было выбежать на улицу полюбоваться первым зимним днем, но на пороге встретился с Федулаичем.

— Ну и пороша! — возвестил он.

Белый дневной свет первого зимнего дня как-то неожиданно охватил всю избу. Я поспешил к окну: вся земля — под пыльным, как пена, снегом! Релей, лозинки, деревья, изгороди — все оклеено снежным пухом; снегири уже начертили под крапивой мелкие развилки следков.

Тихо, ветер не шелохнет, звуки приглушены, спокойно на улице. Разваливается, рассыпается и приминается снег под ногой человека и остаются печатные следы сетчатой галошной подошвы, резкой грани кожного каблука, овала валенка с черточками дратвенных стежек. Печатная пороша!

Гулко щелкает дверь конюшни: Федулаич выводит Гнедка. Конь высоко поднимает голову, настораживает уши, храпит, удивленный давно не виданной белизной; за ним пестрят навозной желтизной следы копыт.

Я бросаю в розвальни три катушки с флажками. Мы садимся, придерживая ружья. Плывут розвальни неслышно, как лодка; чуть поскрипывают гужи. Сахарными головами стоит молодой запароженный ельник. С полей промех торча-

щего кое-где жнивника ровными звеньями блинок за блинком, отпечатывая пальцы и коготки, вьется лукавый лисий след. Перед опушкой остановилась, потопталась лисица, испортив симметричный рисунок строчки следов, оглянулась, должно быть, и частою трусцою поспешила в ельник. Мы очень обрадовались, увидев лисий след по первой пороше, но решили не задерживаться в надежде перенять волчий следы, а при неудаче вернуться к лисьему.

Мы ехали и полями и пустошами. Погода была настолько мягка, что руки даже не зябли. На пути встретили не один русачий след. Хотя по первой пороше не все зайцы выходят на ночную жировку, но зато след их на лежку короток. Досадно было и лисицу упустить, и лишиться возможности потропить зайцев-русаков, но мы твердо решили ничем не увлекаться, а сделать определенный круг, пересекая обычные волчий переходы. Трудно было удалиться, видя ход зайца на лежку, определяя глазом место, где он, по всем признакам, залег. Но встретившиеся нам накануне волки поддерживали в нас особую упорную энергию и стремление к цели, перед которой охота на лису и зайца казалась менее интересным занятием.

Волчий следы с отпечатками мощных пальцев пересекли наш путь. Мы переглянулись с Федулаичем. Все четыре волка были здесь. За долгую ночь звери побывали у многих селений и, наконец, пошли по дороге полями.

Евфросиньева роща осталась направо, а волки пошли налево; в Орехове же волчьих следов вовсе не оказалось и все собаки были целы.

— Слюнки текут, — следок-то тепленький еще, — сказал Федулаич, упорно глядя на рассыпчатый снег.

Волки круто изменили направление, пошли к черневшему в низине хвойному болоту, слившемуся дальше с островом...

Из осторожности мы держались на порядочном расстройнии от болота. В низине виднелись кочки, в опушке было немало ивовых кустов; дальше шли невысокие ели, шпильи их торчали несомкнуто: примерно в середине болота, по видимому, была сопка, на ней шапка высылся уже довольно крупный лес. Отъехав с полкилометра уже по второй линии объезда, мы, привязав лошадь в стороне, пошли продолжать обход, закинув за спины катушки с флажками.

Волнующая нас линия оклада вдоль острова не дала не только волчьего, но и никакого следа, даже беличьего: снежная пелена была здесь не тронута. Переглянувшись, мы прибавили ходу и скоро окончили благополучно оклад. По пути мы наметили два номера на линии вдоль острова; все условия указывали на то, что лучший ход и лаз будут на редколесье острова. Но у нас еще не было загонщиков, а гнать четырех волков на один стрелковый номер очень невыгодно: при удаче больше двух взять мудрено.

Я стал обтягивать оклад флажным шнуром, а Федулаич побежал к лошади, чтобы съездить в деревню, отстоявшую в полутора километрах, за тремя загонщиками. Через полчаса оклад был затянут кругом. Флажки ярко сияли. Я пошел навстречу Федулаичу по его следу.

Дойдя до места, где была привязана лошадь, на которой Федулаич, по моим расчетам, уже доехал до деревни, я сел на небольшой штабелек сложенного дровяного должья. Взглянув в сторону болота, в котором лежали, свернувшись кольцом, четыре волка, я почувствовал необычайно радостное волнение от предстоящей, как мне казалось, удачной охоты.

Я вскидывал ружье на окружающие предметы, выбирая цель на предполагаемой высоте туловища волка; проделывал я это, и сидя и стоя. Ружье ложилось хорошо.

Федулаич неслышно подъехал с двумя загонщиками.

Бодро двинулись к окладу. По лицам обоих загонщиков, по их движениям и

поведению видно было, что они сами охотники.

Стою на номере в редколесье за маленькой заснеженной елочкой; впереди между елей — точно дорожки в парке; ближние ели в нижней комлевой части ствола — без ветвей, и это позволяет заблаговременно увидеть зверя. Но дальше вглубь начинались сгущение и лесная крепь. Федулаич расставил загонщиков и вернулся в сопровождении одного из них. Возвращение загонщика меня очень встревожило: волки, стало быть, вышли. Я хотел было двинуться навстречу, но Федулаич, подходя к своему номеру, махнул загонщику рукой, и тот поспешил обратно. Я понял, что Федулаич вернулся с загонщиком, чтобы тот, во-первых, не начал гон до того, как Федулаич займет свое место стрелка, а во-вторых, для ориентировки загонщика о месте расположения стрелков.

Когда охотник стоит на номере, он весь превращается в слух и зрение, сливаясь с заслоном, и это напряженное состояние удивительно обостряет слух и зрение.

Раздались далеко удары топора о деревья; спустя несколько минут загонщики глухо перекликнулись. Где-то впереди послышался в воздухе точно шепот, и через миг между мной и Федулаичем, сильно разлетевшись, пронеслись два глухаря. Я не мог не взглянуть на них, но тотчас перевел пристальный взор на подножие леса, а там, среди коричневатых стволов елок, дымчатыми мешками скакали два волка, направляясь к линии между мной и Федулаичем.

Только охотники поймут, какое необъяснимое чувство испытывает стоящий на номере стрелок и какое настроенное самообладание охватывает его...

Волки скрылись за рядом еловых стволов, и когда они снова показались, то шли уже, переходя на рысь, по косой линии прямо на меня. Впереди шел волк посветлее и подлиннее, с довольно острой мордой и нешироким лбом, за ним чуть в сторонке следовал волк темного окраса, особенно в верхней части спины, и широколобый.

Я допустил переднего на расстояние двадцати пяти шагов и выстрелил под лопатку; волк сразу рухнул. Второй, перескочив стрелковую линию, был шагах в тридцати пяти, когда я выстрелил в него; он посунулся, задев мордой снег, и, вскочив, пошел дальше.

Вытащив один патрон из кармана, я быстро перезарядил ружье и успел послать ему заряд по холке; волк сразу перешел на шаг и упал. Не успел я снова насторожиться, ожидая, не выскочит ли еще один из оставшихся в окладе волков, как грянул выстрел Федулаича. Впереди в снегу барахтался раненый волк; Федулаич продолжал целиться, очевидно, раздумывая, стоит ли стрелять или обойдется дело и без выстрела. Волк перестал барахтаться. Федулаич снова стал охранять фронт, ожидая последнего волка. Загонщики стали подходить; вскоре один из них вышел и, увидав убитого мною волка, побежал к нему. А в это время появившийся второй загонщик кричал нам, что волк ушел через флажную линию.

Рисунки Б. Игнатъева

Юрий ДУНИШЕНКО

По собольему следу

К сожалению, за три последних десятилетия забыта охота на соболя троплением. А между тем, она и эмоциональна, и спортивна, и добычлива. Во всяком случае, первые соболя, добытые таким способом, вспоминаются будто было все вчера, хотя и прошло добрых полвека...

Мне предстояло провести учет диких животных в бассейне р. Бикин. Лучшего проводника, чем один из владельцев территории, в таких случаях не сыскать. Поэтому составить компанию предложено было осваивавшему эти уголья Надыге. При обследовании районов, населенных удэгейцами, часто приходилось пользоваться их услугами. Все они были людьми не простыми, но всегда компанейскими; исполнительными, настоящие артисты на воде и ответственны за судьбу товарища на таежной тропе. Они легко довольствовались скромными возможностями нашей охотустроительной партии, но главное — охотно делились всем, что знали о тайге. Много в их рассказах было наивного, но было чему и поучиться. На предложение Надыга ответил вопросом: «А что я должен буду делать?» И когда услышал о таборных работах и пище, которую мы должны будем готовить по очереди, засмеялся и сказал: «Ну, тогда я бабу возьму!»

Потом в долбленке, которую удэгейцы называют батом, оказался еще и зять Петя. Так получилось целое сафари, чем я был несколько смущен. Но опасения не оправдались. Жили мы дружно, а пищу Сима готовила на совесть. Каждый день к нашему возвращению из тайги были готовы толстые лепешки из ржаной муки, сваренные на кабаньем сале, на столе стояла чашка «емпо» — шкварок, оставшихся при его перетопке, и мы «пили чай». Затем Надыга садился в угол, ближе к лампе и начал снимать шкурки с добытых соболей, колонков и белок. Человеком он оказался жизнерадостным. Охотно отвечал на вопросы, рассказывал истории из своей жизни, шутил, пел песни.

Позже был более содержательный ужин. Суп «по-удэгейски, чтобы в каждой ложке мясо было», в обязательном порядке второе и в заключение круж-

ка «захты» — жидко сваренной без соли пшенной крупы, которую мы пили вместо чая. Вначале она мне казалась противной, но потом привык и без такого «десерта» чувствовал себя голодным. Пища в тайге дело не последнее. Как говорят, «как полопаешь, так и потопаешь». И вот с таких харчей да жизнерадостной атмосферы бегали мы здорово. Я прокладывал маршруты, знакомился с территорией и Надыгу не трогал. Он промышлял. Уходил и приходил по темну и всегда с добычей.

Работа двигалась споро, промысел у Надыги — на удивление. Помогала ему и Сима — она только успевала? Бегала ставить капканы на норку, колонка и далеко небезуспешно. Надыга каждый вечер подтрунивал надо мной: «Чего ты считаешь? Зачем? Ты лучше лежи, я тебе их всех принесу — точно будешь знать, сколько было. Или лучше догони одного, больше пользы будет». Потом начинал разыгрывать сомнения, удастся ли мне вытропить соболя, не спутаю ли я след с прошлогодним и не вернусь ли в этой связи года через два. Я был молод, меня это немного злило, но Надыга всегда утихомиривался вовремя. А я думал: «Ну, погоди, старый! Вот только закончу работу...» — и бегал с рассвета до луны.

Наконец все было закончено. Ударный труд без выходных позволил сэкономить неделю времени, которую я решил использовать для доказательств способностей охотоведа. Это ведь тоже деталь немаловажная. Мы составили паспорта участков для охотников, и зарекомендовать себя дилетантом значило поставить знак вопроса над всем проектом.

«Ну, Надыга, где твой самый хитрый соболь?» — спросил боевым голосом я своего проводника, на что он ответил сразу же, не задумываясь: «А вот, километр отойди от зимовья в сопку, там живет самка, ты ее знаешь. Догони! Она днем ходит, след сразу возьмешь. Я ее в прошлом году гонял, в этом, а на будущий год больше не буду». — И он с хитринкой посмотрел на меня.

Петя дал мне рукавчик, я взял с со-

бой топорик, спички, пару капканов, малокалиберную винтовку — обязательное снаряжение для ходовой охоты и «стал на тропу войны».

Надыга оказался прав — след самки я нашел сразу. Она хлопотливо сновала между коряг, обследовала завалы деревьев, ныряла в пни, в снег, под валежины, и я шел, как нитка за иглой. Пока не присмотрелся к следу, к его индивидуальным особенностям, «обрезать», то есть делать большие круги было нельзя — здесь находились и другие соболя, на следы которых легко было «сколоться». Так можно ходить до бесконечности, прыгая со следа на след.

Самка пока не подозревала о нависшей опасности и спокойно завтракала. Вот она изловила полевку, удобно устроилась на бугорке и тут же ее съела — остались от мышки только клочки шкурки да полный желудок. Он был уже мерзлым. Вот, походя, придавила землеройку и бросила. Их соболя не едят. Сделала попытку поймать кормившуюся на земле белку, но та вовремя заметила и взлетела на кедр, с которого затем перемахнула на ель, другую — и пошла. Все это проделала и самка — след ее оборвался, и только осыпавшаяся кухта да старые хвонки указывали направление погони. Белку таким образом собою не догнать, это и самка знала, и поэтому, согрившись, прекратила погоню. Спрыгнула с дерева и опять занялась полевками. Потом наткнулась на старые лунки рябчиков, обследовала их и стала ходить кругами — эти птицы часто, облюбовав полянку, коротают стужу на ней под снегом. Вот соболушка насторожилась и перешла с бойкой четки на крадущий шаг. Прыг! Взрыв и два пера с хвоста... Рябчик улетел, самка в азарте сделала за ним несколько прыжков и села. Не трудно представить ее расстройство. Потом она вышла на след кабарги и некоторое время шла по нему, видимо, прикидывая свои возможности. Сориентировалась правильно — ушла в сторону. Это был крупный самец, как зовут их охотники, «струйник», добыча явно не по ее зубам и габаритам. Вот уже два часа я распутываю крен-

деля соболушки, а конца не видать. И как Надыга умудряется за день добыть двух-трех соболей? Невероятно. Но след становится все «горячей», и вот, наконец, самка услышала преследование — пошла на махах. Я заорал во все горло и бросился по следу бегом. Не тут-то было. Соболюшка не кинулась спасаться на дерево — она спокойно оторвалась от меня и вновь занялась своими делами. Но тут уже я сидел, что называется, на хвосте. Начались гонки — кто кого уморит? Чувствовалось, что бегать надоело не только мне, — самка стала хитрить. Она делала круги и выскакивала на мой след сзади. Пробежала по нему за мной, возвращалась, прыгала на дерево, с него — в сторону и творила прочие фокусы, на разгадки которых уходило время и время. Я давно бы ее бросил, но как на меня посмотрит мой ехидный дед? И я все путался, разбирался, заглядывал на деревья и в дупла, в которых наследила моя мучительница, с надеждой поглядывал на солнце — скорей бы село, что ли! Но все же продвигался вперед и был на верном пути. Но тут эта пакостница и вовсе оборзела — стала ходить то по своим, то по чужим старым следам. Порошки не было, ночью осела лишь легкая изморозь, и приходилось по отпечаткам коготков смотреть, куда она свернула. Я знал, что отстал, что самка давно отдыхает и что если хватит времени, — уж теперь-то я ее точно найду!

Последний сюрприз ждал у финиша. Соболюшка несколько раз уходила и возвращалась к огромному дуплистому кедру в расчете на то, что запутает преследователя окончательно. Я долго пересчитывал следы: вход — выход, вход — выход, вход... И скорее интуиция, чем расчеты, подсказали — здесь! Заткнул в корнях входное отверстие, постучал по дереву и, выбрав наиболее тонкое место, прорубил выше по стволу дыру, в которую приспособил рукавчик, а на входе развел дымокур и лапником стал нагонять дым в дупло. По рассказам охотников я знал, что соболь его не терпит и выскакивает сразу, как только учует.

Но не тут-то было. Дым уже валил, казалось, через древесину, а в дупле было тихо. Лишь один раз раздался шорох, да кто-то дернул за кольцо рукавчика. И все. Солнце село, оставалось собрать разбросанное в азарте снаряжение да топтать на «ковер» с повинной головой. Что я и сделал. Но предварительно разбросал дымокур, разрубил место для капкана и насторожил его. Снял рукавчик, заткнул и это отверстие и пошел несолоно хлебавши.

Надыга, на удивление, рассказ мой выслушал внимательно, без обычной усмешки. Выслушал и сказал неожиданное: «Это я, старый пенек, виноват. Не сказал, как надо. Завтра иди, заberi свою самку, ты ее до смерти закоптил, — и добавил: — так часто бывает, когда дымокур на вход соболей кладут».

Откровенно говоря я не сильно поверил старому охотнику. Смutilo только, что он как-то по-другому смотрел на меня — с уважением, что ли?

Собственно, надежда на то, что соболюшка попала в капкан, все-таки была, и поэтому утром мы с Петром, которому оказалось по пути, тронулись на место происшествия.

К большому моему огорчению, в капкане ничего не оказалось. Но не было и выходных следов. «Ничего, — сказал Петя, — дед знает, что говорит». С этими словами он разрубил отверстие, засунул в него руку по самое плечо, и с важным видом стал шарить внутри дупла. Копался довольно долго, но торжествующего возгласа я не дождался — добычу он так и не извлек. Закончив копания, отряхнул с одежды прилипшие гнилушки и смущенно произнес: «Нет тут ничего. Это мышь шумела. Тебе теперь куда идти?» Что-то в поведении добровольного помощника мне сильно не понравилось, поэтому я сказал, что буду сидеть и плакать. А может быть, даже застрелюсь!

Петр покурил и, видя, что скоро уходить не собираюсь, нехотя поплелся в сторону своего путика. Я дождался, пока стихло за ним потрескивание веток, и сунул руку в дупло. Там и в самом деле ничего не было. Были только гнилушки, насыпавшиеся со сгнившей сердцевины кедра, пнем стоявшей внутри дерева. Разрубил отверстие чуть больше, срезал ветку, размочалил ее на конце и стал тыкать в гнилье, слегка покру-

чивая свой щуп. Так и есть! На конце ветки соболиные волоски! Разрыл гнилье, которым Петр так усердно засыпал мою добычу — недаром же он так долго возился! — и вытянул на свет божий. Самка как самка, по внешнему виду о былой хитрости не скажешь. Только дымом пахнет, как окорок.

Надыге и Петру я ничего не сказал. Просто пояснил, что ее засыпало (!) гнилушками или сама зарылась от дыма и с большим трудом нашел. В тайге, в таком маленьком коллективе, отношений не выясняют. Но Петр все понял и оценил мое благородство. Только не очень приятно было смотреть, как заискивает, пытаюсь заглядеть свою вину. Охотник он был слабый, человек ленивый и можно понять, почему его бес попутал.

А соболюшка в самом деле была удивительной сообразительности тварь. За 40 последующих лет мне много пришлось походить по соболям следам, но таких упорных соперников больше не встретилося.

Спрятав в рюкзак добычу, я пошел искать дальнейших приключений и скоро наткнулся на след, неспешно уходящий на солнечный склон. Утром прошел крупный самец. Он не заглядывал в колоды — мышиные дома, шел вальяжно и сыто. Минут через двадцать след оборвался у дуплистого сухого кедра. Я пока суд да дело прикрыв вход, достал топорик, внимательно осмотрел, нет ли выходов, отоптал кругом снег, чтобы закрыть возмож-

ные пути отступления, и стукнул топором по древесине. Немедленно раздалось недовольное ворчание, в дупле посыпались гнилушки, и из отверстия у вершины показалась сонная, недовольная мордочка. Я затаился, подождал, пока зверек выйдет на сучок, и нажал на спусковой крючок мелкашки....

Так вот в чем секрет большой добычи! Опытный охотник умеет по поведению зверька отличить, куда идет соболю! Если кормится — за ним можно бегать столько же, сколько я за соболюшкой, а может и больше, если отдыхает — путь к желанной добыче короток! Если повезет, он исчисляется буквально сотнями метров.

Увидев двух соболей, принесенных мною, Надыга оставил свои шуточки. Но окончательно я его добил на третий день. Тогда до меня еще не дошло, как определить намерения зверька, и я вновь привязался к жирующей самке. Часа через полтора она услышала погоню, стала бестолково метаться, нырять в заломы, лазать по таким крутякам и зарослям, что я сильно возмутился: «Хоть бы куда-нибудь запропастилась, чтобы бросить не стыдно было». Только подумал, как след повел к завалу из деревьев, с корнем вывороченных смерчем. Лезть за соболюшкой в этот бурелом значило рисковать ногами и головой: повиснешь где-нибудь на сучьях. Для очистки совести я постучал по валежине и стал обходить завал стороной — обрезать след.

«Тут тебя, подружка, и взрывчаткой не возьмешь», — подумал вслух, но вскоре с удивлением увидел выходной след. Самка пробежала метров двадцать по чистому ельнику, и след оборвался у входа в дупло тонкой валежины, комель которой возвышался над поверхностью снега. Я даже глазам не поверил — не нашла лучше места для спасения! Быстро заткнул рюкзак вход в дупло и тут же услышал сердитое ворчание. Пока готовил рукавичку — самка заливалась на все лады, а когда натянул его и стукнул топором у вершины дерева — пулей вылетела и забилась в сетке. Всего-то и делов!

Но она оказалась без хвоста! Куда он делся, я так и не понял. Родилась ли без него или лишилась в какой-то переделке, но хвоста не было под самым корнем. В зимовье Надыга внимательно осмотрел мою добычу, достал мешок с соболями шкурками и встряхнул, как на аукционе:

— Вот, выбирай любого, а эту отдай мне! — сказал он очень серьезно.

— Да она же с дефектом и цвет плохой! — моему удивлению не было предела.

Но старик был непреклонен. Секрет он открыл потом, уже в поселке. Оказывается: поймал бесхвостого — держи шкурку дома и пока она у тебя много будешь добывать других соболей.

Четвертого соболя я вытропил быстро. Он заскочил в дупло сухого кедра, я все сделал по пунктам инструкции

Надыги: разжег костерок у прорубленного отверстия, прикрыл его лапником для большего количества дыма и стал махать веником. В дупле подзрительно затрещало, потом загудело, и началось что-то невообразимое. Я взглянул на вершину кедра и ахнул: из дупла, как из ацетиленовой горелки, свечой в небо вырывалось пламя. Пламя в кедре выло и стонало, отверстие у корня со свистом втягивало воздух, который затем раскаленным вылетал из вершины дерева. «Пропал соболек!» — подумал я, прежде чем заметил зверька на конце толстого сучка. Он испуганно вертел головой, не зная, что предпринять, и, кажется, намеривался спрыгнуть, но побаивался высоты.

Надыга это событие комментировал просто: «Так часто бывает, когда думать нечем! Много охотники так испортили соболей. Твоему больше повезло, кончил жизнь без мучений. А бывает, глотнет дыма и падает прямо в огонь. Потому дым у сухого дерева дальше держи, лучше больше лапником махай».

Следующий соболю жестоко наказал меня за невнимательность. При троплении зверек десятки раз влезает во всевозможные укрытия — вход, выход и дальше. Часа четыре я упорно распутивал следы жадного на еду самца, пока с удивлением не обнаружил, что, сделав огромный круг, я пришел к дуплу, у которого уже был. Соболя, естественно, в нем не было, о чем говорил выходной след, затоптавший отпечаток входного. Получилось просто — соболю остался где-то в одном из убежищ, из которого ушел на кормежку и в него же вернулся. Наука будет, смотри внимательней, какой отпечаток сверху — входной или выходной?! Повторять круг не имело смысла, и в этот вечер Надыга смотрел на меня сочувственно, но со скрытым удовольствием.

Реабилитировался я на следующий день: за час добыл двух соболей. С первым столкнулся, когда он возвращался с охоты. Зверек бросился было наутек, но быстро решил отсидеться в трухлявом пне и выражать свое неудовольствие начал, когда я еще был на подходе. Добыть его не составило труда, так как он свирепо сверкнул на меня глазенками из щели, чего было достаточно для быстрой пульки.

Другой соболю оказался глупым. Заскочил в дупло валежины и с ворчанием светил на меня глазами, когда я туда заглянул. Я выстрелил — глаза потухли. Отставил в сторону винтовку, прикинул, на каком расстоянии лежит добыча, прорубил отверстие и сунул туда руку, предвкусывая теплоту соболюного меха. Вместо этого из комя, оставленного открытым, выскочил здоровенный кот и молнией взлетел на дерево, стоявшее рядом. Бежать бы ему да бежать от рыдолов подальше....

Под занавес моей карьеры следопыта произошел случай, перечеркнувший все достигнутые успехи. Уже вечерело, когда я возвращался к зимовью и наткнулся на свежий соболий след, идущий в попутном направлении. Я спешно бросился по нему, беспокойно поглядывая на низкое солнце — до зимовья километров двенадцать. Соболю мышковал, но склон был пологим, снег невелик, а сил от молодости и поварского искусства Сими хоть отбавляй. Полчаса — и соболю уже ворчит в корнях сырой дуплистой березы. Ну, теперь дело техники! Быстро приспособил рукавичку и тут же сбоку стал рубить отверстие для дымокура. Неожиданно вылетел соболю, сунулся в рукавичку и застрял между первым и вторым кольцом, так как я в спешке расположил их неправильно и в сетке получился перехват, ставший преградой на пути проворного хищника. Соболю глядел на меня, ворчал и пытался в дупло, а я растерянно смотрел на него, шаря, словно в гипнозе, мелкашку. Наконец зверек выпутался и со стрекотом исчез в темноте убежища. И все. Сколько я не копил — соболю не показывался. Он злился, царапал кольцо рукавички так, что дергалось все сооружение, но дальше дело не шло. Начинало смеркаться, а я все воевал. Зверек ушел по дуплу вверх и рычал там, беспрестанно и глухо. Пришлось валить дерево. Топорище было коротким, древесина мерзлокаменной, дело двигалось медленно, а самец все подливал масла к моему азарту бесконечными руладами.

«Хоть бы ты удрал», — молил я. Но когда береза рухнула и стих треск сучьев и осыпающейся кухты, с клубом дыма выкатился соболю. На мгновение он присел, чихнул дымом, смерил меня злым взглядом и молнией бросился наутек. Я и выстрелить не успел.

Наступила ночь, поднялся ветер, а затем крупными хлопьями пошел снег. Благо блудить было негде: распадок спускался в ключ, который впадал в реку в трех километрах от зимовья. Но кто ходил по уссурийской тайге днем, может представить себе, какова она ночью, в непроглядной темноте. Лианы винограда, лимонника, словно паутину, сплетенная из веревок, то и дело преграждают путь, а ехидная актинидия хватается за ноги и ставит подножки. Любое дерево, за которое пытаешься ухватиться, чтобы удержать равновесие, оказывается аралией, элеутерококком, а то и вовсе акантопанаксом, у которого шипы — как гвозди. В довершение всех бед на половине пути набрал на тигра с добычей, который грозным рыком предупредил, что просто так ее не отдаст. Зверь рычал вперед, и я в растерянности остановился, не зная, что предпринять. Лезть на сопку, в обход — круто. Возвращаться назад — куда? Снял с плеча мелкашку и отстрелял обоймой по веткам. Пули надсадно и тоскливо выли, путаясь в мерзлой древесине, а

тигр все повторял свое грозное — ауфф!!! Еще и еще одна обойма, но выстрелы в ненастной ночи звучали детской хлопучкой и не ободряли, а нагоняли скуку своей беспомощностью.

Становилось совсем тоскливо. Будь, что будет! Я прижался к сопке и пошел на рык. Зверь сместился в право и уступил дорогу. Он еще некоторое время сопровождал меня стороной и рычал, хоть и жутко, но без прежней угрозы: проваливай, мол, лунатик! Потом отстал.

Но настоящий ужас я испытал через час пути, когда стал забывать о неприятной встрече. Вдруг сзади, прямо над головой раздался такой идиотский хохот, таким он был неожиданным, громким и неудержимым, что шапка моя буквально подпрыгнула на голове, а спина стала холодной и липкой.

Хохотала всего-навсего сова, и песни ее (если эту какофонию можно назвать песней) я слышал многократно и прежде. Но в этой ситуации рулады были так не к месту...

Около часу ночи я услышал выстрелы, но отвечать было нечем, а крик тонул в снежной круговерти. Потом увидел отблески факела, и мы встретились с Надыгой, который шел на поиски. Увидев меня живым и невредимым, дед насупился, а в зимовье устроил большую выволочку:

— Ты мой топор видел? Топорище длинное, лезвие острое, испытанное, не крошится от сучьев. В рюкзаке что — видел? Котелок, сахар, чай, сухари, растопка, спички в непромокаемой коробочке. Где все это у тебя? Ногу подвернул — погиб глупо. В речку провалился — замерз, как лягушка на льду. Соболя тропить — не капканы на путике проверять, не знаешь, куда след уведет. Не жалеешь старого человека, ищи тебя! Было бы у тебя все — зачем ночью искать?

Надыга рассердился не на шутку и оправдываться было бессмысленно, да и нечем. Старый удэгейец прав, тайга — не бульвар, согнуть можно и очень просто, и очень глупо. И я промолчал о том, что растянул ногу в щиколотке, оступившись на камнях ручья. К утру нога распухла, я тоскливо сидел на нарах и боялся обнародовать свою беду — сверху пришли удэгейцы и теперь оживленно обсуждали успехи промысла и как будут бить нартовиков. На следующий день мы должны были тронуться в неблизкий путь к поселку.

Наконец выход был найден. Я сказал, что мне необходимо еще недельку пожить в зимовье, обработать собранный за месяц материал и кое-куда

сбегать для уточнений. А потом по готовому нартовнику я сотню километров пробега на лыжах за день.

Охотники устали на меня удивленно, а Сима и Надыга — подозрительно. Первой догадалась Сима.

— А ну-ка сходи за водой, — попросила она, а заметив мой выразительный взгляд приказала: — Покажи ногу! Я ночью видела — хромал. — Осмотрев опухоль, теперь уже рассердилась и она: — Почему сразу не говорил? Лечить будем! — С этими словами проворно вспорол мешочек с сухой кабаньей желчью, намочила кусок бинта, насыпала на него кристаллов этого снадобья и забинтовала ногу: — Завтра пойдем на выход!

Удивительно, лекарство действительно помогало! Озноб быстро прошел, но день я все-таки провалялся.

Утром в зимовье началась озабоченная возня — сборы в дорогу. Я вскочил с нар и тоже стал собираться, Сима смотрела на меня внимательно и с веселой усмешкой.

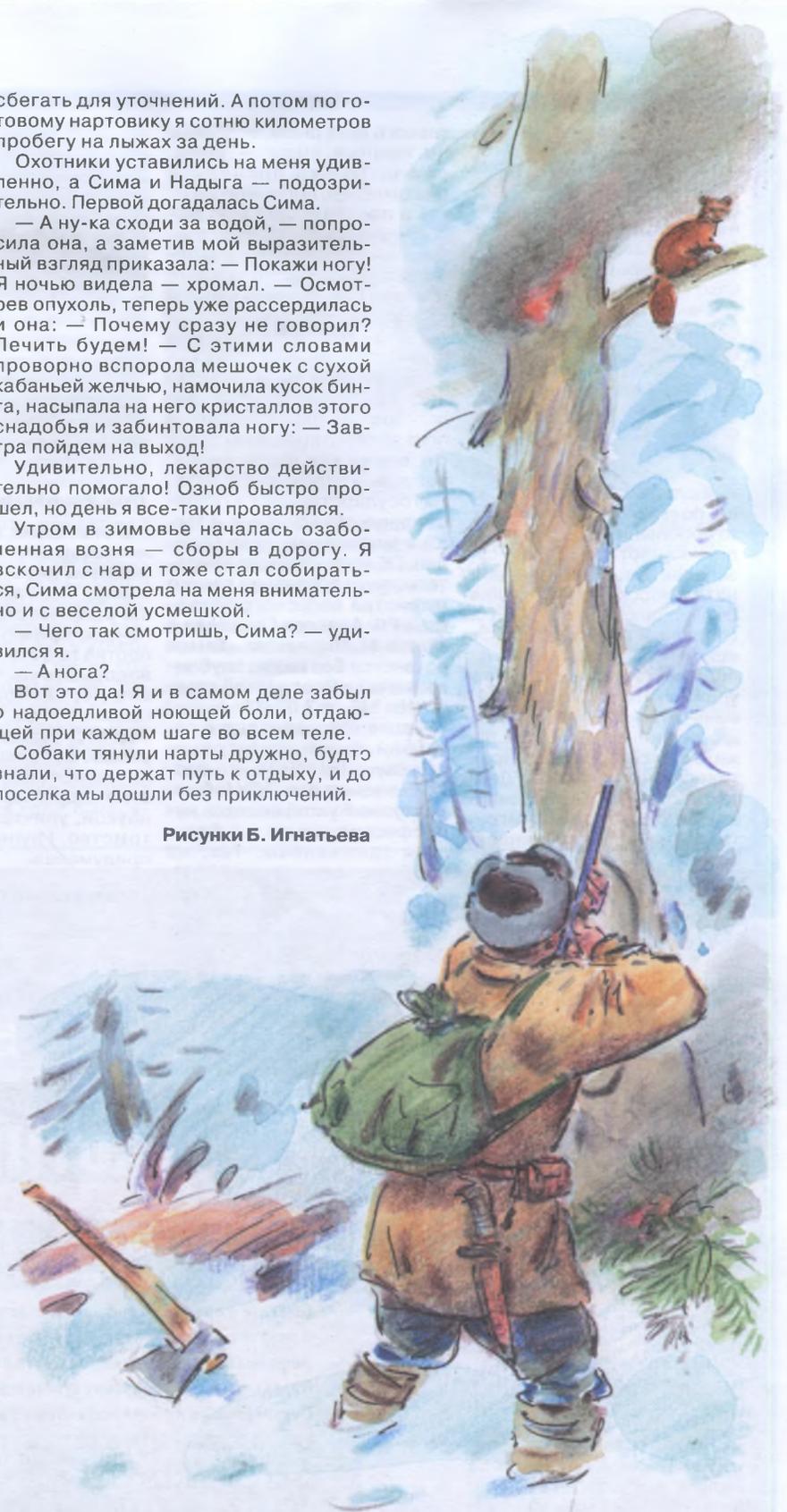
— Чего так смотришь, Сима? — удивился я.

— А нога?

Вот это да! Я и в самом деле забыл о надоедливой ноющей боли, отдающей при каждом шаге во всем теле.

Собаки тянули нарты дружно, будто знали, что держат путь к отдыху, и до поселка мы дошли без приключений.

Рисунки Б. Игнатьева

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведения об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер паспорта, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН; номер страхового пенсионного свидетельства.

Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются. Ксерокопии паспорта и страхового пенсионного свидетельства присылать не нужно.

Такой зимы в Приморском крае, как в прошлом году, местные старожилы не помнят. Таких зим просто не было. Начало зимы было сухое, теплое, солнечное. Однако в первой декаде февраля снег обрушился как горная лавина, как будто природа решила наверстать упущенное. Буквально через неделю выпало еще больше снега, что стало настоящим бедствием как для людей, так и для животных.

В лесу образовался мощный слой наста. Но если люди, пользуясь техникой, как то пробивали себе дорогу, то дикие животные оказались в западне. А еще через неделю на Приморский край обрушился очередной циклон. Кругом сплошные горы снега. Если еще учесть, что несколько лет подряд в тайге отсутствовали урожаи кормов: кедрового и маньчжурского орехов, желудя, лещины, то шансов выжить у диких животных практически не осталось. Даже такой сильный и выносливый зверь, как амурский тигр, и тот покинул тайгу и пришел к людям.

Полосатые кошки атаковали села Ретиховку, Достоевку, Зимники, Роцино, Черниговку. Они рыскали вокруг сел в поисках пищи, охотились на собак, посещали свалки, помойки. В одном из сел молодой тигр задавил собаку прямо в конуре. Специалистам специнспекции «Тигр» пришлось отловить зверя и вывезти его в отдаленный участок тайги. Тигрица с тигренком среди бела дня устроила охоту на бродячих псов в окрестностях села Черниговка. И эту особу с детенышем пришлось переселять в глухую тайгу.

В. ХРАМЦОВ
Приморский кр.

Читатели журнала «Охота и охотничье хозяйство», да и просто охотники-рыболовы, видимо, еще не забыли всех мытарств, связанных с порядком получения лицензий на мелких зверушек и пернатую дичь, который был упразднен в 2006 году. Что-то аналогичное кроется в недавно введенном квотировании спор-

тивного лова рыбы, особенно на хищные виды — щука, окунь. Только процедура оформления, получения квот, как и последующий учет выловленной рыбы удочкой значительно сложнее и продолжительнее, чем получение (выдача) упомянутых выше лицензий.

У многих членов ВОО, на примере мнений кубанских рыболовов, есть небольшая надежда, что и квотирование спортивного (любительского) лова рыбы со временем будет отменено как надуманное, ведущее к усложнению работы государственных и общественных объединений, а также к ущемлению прав граждан. Об этом наглядно свидетельствует признание самого министра сельского хозяйства РФ Алексея Гордеева в статье М. Чканикова «Хамса останется без квот», опубликованной в Российской газете (№ 145 от 7.07.07 г.).

Более того, впервые в открытой печати делается упрек науке (ВНИРО), что рассчитываемое ими ОДУ (общедоступный улов) ведется непрофессионально и с большим занижением. Так, на 2006 год институтом АЗНИИРХ (Ростов) на все Азовские плавни Краснодарского края было выделено рыбакам-любителям: щука — 440 кг, сом — 40 кг, окунь — 440 кг. И это на сотни тысяч рыболовов!

Отец и сын Ковины и их собака Барсик

В этой связи, как ни лукавили охотобщества, квоты были выбраны уже в первых числах января. А что дальше? А дальше рыбинспекция, милиция начали применять санкции против тех, кто появляется на водоемах с удочками. Как известно, ценность Азовских плавней в том, что здесь нерестятся судак, тарань, осетровые. Вот и получается, одни нерестятся, дают потомство, а другие, «опекаемые» наукой, уничтожают это потомство. Глупее картину не придумаешь.

И. САМАРСКИЙ
Председатель Совета военно-охотничьего общества Краснодарского гарнизона

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам жена

охотника с 38-летним стажем. Охотой увлекается и наш сын Николай, который сейчас служит в рядах Советской Армии. Он и там продолжает читать ваш журнал, который ему приносит командир, узнав, что он охотник.

Я хочу пожелать всем мамам и женам быть помощниками своим близким и поощрять их увлечение, потому что охота — это здоровье, бодрость духа, хорошая закалка, сила воли, она отвлекает от дурных мыслей.

Помогите сделать подарок сыну от любящей мамы, напечатать его фотографию с отцом и собакой Барсиком, которую он вырастил сам. Мы с отцом очень им гордимся.

Т. КОВИНА
Пермский кр.

сибири

ОХОТНИК И РЫБОЛОВ

ГАЗЕТА ДЛЯ ДУШИ

- «Охотник и рыбоволов Сибири» — ежемесячная полностью цветная газета, 24—32 страницы формата А3.
- Об охоте и оружии, о рыбалке и снастях.
- О зверях и рыбах Сибири. О способах их добычи и ловли.
- Информация от сибирских Обществ охотников и рыболовов, охотнадзора. Передовой опыт сибирских охотхозяйств.
- Поучительные и развлекательные рассказы сибирских охотников.

• Подписку можно оформить на любой почте, на любой срок и с любого месяца по каталогу «Почта России».

ИНДЕКС — 31720.

Стоимость подписки за полгода не должна превышать 100 рублей (зависит от региона страны).

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция! Хочу вам сообщить об ужасном случае, произошедшем со мной 28 сентября 2007 г. в Гусь-Хрустальном районе Владимирской обл. на автодороге г. Гусь-Хрустальный — п. Уршель. В этом самом месте была зверски застрелена моя собака, западно-сибирская лайка по кличке Сунар. Она была убита человеком в гражданской одежде, как потом выяснила милиция, им оказался егерь охотхозяйства «Головарское» Беседин Сергей Андреевич.

Услышав выстрел и визг собаки, я побежал в ту сторону. Мне навстречу выбежал человек с требованием предъявить документы на право охоты. Подавая ему документы, я в свою очередь, потребовал показать удостоверение, тогда он выхватил мои бумаги, в которых, кроме охотничьего билета и путевки, было разрешение на хранение и ношение оружия, и скрылся в лесу.

Выйдя на дорогу, я увидел

мою собаку, много людей и автобус на обочине. Дело в том, что автобус национального парка «Мещера», участников Всероссийского семинара, ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, сотрудников национальных парков (несколько десятков человек) проезжал в это время по дороге. И люди стали невольными свидетелями случившегося, они вышли из автобуса, вызвали милицию и зафиксировали все на фото и видеокамеры. Имеется заключение ветеринарного патолого-анатомического вскрытия, что выстрел произведен сбоку в угон, и смерть наступила мгновенно.

Хотя милиция и не зафиксировала того, что Беседин был в нетрезвом состоянии, так как допрашивали его значительно позже, могу утверждать, что запах перегара был очень сильным. Но, думаю, и без этого будет достаточно улик и свидетелей, чтобы привлечь этого живодера к ответственности.

Я лишился лайки, возраст которой был 4 года 8 меся-

цев, универсального работника, многократного участника и призера областных выставок с оценкой экстерьерера, как сказал один эксперт, больше, чем «отлично». Наша большая семья (у нас с женой трое детей) до сих пор находится в шоке, нам всем очень больно. Тем не менее я прошу редакцию опубликовать фотографию убитой собаки, чтобы вся охотничья общественность страны, увидев это, осудила этого человека.

Конечно, теперь он утверждает, что я натравливал на него собаку, но меня там вообще в тот момент не было, и этому немало свидетелей.

Милицию вызвала зам. директора национального парка «Мещера» по туризму Дроздова Зоя Николаевна. Протокол от 28.09.2007 г. составлял участковый п. Уршель Артюхов Виталий Михайлович.

Ю. ВАВИЛОВ
г. Гусь-Хрустальный

Охота и рыболовство на Руси

23-я Международная выставка
Москва, ВВЦ, 14-18 февраля 2008 года, павильоны № 69,70

Дорогие друзья!
Приглашаем Вас!

РУССКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ КОМПАНИЯ
ЭКСПОДИЗАЙН

ОРГАНИЗАТОР: Русская выставочная компания
"ЭКСПОДИЗАЙН"
Тел./факс: +7(495) 181-44-74;
+7(495) 258-87-66,
hunter@expo-design.ru; www.hunting-expo.ru

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО» за 2007 год

ПЕРЕДОВЫЕ

Данилкин А. Трофейная охота: проблемы и перспективы	1
Данилкин А. Дикие копытные: охотничья добыча и неохотничьи потери	4
Дёжкин В. Где быть охотничьему хозяйству России	6
Дёжкин В. Что с собой, российский глубинка?	9
Домский И., Ширяев В. Цитадель охотоведческой науки	11
Жаров О. Проблемы охотоведческого образования	2
Кузякин В. Статистика — мониторинг — управление	5
Мальцев В. Возродить дух охотничьего собаководства	7
Мельников В.В., Мельников В.К. Что такое охотничье хозяйство?	3
Петренко В. Возродить дух промысловой охоты	10
Сухомиров Г. и др. Проблемы развития охотничьего хозяйства	12
Чернышев В. В чем радость охоты?	8

ОХОТА, ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЕЛ

Астафьев Н. Хочу продать ружье: что я должен делать?	3
Астафьев Н. Юридическая консультация для охотников	4
Астафьев Н. Награждение оружием	6
Астафьев Н. Что делать в случае утраты оружия?	7
Астафьев Н. Перерегистрация оружия	10
Бендерский Э., Блюм А. Росохотрыболовсоюз: проблемы и перспективы (интервью)	9
Берестовский Е. Охотничий и рыболовный туризм: две стороны одной медали	7
Бибикина В., Дворяждина Н. Сергей Николаевич Линейцев	2
Гуров В. и др. Юрий Федорович Мамаев	10
Бологов В., Бологов Вл. Таинство экологического туризма	8
Вашукевич Ю., Жаров О., Камбалин В. и др. Славный юбилей. В.К. Мельникову — 70 лет	11
Верещагин Н. Мои охоты на фазанов	1
Вехов Н. Охоты в Центральной Азии. Из путешествий Н.М. Пржевальского	7, 12
Глушков В. Лось «медведеуказчик»	9
Гуров В. С охотой об руку по жизни	5
Гусев О. Не будем пускаться в затейливость	7
Давыдов М., Дигилевич А. «Охота — мощнейший фактор моей психологической и физической реабилитации» (интервью)	10
Журавлёв Ю. Моя первая промысловая охота	2
Калинин М. Урал	7
Калинин М. Моя Синяя птица	5
Калинин М. Школа охоты	7
Калинин М. Уссурийский край	10
Караганов С., Савельева К. «Я с детства мечтал стать охотником» (интервью)	8
Кизилов Г. «Человек с ружьем» — еще не охотник	5
Колпащиков Л., Мухачёв А. Биолог-охотовед Сибири	10
Константинов Ю. На уток в сентябре	9
Корытин С. Отто Сергеевичу Русакову исполнилось 75 лет	10
Литвенко В. Охота на уток с чулками	4
Лобанов В. Русская подсадная утка и ее стандарт	10
Мамонов Л. «Худые» люди	4
Мельников В. Сергей Петрович Кучеренко (к 80-летию со дня рождения)	10
Миноранский В., Сидельников В., Симонович Е. Искусственные гнездовья для водоплавающей дичи	4
Михайлов В. Незабываемое	5
Муравицкий В. Кажется, это было совсем недавно	3
Окунь В. Охота на медведей... на дубах	7
Петров Б. Знаменитые соболятники	4
Плакса С. Кудактин А.Н. К 60-летию со дня рождения	6
Полевой В. Соболю в моем доме	3
Попов В. Размышления о судьбах охоты на Вятской земле	7
Салганский А. Учитель (к 125-летию со дня рождения П.А. Мантейфеля)	8
Сафонов В. Сергею Александровичу Корытину — 85 лет	5
Сафонов В., Савельев А. Глушкову Владимиру Михайловичу исполнилось 70 лет	12
Стародубцева О. «Чистый лес»	8
Темеров В. Консультации юриста	2, 8
Усиков С. Охота на бурого медведя на Камчатке	5, 6
Устинов С. Соболю «огонь-зверь»	9
Трушин О. Дерзкий побег	11
Чугунхин О. Каменный пояс	11
Шевченко В. Охотник от Бога (К 80-летию М. Калинина)	2
Шредер В. Славный юбилей (К 60-летию Е.А. Братухина)	3

ОХРАНА ПРИРОДЫ

Гусев О. Государственным заповедникам России — 90 лет!	1
Семёнов У. По следам кавказского барса	6

НАУКА

Данилкин А. Как сохранить диких копытных в зимний период	8, 9
Кучеренко С. Закоренелый индивидуалист	6
Кучеренко С. Барсук — лесной мелиоратор	7
Кучеренко С. Росомаха — вечный скиталец	8
Лавров Л. Консервирование бобровой струи	3
Маловичко Л. Знакомьтесь: зеленая шурка	4
Маловичко Л. Зимородок — птица года 2007	10
Павлов М. Потрясающее чудо природы: кабаны в лесах вятского глубокоснежья	2
Павлов М. Наука о вальдшнепе	5
Размахнин В. Чудодейственная сила пантов	6
Памяти Рыковского	8
Руковский Н. Игры диких животных	8
Руковский Н. Енот — это кто?	11
Седалищев В. Ресурсы соболя в Якутии (состояние и использование)	12
Сивков А. Тетерева с передатчиками	5
Смирнов М. Страхочная петля — универсальный элемент оборонительного поведения диких животных	3
Собанский Г. Как я перевозил норок	12
Соколов Г. Соболю: пути рационального использования	10
Туманов И., Кожаев А., Филатов А. Околоводные хищные звери	6
Тундыков Ю. Почему на грани?	9
Чернышев В. Дарвиновскому музею — 100 лет!	9
Шилько Э. Бурый медведь: биотехния и охота	2
Шишкин В. Воробыиные	1-12

МОЛОДОМУ ОХОТНИКУ

Блюм А. Загонные охоты на копытных	11
Житенёв Д. Советы бывалых охотников. Бурятский узел. Жильные нитки	1
Житенёв Д. Советы бывалых охотников. Переправа, переправа...	6
Житенёв Д. Советы бывалых охотников. Гуси из гофрокартона	7
Житенёв Д. Советы бывалых охотников. Конь охотника	8
Житенёв Д. Советы бывалых охотников. Хлебное дерево	9
Житенёв Д. Советы бывалых охотников. Волокуши и нарты	11
Житенёв Д. Советы бывалых охотников. По снегам-сугробам	12
Крылов А. Советы бывалых охотников. Капкан на соболя	1

СОБАКОВОДСТВО

Айрапетьянц А. Русские спаниели	7
Гибет Л. 10-ая Всероссийская выставка охотничьих собак	11
Горбунова Е. Господа охотники! Почему не водите своих собак на выставки?	1
Горбунова Е. Мы снова во Фрязево встретились...	10
Горьков А. За уткой с карелками	9
Греков В. Англичанка Аза	11
Егоров О. Отечественные гончие — подведение итогов II	7
Животченко В. Евразия	8
Космачевский С. С таксой на утку	8
Космачевский С. С таксой за зайцем	12
Кузьяев А. Охота с гончими на зайцев	10
Лапсин Г. Промысловая лайка Джек	1
Лапсин Г. Мастеровитый Джек	4
Литвенко В. Собаки на загонной охоте	12
Мансурова Л. Еще раз об испытаниях норных собак	12
Маюкин А. Идеальный спаниель	5
Подсевалов В. Работа гончих: влияние климата, тропы и погоды	2
Попов В. Последняя песня Бушу	12
Селаври М. Емелечка	6
Стручков А. Голоса гончих	3
Уськов В. Мой пойнтер Лада	9
Шарафутдинов А. Нужно ли разграничивать полномочия гончих	3
Шарова Н. Состязания, ожидаемые как праздник, но открывшие множество проблем	4
Шарова Н. Каждый выбирает по себе	6

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Алексеев Ю., Грольман В. Оптимальная масса пуля Полева	4
Алексеев Ю., Сергеев Е. Рикошет ружейных пуль в лесу	6

Алексеев Ю. Пороховой заряд из «Сунара 35» в патроне 12 калибра	12	Нартов Д. Стихи	3
Антонов О. Из опыта применения, Магnum 12/76	5	Панкратов В. Мастер охотничьего натюрморта	2
Антонов О. Пуля «Удар» 12 калибра, или что нового о пулевых патронах	12	Панкратов В. Певец радости жизни	6, 7
Берестовский Е. Маленькое ружье — большие заботы	5	Петров Б. Воронье	2
Блюм А. Русская «трехлинейка»: история создания и она же как охотничье оружие	2	Петров Б. Весна на снегу	3
Блюм А. Парадоксы — история или перспектива?	3	Поддубный М. Виктор Николаевич Челищев — автор хроники «Охотники»	2
Блюм А. Консультации охотоведа	6, 10	Поддубный М. О новом издании «Мелкотравчатых»	6
Блюм А. Михаил Николаевич Блюм	6	Поддубный М. Николай Анатольевич Зворыкин: post mortem	12
Блюм А. Об убойном действии пуль	7	Серебренников Е. Дружок	10
Блюм А. Удачной охоты	8	Смирнов В. Леонард Францевич Винницкий	5
Блюм А. Искра М — Экстра М	9	Старченко Н. Закрайки	5
Блюм А. Практика и тренировка в пулевой стрельбе	10	Столяров К., Савельева К. Семейная охотничья страсть (интервью)	1
Блюм А. Тройники на охоте	11	Столяров К. Возвращение шедевров. «Царская охота на Руси», «Охота в Беловежской пуще»	3
Блюм М. Патроны на зайца и лисицу	1	Челищев В. В пороши	2
Вальнёв В. Замена бойка на ружье ИЖ-27	7	Чернышев В. Бумаге каждый шаг своей поверяя	2
Вальнёв В. Отладка ударно-спускового механизма ИЖ-94 «Тайга»	9	Чернышев В. Кафе-хаус «Алабама»	4
Вальнёв В. В поисках прицела	12	Шлишкин В. Бескровная охота, блаженная пора	9
Гуров В. «Германика» — ружье охотников и спортсменов	10	Янковский В. Квадриплет	5
Гуров В. С любимым ружьем в обнимку	12		
Константинов Ю. Безопасная стрельба на охоте	8	ЗА РУБЕЖОМ	
Липин А. Ружье МЦ 21-12	4	Дёжжин В. Биоразнообразиие охотничьих животных в США	4, 5
Маслов Ю. Мое ружье: вопрос-ответ. Франц Егер	1	Хантер Д. Леопард	2
Маслов Ю. Мое ружье: вопрос-ответ. Holland&Holland	2	Чегодаев А. Джон Хантер: от браконьера до охотника	2
Маслов Ю. Мое ружье: вопрос-ответ	3, 8, 10		
Маслов Ю. Йохан Калецки	7	ФОТООЧЕРКИ	
Найденов А., Кислицына Н. «ЦКИБ СОО». Карабины охотничьи револьверные МЦ502	1	Вехов Н. Заповедные острова Беломорья	6
Найденов А., Кислицына Н. «ЦКИБ СОО». Оригинальное МЦ255	4	Вехов Н. Тропарёвский лес	12
Найденов А., Кислицына Н. «ЦКИБ СОО». МЦ 552 под патрон 9,3x62 мм	9	Гриков Г. Косторезы	2
Найденов А., Кислицына Н. «ЦКИБ СОО» МЦ 551 под 8x68S	11	Дигилевич А. Охота на овсах	9
Пять писем на одну тему	5	Дигилевич А. Расселение зайцев-беляков	10
Филатов В. Оружейный художник	2	Дьячков В. На Курильских островах	12
		Ерохин В. Малый зук	5
		Животченко В. Год кабана	1
		Животченко В. Золотая черепаха	6
		Кожичев Р. На тигрином логове	12
		Мамонов Л. Пантовка	5
		Мамонов Л. Охота на козерога	11
		Севастьянов А. Посвист утиных крыльев	1
		Севастьянов А. Теремок	1
		Севастьянов А. Суровая зима	2
		Севастьянов А. Весна не только по календарю	3
		Севастьянов А. Недостроенное гнездо	4
		Севастьянов А. В майское утро	5
		Севастьянов А. Ныряльщики	6
		Севастьянов А. Середина лета	7
		Севастьянов А. Брусничные места	8
		Севастьянов А. В лесу падают листья	9
		Севастьянов А. Бобры в Москве	10
		Севастьянов А. Зимние фотоохоты	11
		Тишкевич С. Снежный баран	1
		Тишкевич С. Северный олень	2
		Тишкевич С. Волки Горного Бадахшана	3
		Тишкевич С. Весенняя охота на камчатских медведей	4
		Тишкевич С. Бухарский олень	7
		Тишкевич С. Бухарский уриал	10
		Тишкевич С. Кеклики	8
		Тишкевич С. Канибализм камчатских медведей	11
		Чернышев В. Фотографирует Виктор Усков	3
		РАЗНОЕ	
		Библиотека охотника	2, 3, 4, 6, 7, 11
		Животченко В. Новости музея охоты и рыболовства	6
		Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2006»	3
		Кизилов Г. Мой любимый журнал	4
		Курьезы охотничьей жизни	2, 3, 4, 7, 9
		На привале	1—12
		Письма читателей	1—12
		Фотоконкурс «Охота и природа, 2007»	1
		Чугунихин О. Духи, имена, знаки вещей	8

Фотоконкурс

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» проводит
Очередной фотоконкурс под девизом «Охота и природа, 2008»
 Подробная информация о фотоконкурсе — в № 1 за 2008 год

В НОМЕРЕ

СУХОМИРОВ Г., БАЛАГАНСКИЙ Н. и др. Проблемы развития охотничьего хозяйства	1
СЕДАЛИЩЕВ В. Ресурсы соболя в Якутии	2
ВЕХОВ Н. Тропарёвский лес	4
СОБАНСКИЙ Г. Как я перевозил норок	6
САФОНОВ В., САВЕЛЬЕВ А. Глушков В. М. (К 70-летию со дня рождения)	9
ЖИТЕНЁВ Д. Советы бывалых охотников. По снегам-сугробам	10
ДЬЯЧКОВ В. На Курильских островах	12
ВЕХОВ Н. Охоты в Центральной Азии	16
ЛИТВЕНКО В. Собаки на загонной охоте	18
ПОПОВ В. Последняя песня Бушуя	20
МАНСУРОВА Л. Еще раз об испытаниях норных собак	21
КОЖИЧЕВ Р. На тигрином логове	22
АЛЕКСЕЕВ Ю. Пороховой заряд из «Сунара 35» в патроне 12 калибра	24
ВАЛЬНЁВ В. В поисках прицела	26
ГУРОВ В. С любимым ружьем в обнимку	28
КУЧЕРЕНКО С. Настоящий охотник	30
МЕЛЬНИКОВ Л. Первая охота	32
ПОДДУБНЫЙ М. Николай Анатольевич Зворыкин: post mortem	36
ЗВОРЫКИН Н. Встречи	38
ДУНИЩЕНКО Ю. По собольему следу	40
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой странице обложки:
Виктор Алексеевич Огоньков — егерь охотничьего участка «Ленинские горки». Заводчик гончих и любитель охоты с ними

Фото К. Гриниха

На второй странице обложки:
В охотничьих угодьях, закрепленных за обществом охотников, где хорошо налажена охрана и ведется подкормка, численность животных значительно выше, чем на беспризорных территориях
 Фото А. Дигилевича (внизу) и А. Севастьянова

На четвертой странице обложки:
Бородач — огромная хищная птица из отряда Соколообразных, семейства Ястребиных. Обитает в горах Кавказа, на Алтае и в Саянах. Размах крыльев достигает почти 3-х метров

Фото С. Тишкевича

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:
М. В. Булгаков, Г. В. Висяцев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**
 Художник **Т. В. Баженов**
 Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**
 Корректор **З. М. Данилова**
 Фотокорреспонденты:
А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 2.10.07 г. Подписано к печати 01.11.07 г.
 Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28 000 экз. Заказ 886. Цена 40 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спаская ул., 18
 Тел.: 607-24-05, 607-20-91

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
 Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
 факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00
 Отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59
 В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
 Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

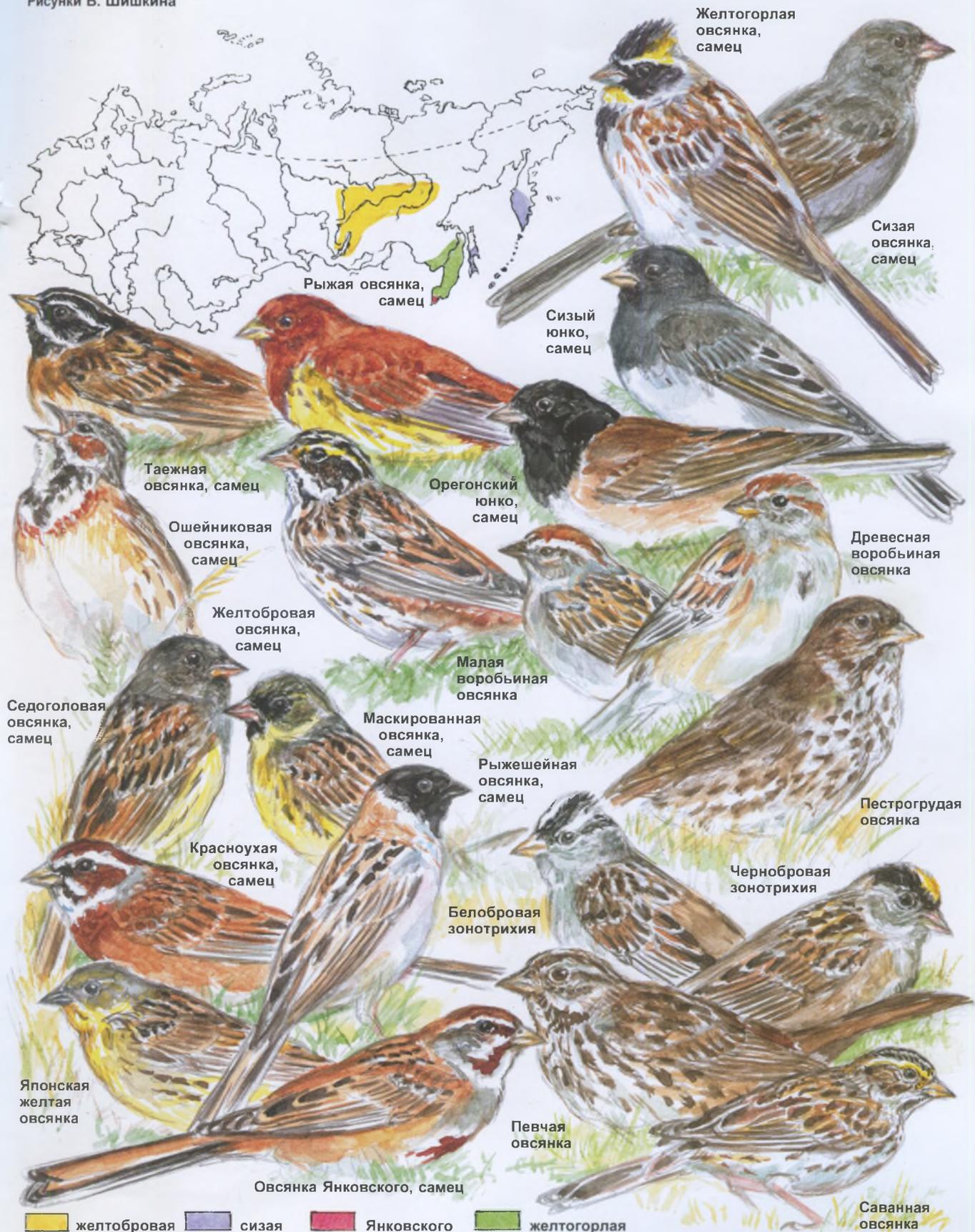
ВОРОБЬИНЫЕ

Наиболее разнообразны у нас овсянки (см. также № 11) на Дальнем Востоке. Здесь, на юге Приморья обитала до 70-х годов XX века загадочная **овсянка Янковского**, названная в честь добывшего ее натуралиста-охотника, исследователя Дальнего Востока М.И. Янковского. Эта овсянка, внесенная в Красную книгу России, еще встречается в Китае и Корее. У самца рыжая шапочка и надхвостье, белая бровь, коричневые усы, серые щеки, на беловатом брюхе бурое пятно. Наряд самок, как у большинства овсянок, более тусклый, пестрин больше. Похожа на предыдущий вид, но распространена гораздо шире (на запад до Тянь-Шаня) **красноухая овсянка** (вес до 25 г, размах крыльев около 25 см). У самца шапочка, щеки и зоб коричневато-каштановые. Более влажные биотопы от Приморья до Байкала предпочитает **ошейниковая овсянка**. У самца щеки и часть груди рыжевато-коричневые, темя серое в пестринку, усы черные, на белом зобе черной полушейник. На юге Приморья гнездится более мелкая **таежная овсянка**, у самца на фоне черной головы выделяются белые брови, усы, теменная полоса. Сходен ареал и у **желтогорлой овсянки**. У самца желтые брови и горло, черные — маска, пятно на зобе и темя, на котором заметен хохол. Среди немногих птиц-эндемиков России есть и овсянка **желтобровая**, гнездящаяся только в Восточной Сибири. От родственной таежной самец желтобровой отличается желтой бровью, белым горлом, светлым брюхом. Еще меньше размеры **седоголовой овсянки**, распространенной от Приморья до Енисея. У самца брюхо лимонно-желтое, голова и зоб сизые. Обитающая на Сахалине и Курилах форма седоголовой овсянки, самцы которой отличаются желтой брюшной стороной (включая зоб) и зеленовато-серой головой, многими признается за отдельный вид — **маскированная овсянка**. Совсем недавно в Приморье был зарегистрирован залет мелкой **японской желтой овсянки**, похожей на маскированную, но у самца вся голова желтоватая. Крупная (почти как красноухая) **сизая овсянка** (этот тон преобладает в окраске самцов) гнездится на Сахалине и Камчатке. Родственная дубровнику миниатюрная **рыжая овсянка** заселила преимущественно листовничники от Приморья до Ангары. В окраске оперения самца преобладает каштаново-рыжий цвет, брюхо лимонно-желтое. Камышовую овсянку в миниатюре напоминает гнездящаяся на юге Приморья **рыжешейная овсянка**, но у самца зашеек рыжеватый, белые усы отсутствуют.

В списке североамериканских видов, проникших на северо-восток России, наибольшее число представителей из семейства овсянок; вместе с островной пуночкой 10 видов. Залеты регистрируются на Чукотке, о-ве Врангеля, реке на Камчатке. Мелкая, пестрая, желтоватая похожая на короткохвостого жаворонка **саванная овсянка** не только залетала, но и пыталась гнездиться на Чукотке. **Две древесные овсянки** — **воробьиная** и **малая** встречались на о-ве Врангеля. Более крупная воробьиная, с рыжей заглазничной полосой, серой бровью и темным пятнышком на груди у самца, отмечалась на Чукотке и Камчатке. На о-в Врангеля залетал **серый юнко**, похожий на сизую овсянку, но мельче ее и с белым брюхом. Там же был обнаружен близкий вид — **орегонский юнко** (у самца рыжая спина, черно-бурые голова и зоб). Неоднократно здесь же и на Чукотке наблюдали крупных **белобровую** и **чернобровую зонотрихий**. У самца первой бровь и темя белые, у самца второй — темя желтое, бровь черная. Окраской и размерами похожая на дрозда, **пестрогрудая овсянка** с буроватой спиной и треугольными пятнами на светлом брюхе регистрировалась на Командорах, о-ве Врангеля, на Чукотке. Напоминающая ее размерами и окраской **певчая овсянка** отмечена на Чукотке. Как и у предыдущего вида окраска полов сходна. У певчей овсянки светлые темя, бровь, пестрины на брюхе продольные. Описанием овсянок мы завершаем не только отряд воробьиных, но и весь Атлас охотничьих, непромысловых и охраняемых птиц России и ближнего зарубежья, который мы вели более 15 лет. Наши постоянные подписчики могли видеть как постепенно определялась форма Атласа и страницы первых лет публикаций, естественно, отличались от последующих. Учитывая также просьбы читателей выделить больше внимания охотничьим видам, мы в следующем году в расширенном и переработанном виде дадим описание отряда куликов.

В. ШИШКИН

Рисунки В. Шишкина

желтобровая сизая Янковского желтогорлая

Индекс 71473 — на полгода. Цена 40 рублей

USSN 0131-2596. Охота и охотничье хозяйство, 2007. № 12. 1-48.